

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

REGIONAL ARCHITECTURAL AND ART SCHOOLS

Материалы Международной научно-практической конференции
"Региональные архитектурно-художественные школы"

15 марта 2018 г.

г. Новосибирск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

2018

№ 1

Новосибирск

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств»**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ**

2018

№ 1

Новосибирск
2018

УДК 72+711+72:378+7.07
Р 32

Р 32 **Региональные архитектурно-художественные школы.** — 2018. — № 1.
ISBN 978-5-89170-235-6

ISBN 978-5-89170-235-6

© Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна и искусств, 2018

МЕЕРОВИЧ МАРК ГРИГОРЬЕВИЧ
(19 июня 1956 – 18 октября 2018)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Туманик Г.Н.,
Колпакова М.Р.
g.tumanik@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 711
ББК: 85.118

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ИНСТИТУТА «НОВОСИБГРАЖДАНПРОЕКТ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ГРАДОРЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления и развития регионального проектного института гражданского проектирования Новосибиргражданпроект, переживающего сегодня глубокий кризис. Сделана попытка обосновать необходимость воссоздания в новых социально-экономических условиях регионального научно-проектного центра, занимающегося мониторингом развития градостроительных систем, научными и проектными разработками, способствующими планомерному и преемственному развитию областного центра и других городов региона.

Ключевые слова: история проектного коллектива, градостроительная система, градостроительное законодательство, городская среда, градорегулирование.

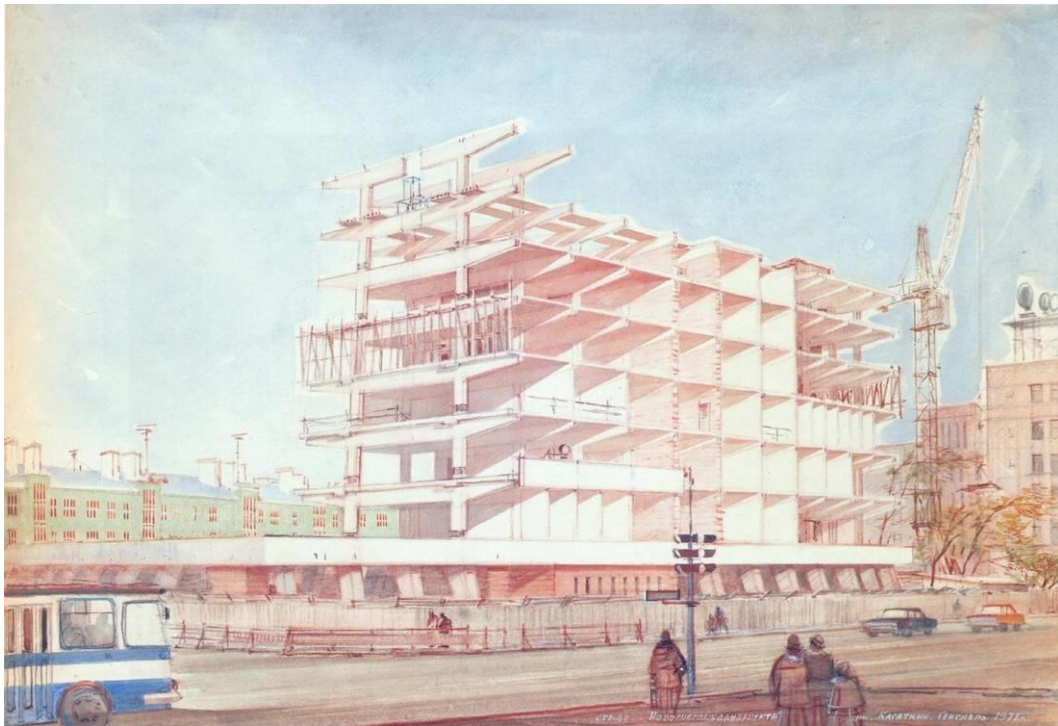
Институту «Новосибгражданпроект» в 2017 г. исполнилось 70 лет. Называть институтом оставшийся на сегодняшний день небольшой проектный коллектив сложно. На протяжении добрых двух десятков лет происходил постепенный распад крупного института, значимость и масштаб работ которого выходили за пределы региона. Экскурс в историю формирования и развития института, его былая роль в региональном градостроительстве, современные проблемы градорегулирования – все это невольно приводит к вопросу: в полной ли мере реформирование проектно-строительного комплекса отвечает задачам градостроительства на современном этапе отечественной истории.

25 апреля 1947 г. при Новосибирском горисполкоме была организована проектная контора, преобразованная через четыре года в Новосибирскую городскую контору «Горпроект» Госстроя СССР. Через 10 лет, в 1957 г., на базе Горпроекта был создан институт по жилищному, гражданскому и коммунальному строительству «Новосибгорпроект» (60 сотрудников, в том числе 8 архитекторов) с задачами проектирования Академгородка СО АН СССР и других объектов, в том числе жилых зданий.

С 1957 г. в Новосибиргорпроекте выполняется проектное задание планировки и застройки Академгородка, в мае 1958 г. оно утверждено в Москве. Однако с 1 июня 1959 г. архитектурно-планировочная мастерская, проектировавшая Академгородок, переводится в Новосибирский филиал Ленгипростроя, которому по Решению Совета Министров СССР передано проектирование научного городка. Институт покинули более 60 квалифицированных проектировщиков. К 1960 г. численный состав восстановлен – 300 сотрудников. Закончено проектирование и строительство Новосибирского театра музыкальной комедии, пристройки широкоформатного зала к кинотеатру «Победа» и др. В мастерской генерального плана

(рук. МПП О.А. Шталь) была закончена работа над технико-экономическими основами (ТЭО) генплана г. Новосибирска, которые после утверждения в Госстрое и Госплане СССР дали старт разработке Генерального плана г. Новосибирска (1968 г.).

В сентябре 1962 г. в институт вливается Облпроект, с января 1964 г. сюда переведена мастерская из Кузбассгипрошахта. Институт получает название «Новосибгражданпроект». Численный состав института в 1970 г. составил 595 человек. В 1968 г. завершена работа над генеральным планом города Новосибирска (рук. арх. Л.Н. Михалёв). В 1960-е гг. ведется проектирование крупных общественных зданий: аэровокзал в Толмачёво (арх. А.А. Воловик и др.), библиотека СО АН СССР (арх. А.А. Воловик и др.), жилых районов – Затулинский, Гусинобродский, Ботанический, кинотеатра им. Маяковского (арх. Г.П. Зильберман, Г.В. Гаврилов и др.). По заданию горисполкома институт разрабатывает в эти годы Комплексную схему развития всех видов городского пассажирского транспорта, выполнение которой было поручено отделу транспортных проблем (инж. В.Я. Борисовский и др.).

Рис. 1. В.А. Касаткин. Строительство здания Новосибгражданпроекта на углу ул. Советской и Вокзальной магистрали. 1971 г. [5, с. 19]

У руководства институтом стояли в разное время Б.Г. Сигал, А.Т. Горбунов, с 1972 г. директором института назначается В.Я. Каргальцев, а с 1983 г. – В.П. Зонов. Заканчивается строительство здания института «Новосибгражданпроект» на Вокзальной магистрали (рис. 1), растет численный состав проектного коллектива. Выполнены крупные планировочные работы: проект детальной планировки центра г. Новосибирска (арх. Б.А. Жеребятъев, А.А. Воловик, Г.Н. Туманик и др.), комплексная схема развития всех видов городского пассажирского транспорта (инж. В.Я. Борисовский и др.), проекты размещения комплексного жилищного строительства на пятилетки 1970–1975, 1976–1980, 1981–1985, 1986–1990 гг.

и прогноз размещения комплексного жилищного строительства на 2010 г. (арх. М.Р. Колпакова, инж. Т.И. Добринская, В.С. Кириш и др.). Разрабатывались генпланы и проекты детальной планировки для Новосибирска и городов Новосибирской области (мастерская генерального плана), а также технико-экономические обоснования строительства в Новосибирске метрополитена (отдел транспортных проблем).

По проектам института в конце 1960-х – начале 1970-х гг. построены здания театра музыкальной комедии, кинотеатра «Рассвет» в Затулинском жилом районе, кинотеатров «Аврора» и «Горизонт», комплекс областной клинической больницы, гостиница ВПШ (арх. В.Л. Шатилов, В.В. Бородин и др.), ДК «Строитель» и хореографическое училище (арх. Г.В. Гаврилов и др.). Институт участвует в проектировании Димитровского автодорожного моста (инж. В.Е. Наумов и др.), проектирует жилой дом с магазином Военторг на ул. Гоголя. В 1980-е гг. ведутся проектные работы по Юго-Западному, Северо-Чемскому, Троллейному жилмассивам, микрорайону по северной стороне ул. Челюскинцев (арх. Г.В. Гаврилов, А.С. Михайлов и др.), проектируется и строится жилой комплекс по Вокзальной магистрали (арх. А.Г. Агафонов и др.).

В эти годы разворачиваются проектно-реставрационные работы по зданиям Городского торгового корпуса (арх. Е.С. Кривокорытов и др.), Дома Ленина, собора Св. Александра Невского, театра оперы и балета (арх. Г.К. Дергай и др.). В мастерской генерального плана ведутся разработки проектов детальной планировки жилых районов Кропоткинский (арх. В.П. Блинков и др.), Прибрежный (арх. Б.А. Жеребятъев, Г.Н. Туманик и др.), Волочаевский (арх. А.В. Бондаренко и др.), Южно-Чемской (арх. М.Р. Колпакова и др.) и мн. др. В архитектурно-планировочных мастерских института шла работа над проектами застройки жилых массивов: Ботанического, Затулинского, Гусинобродского, Волочаевского, Ипподромского, Кропоткинского, Северо-Чемского, Троллейного, Юго-Западного, Челюскинского и др.

По проектам Новосибиргражданпроекта построены и продолжают развиваться Линёво – городок Новосибирского электродного завода (арх. А.А. Воловик, Б.А. Жеребятъев и др.), научный городок ВНИИМБ Кольцово (арх. А.В. Бондаренко, Г.И. Бырда и др.), города нефтяников в Тюменской области Радужный (арх. М.Р. Колпакова, экон. Т.И. Добринская, гл. инж. проекта В.Г. Салион и др.), Муравленковский (арх. М.Е. Козлов и др.), Лангепас (арх. А.Д. Пряхин и др.), а также пос. Берёзовый (ст. Постышево) на восточном участке БАМа (арх. М.Р. Колпакова, инж. Т.И. Добринская и др.).

Награды Госстроя РСФСР присуждены объектам: Академгородок, аэровокзал Толмачёво, библиотека СО АН СССР, комплекс жилых домов с магазином «Синтетика», комплексная застройка участка Красного проспекта за путепроводом, кинотеатр им. В. Маяковского, кинотеатр «Горизонт», школа на 760 учащихся в пос. Новый, гостиница ВПШ, профилакторий «Сибиряк», экспериментальный детский сад, микрорайон А в Бердске, Юго-Западный микрорайон в Новосибирске, микрорайон по северной стороне ул. Челюскинцев и др.

Давать оценку результатам работы проектировщиков и строителей того времени нужно с учетом реальных возможностей города и региона. Переход на новые прогрессивные серии типовых жилых домов и индивидуальные проекты общественных зданий был осложнен инертностью строительной базы и напряженными планами массового строительства. Ощущался резкий дефицит строитель-

ных и отделочных материалов. Типовое проектирование и строительство по типовым проектам, учитывая его тривиальность, вытеснило из этой сферы деятельности мастеров архитектуры, которые искали и находили для себя более интересные в творческом плане задачи.

Рис. 2. Конкурсный проект центра Находки. Новосибиргражданпроект. 1980 г. Первая премия. Арх. В.М. Галямов, Г.Н. Туманик, А.В. Бондаренко, инж. В.С. Кириш [6]

Начиная с 1974 г. по предложениям Госгражданстроя СССР и Госстроя РСФСР в институте разрабатывались конкурсные проекты застройки центральной части городов: Тобольска, Красноярска, Ульяновска, Ангарска, Омска, Нижневартовска, Нефтеюганска, Находки (рис. 2), Кемерово и др. Из 22 выполненных проектов в рамках участия института в конкурсах союзного и республиканского уровней 14 проектов отмечены премиями, в том числе 9 проектов – первыми премиями. В конкурсных работах мастерская генерального плана института «Новосибиргражданпроект» показала высокий профессиональный уровень градострои-

тельного проектирования, во многих случаях превосходящий уровень работ центральных специализированных институтов, таких как ЦНИИПградостроительства, ЛенНИИПградостроительства, Гипрогор, Ленгипрогор и др.

Тем не менее массовое строительство, несмотря на поиски института новых градостроительных возможностей разнообразия городской среды, не воспринимало эти поиски. Технологическая инерционность индустриального строительства, а во многом и нежелание ответственных работников отрасли идти на реорганизацию производства, стали основными причинами низкого процента реализации градостроительных проектов, выполняемых мастерской генерального плана, в которых закладывались новые принципы планировочно-пространственной организации жилых микрорайонов и жилых районов. Проекты принимались, утверждались, но реализация в рабочем проектировании и строительстве по заданиям исполнительной власти осуществлялась с опорой на сложившиеся стереотипы.

Институт «Новосибгражданпроект», преобразованный в 1994 г. в ОАО «Проектный институт «Новосибгражданпроект», сегодня переживает серьезный кризис. От прежнего института с огромным творческим и техническим потенциалом осталось название и минимальная часть сотрудников, размещенная на небольшой площади одного из этажей огромного 9-этажного здания, занимавшегося ранее (крыло по Вокзальной магистрали) коллективом, насчитывающим более тысячи сотрудников. Из-за недозагрузки из института уходили и уходят кадры, среди которых немало прекрасных специалистов разных профессий, великолепно знающих город со всеми его проблемами и сложностями. Городу опытные кадры очень нужны, крупнейшему городу нужен и профессионально зрелый проектный коллектив, постоянно нацеленный на его проблемы и их профессиональное решение.

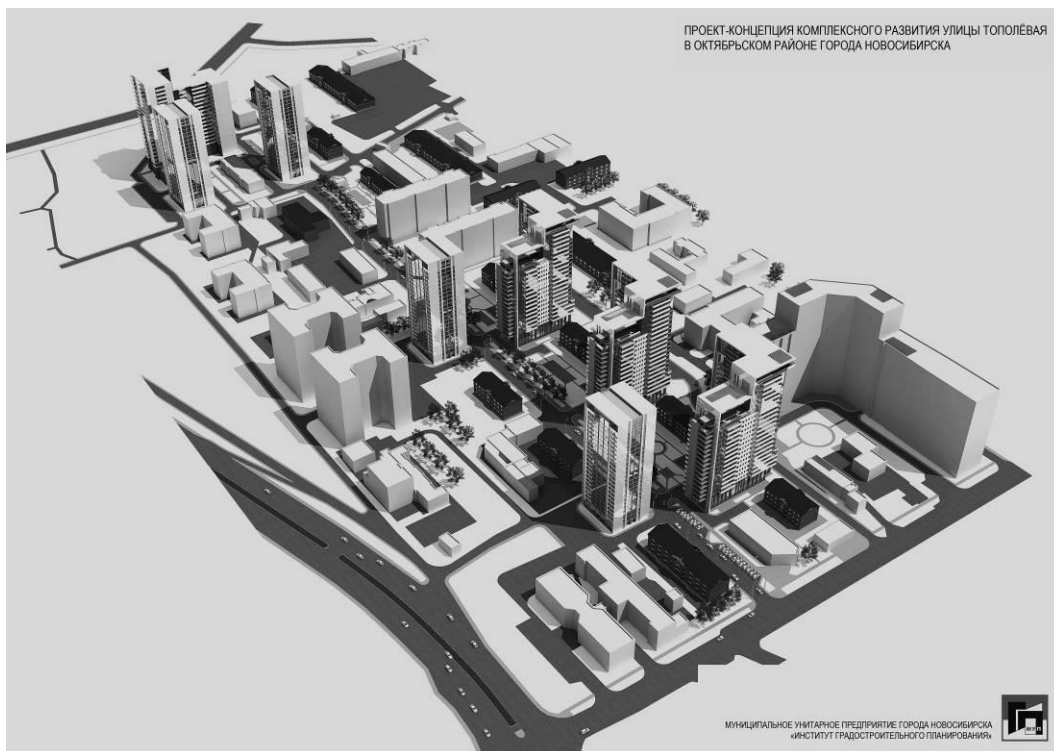
Готовы ли сегодня мелкие проектные мастерские, не имеющие необходимых архивных материалов, технического оснащения, опытных кадров, хорошо знающих город и владеющих необходимой информацией, хорошо отработанной технологии и методики поиска оптимальных решений, многолетних традиций и т.д., выполнить крупную и ответственную градостроительную работу: генеральный план города или проект планировки городского района, обосновать местоположение строительства очередного мостового перехода, выполнить комплексный проект развития городского центра или его крупного фрагмента? Вопрос риторический. Не могут. И многие проблемы градостроительного развития нашего города рождаются и процветают во многом именно поэтому.

Как необходима городу в его современной ситуации достаточно укомплектованная грамотными специалистами (архитекторами-градостроителями, инженерами-транспортниками, экономистами, экологами, инженерами-коммунальщиками) градостроительная научно-проектная структура, способная отслеживать процесс градостроительного формирования и развития Новосибирска, своевременно реагировать на негативные и позитивные процессы, профессионально набирать необходимые городу градостроительные программы, в том числе модели планировочно-пространственного формирования наиболее важных и ответственных фрагментов городской среды (улицы, площади, парки, бульвары и другие элементы городских общественных пространств), а также жилых и общественных комплексов. Только комплексный подход к любому строительству или реконструкции может гарантировать нас от новых ошибок, от ставшего уже обычным

противостояния городской общественности с одной стороны и союза чиновников и инвесторов-застройщиков с другой.

Мы привыкли отрицать необходимость выборочной, штучной, или, как ее называют журналисты, «точечной» застройки. А как обойтись без этого – без сноса участка ветхой, не представляющей никакой ценности застройки и строительства на этом месте нового жилья или общественного здания, без нового строительства на неиспользуемом локальном участке города, без проектирования и строительства иногда и в стесненных условиях крайне необходимого здесь детского садика, например. Без локального строительства и реконструкции город не может развиваться, обновляя городскую среду, сохраняя при этом ценную исторически сложившуюся застройку и памятники истории и культуры.

Комплексную застройку мы можем вести и ведем на крупных участках городских территорий. Получается эта комплексность или нет – это уже зависит от того, насколько отработан механизм взаимодействия застройщика и контролирующих органов. А вот выборочную, точечную застройку необходимо еще на стадии решения о ее реализации нагружать необходимыми ограничениями, обеспечивая тем самым комплексный характер ее реализации (рис. 3).

Рис. 3. Пример комплексного подхода к реконструкции: проект реконструкции ул. Топольной в Новосибирске. МУП «Институт градостроительного планирования». 2015 г.
Арх. Д.В. Малюженко, В.М. Галямов [6]

Для этого необходима разработка проектов застройки (реконструкции) крупных фрагментов городских территорий. Разработанные профессионально градостроительные программы могут быть предложены потенциальным инвесторам для последующей реализации. Не инвесторы-застройщики предлагают муниципалитету те или иные инициативы по застройке, а муниципальные службы –

инвесторам-застройщикам. Муниципальные службы осуществляют и контроль в продвижении и реализации градостроительных программ.

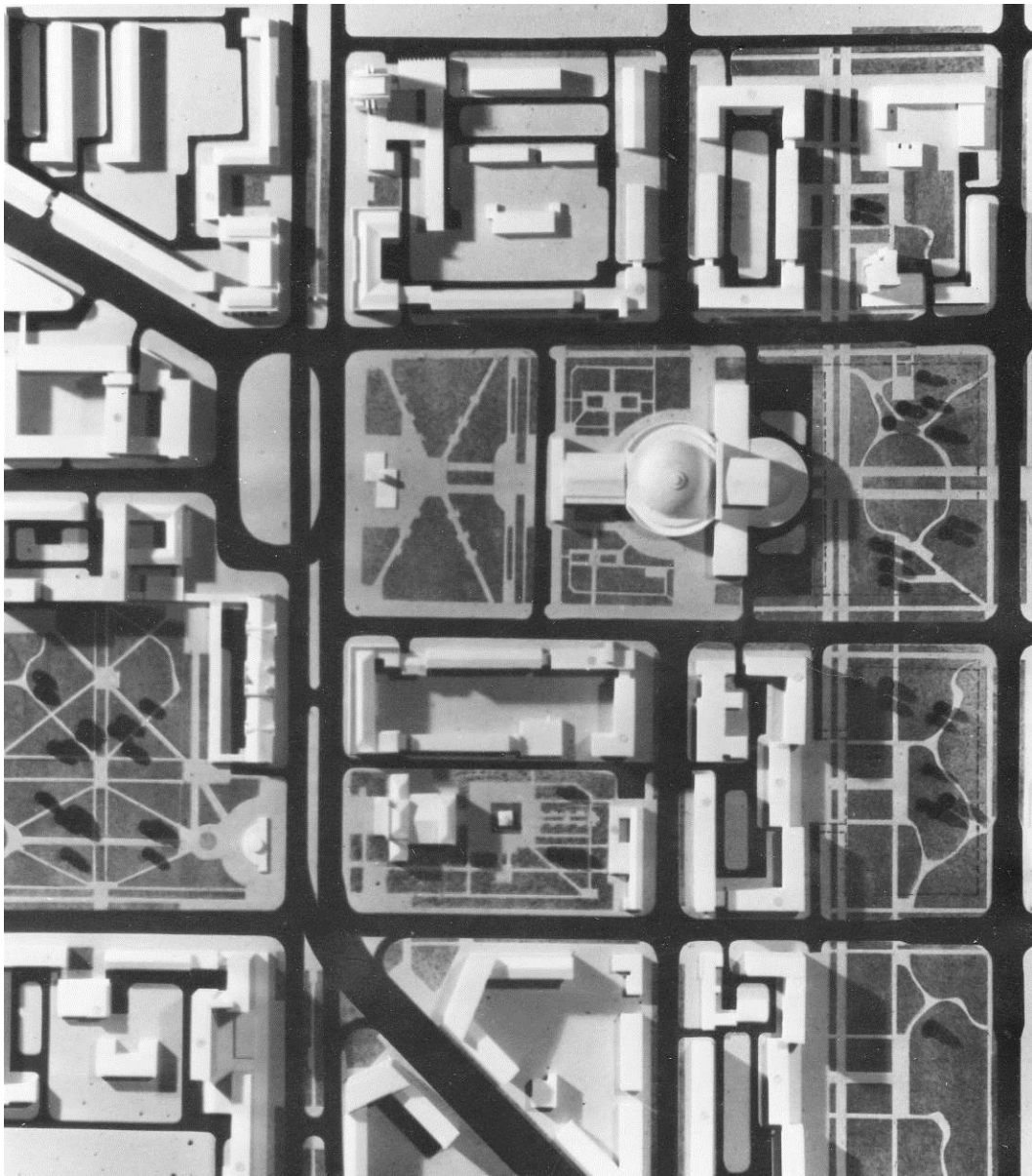
Беда не в точечной застройке, а в бытующих уже добрых два с лишним десятилетия подходах к ее осуществлению. Точечная застройка должна также носить черты комплексности, обеспечивая органичность введения в сложившуюся среду нового строительства. Под органичностью следует, очевидно, иметь в виду не только композиционно-пространственную организованность, но и функционально-территориальную обоснованность при беспрекословном соблюдении действующих строительных норм и правил. Кто-нибудь из чиновников соответствующих городских служб отслеживает, к примеру, расчетные показатели по обеспечению жилых территорий такими объектами, как школы и детские дошкольные учреждения? Мы можем привести много примеров, когда обеспечить нормативные параметры радиусов обслуживания этими учреждениями уже невозможно – все необходимые для строительства этих объектов территории запружены многоэтажным жильем. Как быть с детскими учреждениями и школами, которые дети посещают каждый день, и расположены эти объекты должны быть в пешеходной доступности и без пересечения транспортных улиц? Проблем с магазинами, кафе, аптеками и другими коммерческими объектами нет и никогда не будет. Аптеки уже по две во многих домах. А как быть с социальными объектами, рекреационными территориями, со спортивными площадками, с необходимыми стоянками для автомобилей и т.д.?

Городом должны заниматься профессионалы. Профессионал, если он чиновник, не может оставаться в современной чиновничьей среде полноценным профессионалом. Даже к так называемой независимой экспертизе сегодня уже доверия не осталось. Многие стройки, ведущиеся с явными нарушениями действующих норм, имеют положительные заключения экспертизы. В этой ситуации крайне необходима профессиональная муниципальная служба, занимающаяся градостроительным мониторингом, стратегическим планированием, прогнозированием и градостроительным проектированием. Разумеется, сегодня такой институт, каким был Новосибиргражданпроект в 1970–1980-е гг., городу и области не нужен. Но и без крупной и обеспеченной соответствующими кадрами научно-проектной структуры с бюджетным финансированием не обойтись. Да, кадровая проблема сегодня существует, но чем дальше, тем она будет сложнее.

Мы приглашаем для работы в городе столичных специалистов, часто весьма сомнительного профессионального уровня, забывая о том, что у нас есть свои профессионалы, которые знают нашу сибирскую специфику, особенности и характер города гораздо лучше, чем столичные или зарубежные гастролеры. Более того, унижительное заискивание перед столичными специалистами сопровождается щедростью компенсационных затрат.

Крайне необходимо возрождать творческие конкурсы, способствующие выходу на наиболее интересные проектные решения, избавлению от провинциализма в архитектуре, от протекционизма в кадровом обеспечении архитектурно-градостроительного дела, появлению в профессиональной среде новых талантливых молодых архитекторов и дизайнеров. Творческие конкурсы – великолепная школа для воспитания и творческого роста местных кадров архитекторов, градостроителей, дизайнеров и других специалистов (рис. 4). Необходимо ликвидировать, пока еще не поздно, разрыв в преемственности поколений, в передаче знаний и опыта от старших младшим. Связка «мастер – ученик» чрезвычайно важна

при подготовке и воспитании молодых специалистов в нашей сложной, интересной и очень ответственной профессии.

Рис. 4. Конкурсный проект формирования ансамбля пл. Ленина в Новосибирске. Новосибирский гражданский проект, первая-вторая премия. 1975 г. Арх. Г.Н. Туманик, А.Ф. Федотова, инж. В.С. Кириш, при участии студентов О. Сметаниной, Е. Блинова и Д. Шутова [6]

Может сложиться мнение, что авторы, ностальгируя о прошлом, хотели бы вернуться к прежним, советским порядкам в градостроительстве. Да, многое из того, что было утрачено, хотелось бы вернуть в нашу жизнь. В частности, государственную вертикаль управления градостроительством в России. Гигантские территории нашей страны, обострившиеся проблемы с их освоением, разнообразие природно-климатических условий, национально-этнических особенностей, бедность в инфраструктурном развитии, с одной стороны, и возрастающая геополитическая роль России как моста между Западом и Востоком – с другой свидетельствуют о необходимости государственного градорегулирования при сохране-

нии многих полномочий в градостроительном деле на региональном и муниципальном уровнях. Градостроительство в России всегда было делом «государственным», ибо обустройство наших территорий являлось и является делом государственной важности, так как направлено на создание удобной, гармоничной и безопасной среды для жизни человека, на освоение огромных и богатых природными ресурсами территорий. Градостроительство в условиях современной России является, если хотите, делом государственной безопасности страны.

Учитывая чрезвычайную важность градостроительства, необходимо возрождение региональной (муниципальной) службы профессионального мониторинга и градостроительного прогнозирования и проектирования как важного инструмента формирования и развития крупнейшего города с его объективными проблемами и постоянно возникающими задачами преемственного развития. Такой службой в условиях нашего города мог бы стать МУП «Институт градостроительного планирования», формирование и развитие которого очень важно для города. Рыночная стихия, превратившая градостроительное дело в торговлю городскими земельными ресурсами, наглядно продемонстрировала свою ущербность. Необходимость региональной централизации градостроительного мониторинга, прогнозирования и проектирования давно назрела. Постоянно работающий над проблемами города коллектив профессионалов, хорошо знающих природно-климатические условия, город, его особенности, характер, проблемы – достойная альтернатива практике поиска выгодных по тем или иным показателям исполнителей, далеко не всегда грамотных, часто совершенно не знакомых с городом и начинающих работу с чистого листа.

В градостроительной отрасли вращаются крупные финансовые ресурсы, привлекающие сомнительных специалистов, готовых «погреть руки» или удовлетворить свои неумемные амбиции. Сегодня они, эти «специалисты», есть и в управленческих, и в проектных структурах, и среди так называемого экспертного сообщества. Коррупция живет за счет, мягко говоря, несовершенства градостроительного законодательства на государственном, региональном и муниципальном уровнях, за счет протекционизма в кадровом вопросе, за счет известной доли лукавства в борьбе с этим злом.

Опыт работы институтов гражданского проектирования советского периода нашей истории может помочь в воссоздании системы государственного градорегулирования на современном этапе развития отечественного градостроительства. А необходимость в этом, на наш взгляд, совершенно очевидна.

Библиографический список

1. *Вавакин Л.В.* Профессионализм в деятельности главного архитектора. – М.: Московские учебники, 2009. – 219 с.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2005.
3. *Колпакова М.Р.* Стратегия градостроительного развития сибирского города. – Новосибирск: НГАХА, 2000. – 205 с.
4. *Туманик Г.Н.* Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (2-е изд.). – Новосибирск: НГАХА, 2014. – 173 с.

Список источников

5. *Новосибирск в рисунках Касаткина:* [Альбом-каталог] / авт.-сост. Н.В. Касаткина. – Новосибирск: Советская Сибирь, 2010. – 104 с.
6. Туманик Г.Н., Колпакова М.Р. Личный архив.

Субботин О.С.
subbos@yandex.ru
 КубГАУ, г. Краснодар, Россия

УДК: 711.4:504.75
 ББК: 85.11

ЭКОЛОГО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассмотрены проблемы экологического градостроительного регулирования в городских и сельских поселениях, которые необходимо решать для создания комфортной среды жизнедеятельности. Особо отмечен экологический кризис в указанных поселениях во второй половине XX в. Обозначены основные характеристики научного исследования, обязательные для раскрытия заявленной темы. Раскрыто влияние антропогенной и природной среды на создание благоприятных условий среды жизнедеятельности. Особая роль отводится территориальному планированию, принципам устойчивого развития территорий. Акцентируется внимание на взаимосвязь природного ландшафта и проектируемой архитектурно-планировочной структуры территорий. Практическая значимость заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при формировании программы по созданию благоприятной среды жизнедеятельности в населенных пунктах.

Ключевые слова: градостроительная экология, среда жизнедеятельности, фактор, поселение, территория, структура, ситуация, кризис, архитектура, территориальное планирование.

Введение. В настоящее время эколого-градостроительная ситуация среды жизнедеятельности во многих городах Российской Федерации, особенно в промышленных индустриальных центрах, являющихся градообразующей базой поселений, вызывает серьезное беспокойство и обоснованное опасение у профессионалов и ученых, государственных и общественных деятелей. Решением указанной проблемы квалифицированно занимаются специалисты экологии и охраны окружающей среды, учитывающие необходимость сохранения экологического баланса, архитекторы и градостроители, решающие целостную объемно-пространственную композицию городских и сельских поселений. Особенно естественная и социальная ситуация экологического кризиса обострилась во второй половине XX в., что является следствием негативного и отрицательного влияния хозяйственной деятельности по освоению территорий без учета надлежащих факторов для создания среды жизнедеятельности.

Большое значение имеют факты и результаты хозяйственной деятельности поселений, оказывающие существенное влияние на развитие территорий... Целесообразность хозяйственного освоения территории достигается путем использования предшествующего опыта планирования, а анализ и интерпретация позволяют получить более конкретное представление о перспективном развитии [1, с. 32]. Вместе с тем на состояние среды жизнедеятельности влияют антропогенные факторы, в частности загрязнение промышленными и бытовыми отходами воздушной и водной среды и природные факторы – факторы окружающей среды с климато-географическими характеристиками. Природные факторы играют важную роль на территориях, подверженных воздействию чрезвычайных ситуаций, оказывают значительное влияние на хозяйственную деятельность населения, в меньшей степени от них зависят и расселение данного населения.

Следует также отметить, что, несмотря на срок давности нормативного документа «Руководство по составлению раздела «Охрана природы и улучшение окружающей среды градостроительными средствами в проектах планировки и застройки городов, поселков и сельских населенных пунктов», основные положения данного документа по-прежнему востребованы. По всем правилам в указанном руководстве определено, что «в процессе проектирования необходимо управлять сложным комплексом взаимосвязей между естественным ландшафтом и проектируемой структурой планировки, застройки, озеленения и обводнения города или жилого района. Поэтому пространственная структура последних должна складываться из факторных или одноцелевых средств с учетом того, что на практике они действуют как многофакторные или многоцелевые градостроительные средства, направленные на улучшение окружающей среды» [2, с. 3].

Актуальность исследования. В связи со сложившейся ситуацией экологического состояния среды жизнедеятельности на современном этапе актуальной становится проблема создания единой эколого-градостроительной концепции городских и сельских поселений. Чем дальше растут темпы урбанизации, способствующие ускоренному процессу объединения больших городов в агломерации, тем больше появляется проблем к экологическому состоянию территорий. При этом особенно важно внимательно относиться к природному ландшафту, приобщать население к движениям, способствующим сохранности и чистоте окружающей среды.

Цель, задачи, методы и новизна исследования. *Цель исследования* состоит в том, чтобы раскрыть существующие и обосновать новые закономерности архитектурно-планировочной организации среды жизнедеятельности с учетом современных экологических требований.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются *следующие задачи:*

- выявление общих закономерностей формирования благоприятной среды жизнедеятельности в документах территориального планирования;
- обоснование зависимости архитектурно-планировочных характеристик среды жизнедеятельности от природных факторов.

Материалы и методы исследования. Проблемно-логический и сравнительный метод анализа материалов с целью выявления эколого-градостроительных принципов формирования комфортной среды жизнедеятельности на территориях поселений.

Научная новизна исследования заключается в том, что выявлены и систематизированы факторы зависимости архитектурно-планировочной структуры жизнедеятельности на территориях населенных пунктов. Систематизированы приемы архитектурно-планировочной организации на территориях поселений в соответствии с эколого-градостроительными принципами формирования комфортной среды жизнедеятельности.

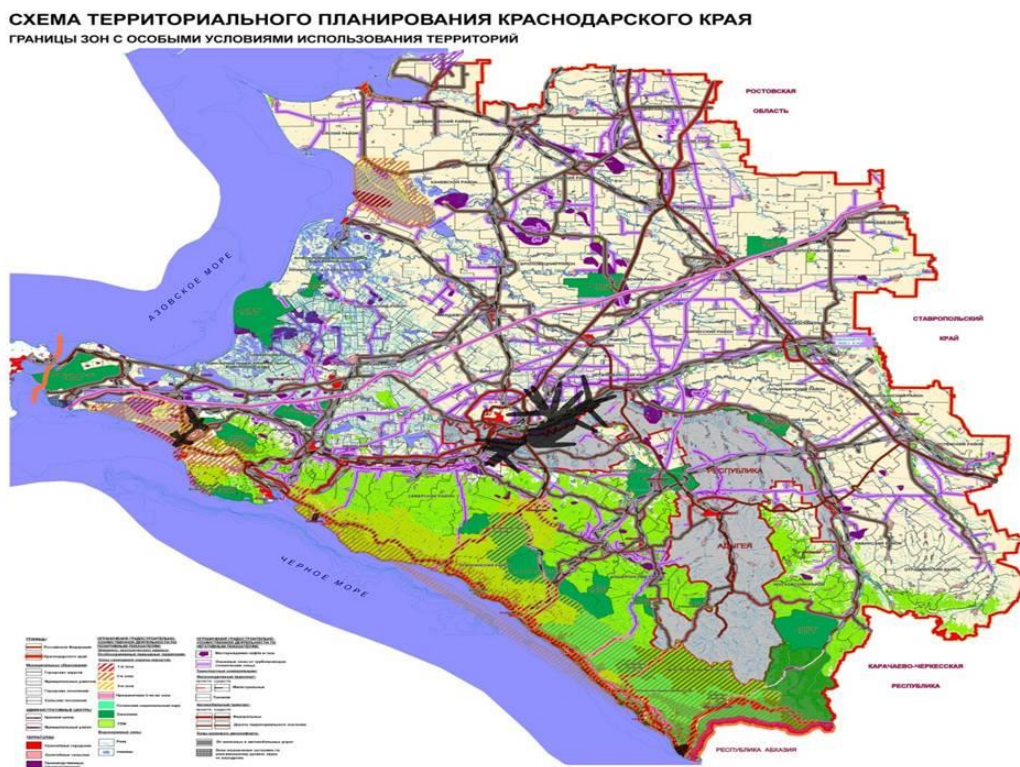
Основополагающие принципы формирования благоприятной среды жизнедеятельности. При формировании среды жизнедеятельности с учетом эколого-градостроительных принципов «ведущая роль принадлежит градостроительному и территориальному планированию, в основу которого заложен принцип устойчивого развития территорий для формирования благоприятной среды жизнедеятельности путем создания наилучших условий для проживания, приложения труда и отдыха населения. Данные сферы практической деятельности обеспечи-

вают рациональное использование имеющихся территориальных и, что особенно важно, природных ресурсов, определяя стратегические направления пространственной организации поселений, систем их транспортного и инженерно-технического обеспечения» [3, с. 57].

В территориальном планировании и землеустройстве исторически сформировавшийся природохозяйственный базис Российской Федерации закрепляется функциональным назначением земель в виде правового определения категорий земельных ресурсов: земель водного и лесного фондов, сельскохозяйственного назначения, сельских и городских поселений, рекреационных и курортных местностей, природоохранных комплексов, объектов промышленности, энергетики, транспорта и связи, земель космической деятельности и обороны [4, с. 41].

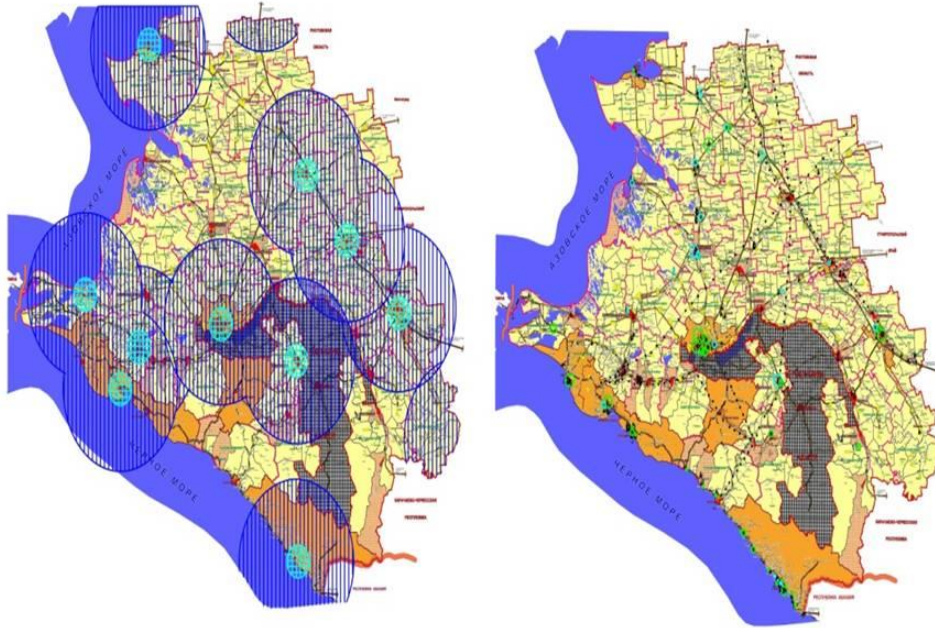
Следовательно, это подтверждает тот факт, что эколого-градостроительные решения должны в первую очередь быть заложены в градостроительной документации. Так, например, утвержденная «Схема территориального планирования Краснодарского края» является стратегическим градостроительным документом и направлена на определение в документах территориального планирования назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Схема границ зон с особыми условиями использования территорий наглядно демонстрирует единые принципы эколого-градостроительного регулирования для дальнейшего планировочного развития территорий (рис. 1).

Рис. 1. Схема территориального планирования Краснодарского края. Границы зон с особыми условиями использования территорий

СХЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИЙ, ПОДВЕРЖЕННЫХ РИСКУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА И ВОЗДЕЙСТВИЯ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Рис. 2. Схема территориального планирования Краснодарского края. Границы территорий, подверженных риску возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и воздействия их последствий

Эффективность территориальной планировки достигается главным образом благодаря комплексному, системному подходу, при котором отдельные природные и хозяйственные элементы проектируемой территории рассматриваются не изолированно и не статично, а как взаимосвязанные звенья единого и динамичного территориально-производственного комплекса. Все это неразрывно связано с формированием и осуществлением государственной политики Краснодарского края [6, с. 13].

В градостроительном контексте большинства схем территориального планирования явственно предусматривается насущная необходимость создания благоприятной среды жизнедеятельности с использованием эколого-градостроительных принципов ее формирования.

Именно в этом заключается градостроительная сущность архитектуры, о которой мы часто забываем, стремясь в архитектурных творениях заявить о своих творческих амбициях, чего бы это нам не стоило [7, с. 156].

Заключение. Таким образом, следует сочетать лучшие традиции отечественного и зарубежного градостроительства с новаторскими идеями и современными подходами в решении вопросов градозащиты для создания благоприятной среды жизнедеятельности. При этом если решить приоритетные задачи в области градозащиты, объединить все в единое целое, это будет глобальное решение многих проблем. Кроме того, при анализе существующего экологического состояния территорий должны быть не сухие цифры, а серьезные взвешенные экспертные оценки. Новые возможности расширенного функционала цифрового развития

средств вычислительной техники и информационных технологий на более высоком уровне значительно ускоряют обработку данных и облегчают процесс разработки градостроительной документации.

Необходимо обстоятельное изучение особенностей экологического состояния не только отдельного региона, но и каждого конкретного населенного пункта. Одновременно следует дать объективную оценку градостроительной деятельности, осуществляемой в муниципальных образованиях.

Роль администрации муниципалитета состоит в создании условий для стабильного экономического роста при совместном решении социальных задач всеми субъектами хозяйствования [8, с. 164]. При этом «использование вторичных ресурсов – один из аспектов хозяйственной и природоохранной деятельности, состоящий в повторном использовании отходов какого-либо производства, что позволяет не только повысить его экономическую эффективность, но и снизить уровень загрязнения природной среды, его воздействия на социальные процессы» [9, с. 248].

Прогнозирование в области градостроительства имеет особое значение, поскольку оно связано с формированием основных материальных условий развития производства и жизнедеятельности в целом. Длительность формирования и большая устойчивость во времени создаваемых градостроительством материальных объектов – поселений, коммуникаций, технически преобразованных ландшафтов требуют учета отдаленных перспектив развития общества [10, с. 640]. Следует увеличить финансирование программ, определяющих приоритеты стратегического градостроительного регулирования во всех муниципальных образованиях и снижающих остроту экологических проблем, а также разработать «дорожные карты» по инвестиционным соглашениям, защищающим права и инвестора, и заказчика.

Список литературы

1. Субботин О.С. Методология исследования архитектурно-градостроительного развития Кубани // *Жилищное строительство*. – 2014. – № 8. – С. 29–34.
2. Руководство по составлению раздела «Охрана природы и улучшению окружающей среды градостроительными средствами в проектах планировки и застройки городов, поселков и сельских населенных пунктов. – М.: Стройиздат, 1982. – 25 с.
3. Субботин О.С. К вопросу формирования благоприятной среды жизнедеятельности в поселениях // *Экология и развитие общества*. – 2017. – № 4. – С. 56–59.
4. Митягин С.Д. Градостроительство. Эпоха перемен. – СПб: Зодчий, 2016. – 280 с.
5. Субботин О.С. Характерные свойства наводнений и их влияние на формирование жилищ // *Жилищное строительство*. – 2013. – № 8. – С. 36–40.
6. Субботин О.С. Территориальное планирование и развитие строительного комплекса Краснодарского края // *Вестник МГСУ*. – 2010. – № 2. – С. 10–13.
7. Туманик Г.Н. Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (полемиические заметки). – 2-е изд. перераб. и доп. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – 174 с.
8. Территориальное планирование: Новые функции, опыт, проблемы, решения / сб. ст. под ред. А.И. Чистобаева. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 189 с.
9. Субботин О.С. Ресурсосберегающие технологии в архитектуре малоэтажных зданий // *Вестник МГСУ*. – 2009. – № 4. – С. 247–249.
10. Субботин О.С. Концептуальные особенности генеральных планов г. Краснодара // *Вестник МГСУ*. – 2011. – № 6. – С. 640–644.

Протасова Ю.А.
protasovay@mail.ru
 Нитиевская Е.Е.
nitiev@bntu.by
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 712.00
 ББК: 85.118

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОЗЕЛЕНЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье анализируется современное состояние озеленения города Минска и даются предложения по совершенствованию городских озелененных пространств на уровне города, жилого района и квартала, а также рассматриваются тенденции по повышению комфортности жилых дворов и кварталов при использовании современных приемов озеленения.

Ключевые слова: архитектурная среда, система озеленения города, городские огороды, озелененные крыши, вертикальное озеленение, Беларусь.

Введение. Зеленый – цвет жизни. Для человека это самый привычный и комфортный цвет, он заполняет собой окружающее его пространство: это цвет травы, листвы. Наличие зеленых насаждений важно для формирования архитектурной среды города. Перед градостроителями, с одной стороны, стоит задача необходимости уплотнения городов, а с другой – сохранения и увеличения процента озелененных пространств. Сложно решить вторую задачу, не имея достаточного резерва незастроенных территорий. Нужно искать альтернативные варианты.

В Глобальном экологическом отчете 2012 г. «Планета-сад» в самом начале говорится о роли зеленых насаждений: «Городские зеленые насаждения – проще говоря, места в городе, покрытые растительностью, или другие «мягкие» и проницаемые поверхности – оказывают самое позитивное влияние на жизнь города. Почти все из нас, вероятно, не раз испытывали на себе успокаивающий эффект от прогулки по парку или получали эстетическое наслаждение при виде обсаженной деревьями улицы в теплый осенний день» [4, с. 6].

Результаты. Озелененные общественные пространства являются своеобразными центрами городской социальной жизни: «Будучи общественным местом, куда может прийти каждый независимо от происхождения, парки и другие зеленые зоны служат прекрасным «третьим местом», ведь они позволяют завязывать связи между представителями разных экономических, социокультурных и возрастных групп» [4, с. 22]. Озелененные пространства важны на всех уровнях города.

Городской парк предназначен для проведения различных городских мероприятий, фестивалей, праздников, для семейного отдыха в выходные дни. Для парка жилого района характерны 10-минутная транспортная доступность, многофункциональность: парк является местом проведения районных мероприятий, прогулок одноклассников, родителей с детьми. На уровне жилого квартала, микрорайона на смену микрорайонному саду пришли озелененные и благоустроенные территории общественных центров, пешеходные внутриквартальные улицы и озе-

лененные жилые дворы. Жилой двор становится местом притяжения различных групп населения, это место встречи родителей с детьми, школьников, пожилых людей. Все эти пространства важны в разное время жизни для разных категорий людей. От рождения до 6 лет двор – самая важная территория действия и взаимодействия детей. Для пожилых людей, в силу их физических возможностей, двор опять становится самым важным и часто единственным местом общения.

В то же время озелененные пространства это не только «зеленые острова или оазисы» в плотно застроенных городах, но и узловые градостроительные элементы в структуре генеральных планов городов. В г. Минске сформировалась своя система озеленения, признанная многими архитекторами. Она состоит из нескольких элементов: водно-зеленого диаметра и двух водно-парковых полуколец, Слепянского, реализованного в 1988 г., и Лошицкого полукольца, которое в настоящее время находится в стадии проектирования. Благодаря этому все жители города имеют доступ к рекреационным территориям.

Хотя система озеленения Минска сложилась, требуются некоторые корректировки как плана города в целом, так и его озеленения в частности. Необходимо увеличение показателей озелененности территорий в некоторых районах Минска; требуется более тщательный контроль за соблюдением регламентов застройки ландшафтно-рекреационных территорий, особенно территорий, примыкающих к водно-зеленому диаметру в центре города. Водно-зеленый диаметр играет главную роль в создании экологического благополучия и в то же время придает уникальность и неповторимость облику города.

К предложениям по оптимизации озелененных пространств на уровне города можно отнести:

- увеличение количества озелененных пешеходных городских «коридоров», свободных от транспорта;
- создание предпосылок для уменьшения использования личного автотранспорта, развитие сети велосипедных маршрутов в Минске, что приведет к увеличению озелененных общественных пространств;
- активизация использования общественных пространств путем привлечения элементов ландшафтного дизайна и геопластики, городской скульптуры и современных инсталляций;
- развитие зеленой инфраструктуры города и сохранение биоразнообразия, применение передовых методик в области зеленого градостроительства.

В настоящее время ведется активная работа по озеленению и благоустройству городов в Республике Беларусь (рис. 1–3), на минских проспектах и главных улицах будет высажено около 600 деревьев в контейнерах.

Рис. 1. Пример озеленения города Минска

Рис. 2. Пл. Независимости, г. Минск

Рис. 3. Лошицкий парк, г. Минск

В 2017 г. стартовал проект ПРООН/ГЭФ «Поддержка зеленого градостроительства в малых и средних городах Беларуси («Зеленые» города)». «Цель проекта – более широкое развитие планов зеленого градостроительства и реализация пилотных инициатив по зеленому градостроительству, связанных с повышением энергоэффективности и устойчивым транспортом в малых и средних городах Республики Беларусь» [5]. В программе участвуют 3 города Беларуси – Новополоцк, Полоцк и Новогрудок.

На уровне жилых районов и кварталов система озеленения города должна обладать следующими характеристиками:

- системностью озелененных пространств;
- автономностью – эффективная экологическая система;
- доступностью озелененных пространств для всех категорий жителей;
- разнообразием.

На уровне жилого двора можно предложить следующие архитектурно-ландшафтные приемы совершенствования среды:

- интенсификация дворовых пространств – преобразование существующих территорий (во дворах до сих пор размещаются площадки для сушки белья и чистки вещей, которые не используются), ограничение движения транспорта на дворовых территориях, создание бестранспортных дворов;
- устройство городских огородов;
- использование разнообразного посадочного материала для озеленения и цветочного оформления, применение разнообразных типов покрытий, расширение типологии МАФ для благоустройства территорий жилых дворов;
- создание частных палисадников в уровне первых этажей;
- применение расширенной типологии жилых ячеек в контексте разных социальных потребностей населения:
  - ситихаусы – квартиры с террасами на уровне 1-го этажа, с выходами на них. По периметру террас высаживаются туи, обеспечивающие уровень приватности. Предусматривается использование приквартирных террас маломобильными группами населения;
  - даунхаусы – двухэтажные квартиры на первых этажах многоквартирных домов;
  - квартиры на верхних этажах с террасами.

«Создание частных благоустроенных участков в секционных домах способно приблизить уровень комфорта к уровню блокированных и индивидуальных домов, а также значительно увеличить статусность жилой группы» [1].

Эти приемы позволят повысить качество и интенсивность использования жилых территорий за счет:

- снижения воздействия городского шума;
- фильтрации загрязненного воздуха; ослабления солнечной радиации;
- повышения социальной активности в уровне земли;
- создания ощущения загородного образа жизни;
- возможности формирования собственного огорода, сада;
- повышения безопасности; формирования дополнительных зон общения и, соответственно, усиления социальных контактов;
- повышения пешеходной проницаемости.

Актуальными тенденциями в повышении комфортности жилой среды являются также:

- интеграция озелененных пространств в застройку жилых и общественных зданий: «зеленая крыша», вертикальное озеленение;
- создание внутренних садов и дворовых пространств в теле жилого объема.

Компенсация недостатка зеленых зон – за счет устройства вертикальных дворов и открытых террас, путем озеленения кровель застройки. Озеленение кровель позволяет снизить теплопотери, повысить экологичность, поглотить и накопить дождевую воду.

Интеграция – процесс вставки частей во что-то. Может работать как при решении всего жилого района, так и при решении дворового пространства жилого комплекса. Этот принцип приводит к созданию новой типологии общественных и жилых пространств и пространственному разнообразию среды.

«**Зеленая крыша**» – решение, которое активно реализуется во многих городах мира. Например, на плоской крыше неоклассического здания чикагской мэрии находится красивый сад (около 1900 кв. м зелени). Власти Парижа планируют организовать семь акров зеленых насаждений на крышах, в садах и парках города. В Великобритании правительство поощряет озеленение крыш как способ увеличения площади зеленых насаждений в городах.

К сожалению, на территории Республики Беларусь это практически не встречается. Хотя попытка создать зеленые крыши была предпринята в 1978 г. архитектором Г.В. Сыроевым в микрорайоне Восток-1. Архитектор задумал на крышах четырех высотных домов по пр. Ленина (сейчас пр. Независимости) обустроить сады-оранжереи под открытым небом (рис. 4–6). Это было реализовано, но сад был разрушен, по инициативе жителей его не стали восстанавливать.

Рис. 4. Контейнерное озеленение по проекту арх. Г.В. Сыроева

Рис. 5. Проект жилых домов в микрорайоне Восток-1

Рис. 6. Фото с натуры

В настоящее время, спустя 40 лет, эта тема очень актуальна для Республики Беларусь. Появляются примеры формирования таких квартир в Минске и его окрестностях. В жилом районе «Новая Боровая» формируются бестранспортные дворы. «На крышах домов запроектированы озелененные террасы для отдыха. Жильцы первых этажей получают собственные террасы с выдвигаемыми козырьками-маркизами» [3]. Это один из первых реализованных примеров белорусского градостроительства по формированию домов с квартирами с террасами на первых и последних этажах (рис. 7–10).

Рис. 7. Жилой район «Новая Боровая» [3]

Рис. 8. Террасы на крышах домов «Новой Боровой» [3]

Рис. 9. Терраса на верхнем этаже в жилом районе «Новая Боровая» под Минском [2]

Рис. 10. Терраса на 1-м этаже в жилом районе «Новая Боровая» под Минском [2]

Можно создавать такие озелененные пространства на крышах торговых центров, театров, кинотеатров, музеев (многие такие объекты в Минске в последнее время подверглись реконструкции), в жилой застройке.

Заключение. В настоящее время в Беларуси активно ведется работа по усовершенствованию системы озеленения на разных уровнях (город, центр, район, жилой двор, здание). Учитываются и традиционный опыт белорусских архитекторов и градостроителей, а также современные общемировые тенденции.

Список литературы

1. Аракелян Р.Г. Повышение качеств жилой среды с учетом ценностей традиционных жилых образований: дис. ... канд. арх. 05.23.21. – М., 2011. – 179 л. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/povyshenie-kachestv-zhiloi-sredy-s-uchetom-tsennosti-traditsionnykh-zhilykh-obrazovaniy> (дата обращения: 19.05.2018).
2. В «Новой Боровой» появятся квартиры с террасами нового формата [Электронный ресурс]. – URL: <https://realt.onliner.by/2017/03/15/terras> (дата обращения: 20.05.2018).
3. В «Новой Боровой» строят второй квартал [Электронный ресурс]. – URL: <http://metr.by/minsk/news/174-v-novoi-borovoi-strojat-vtoroi-kvartal.html> (дата обращения: 19.05.2018).
4. Планета-сад. Глобальный экологический отчет 2012 года. Пристальный взгляд на зеленые насаждения в городах мира Husqvarna group. – 60 с. [Электронный ресурс]. – URL: www.husqvarnagroup.com (20.05.2018).
5. Поддержка зеленого градостроительства в малых и средних городах Беларуси (Зеленые города) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/operations/projects/environment_and_energy/Green-cities/ (дата обращения: 20.05.2018).

Самарина Н.Д.
samarinanadezhda@mail.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
 ББК: 85.113

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕЛЕННЫХ ЗОН НОВОСИБИРСКА В 1890–2010-е гг.

Аннотация. Новосибирск, как постоянно растущий и изменяющийся мегаполис, осваивая новые территории, реконструируя уже застроенные, решая селитебные, рекреационные, производственные и транспортные проблемы, строя новые спортивные и торгово-развлекательные комплексы, должен также решать проблему сохранения, развития и создания новых территорий озеленения, бульваров, скверов и парков, поэтому на каждом этапе его существования эта картина будет иной. В свете растущего интереса управленческих структур города к благоустройству и сохранению зеленых зон Новосибирска интересно было бы проанализировать основные тенденции в области их возникновения и дальнейшего существования в непростой ситуации активной застройки и расширения городских территорий.

Ключевые слова: градостроительные проблемы, история градостроительства, зеленые зоны, парки культуры и отдыха, скверы, бульвары, Новосибирск.

Введение. Стремительное развитие Новониколаевска-Новосибирска определило пути его дальнейшего существования на много лет вперед, и на сегодняшний день, проанализировав крайне неравномерное развитие его озелененных территорий, необходимо найти закономерности и обратить внимание на необходимость их сохранения и увеличения их процента в меняющейся городской структуре.

Новизна работы состоит в анализе состояния сохранившихся на сегодняшний день зеленых территорий Новосибирска и предполагаемых перспективах их дальнейшего существования в условиях быстрого роста мегаполиса и захвата им новых земельных участков, а также в условиях уплотнения застройки, в том числе, точечной, которая способствует уничтожению и без того мизерных территорий озеленения.

Цель работы состоит в анализе существующей ситуации с озеленением территорий, сложившейся в городе к настоящему времени и выявлении территорий, нуждающихся в первоочередной реконструкции и озеленении.

Результаты. Рассмотрев планы города на различных этапах его формирования, можно прийти к выводу, что зеленые участки формировались тремя путями: включением в городскую территорию реликтовых лесных массивов, прибрежных зон, неудобных для строительства и просто неосвоенных территорий, а также территорий дачных и садовых обществ, сознательной планировкой скверов, парков и бульваров, а также поглощения городом бывших кладбищенских территорий, превращенных в городские парки. Как пишет Б.И. Оглы, «в 90-х годах (XIX в.) ... на правом берегу Оби, где зародился город, стоял густой сосновый бор. С западной стороны на левом берегу примыкали бескрайние степи» [3].

На этом этапе город строился стихийно и существовавший на его месте бор не сохранился. И далее: «на месте будущего города располагались три села и 22 деревни, в том числе Большое и Малое Кривощёково, Перово, Верткова, Бугры и т.д.» (и все это на левом берегу). Выбор площадки для строительства на правом

берегу Оби обосновывался наличием уже строившегося участка железнодорожных путей от станции Тайга до места будущего моста, что подтверждается свидетельством старожила Н.П. Литвинова. Таким образом, поселок у правобережного выхода моста и станция Обь и стали начальными пунктами развития планировки города. Вскоре появляется Тракторная (Большевикская) улица и Николаевский (Красный) проспект и две базарные площади (судя по старым фотографиям, все еще среди леса). Далее, как отмечает С.Н. Баландин, журнал «Нива» писал: «К лету 1894 г. правый берег реки совершенно преобразился: бор постепенно исчез, а на его месте росли уже не землянки, а вполне приличные дома» [1]. К 1906 г. структура поселения, ставшего уже городом, в основном сформировалась.

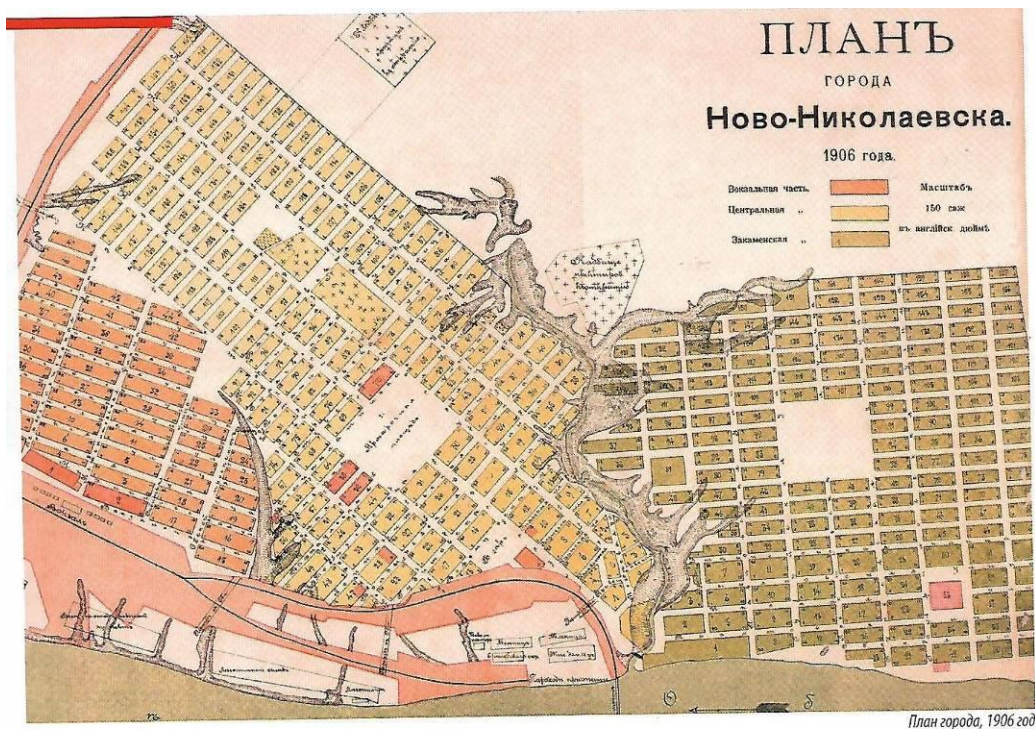

Рис. 1. План Новониколаевска. 1906 г. [4, с. 7]

Мы видим на этом плане действующее первое городское кладбище, где должен был сохраниться массив зеленых насаждений, ставшее впоследствии парком им. Сталина (Центральный парк). Известно также о существовании городского сада «Альгамбра» на пересечении ул. Сибирской и Нарымской, был также Александровский парк, открытый в 1912 г. с летним театром. И существовал еще неблагоустроенный участок зелени рядом с Вознесенским собором, где местные жители пасли домашний скот, ставший в 1930-х гг. Нарымским сквером.

После 1917 г. с городом происходит ряд трансформаций, которые отражаются на его планировке. Город продолжал застраиваться деревянными домами еще без единого генерального плана. В дальнейшем было сделано несколько попыток сформулировать перспективы развития быстро растущего и развивающегося города. В 1920 г. сооружают мемориальный сквер Героев революции, а в 1923 г. появляется сад-клуб «Свобода» на ул. Телеграфной (Кирова) с участком сохранившегося соснового леса.

По проекту планировки, разработанному в 1925 г. инженером И.И. Загривко и основывавшемся на теории городов-садов, зеленые насаждения должны были окружать правобережный город с внешней стороны, а левобережье планировалось превратить в систему пригородов-садов. Слишком большие масштабы перепланировки и озеленения привели к тому, что проект так и не был реализован.

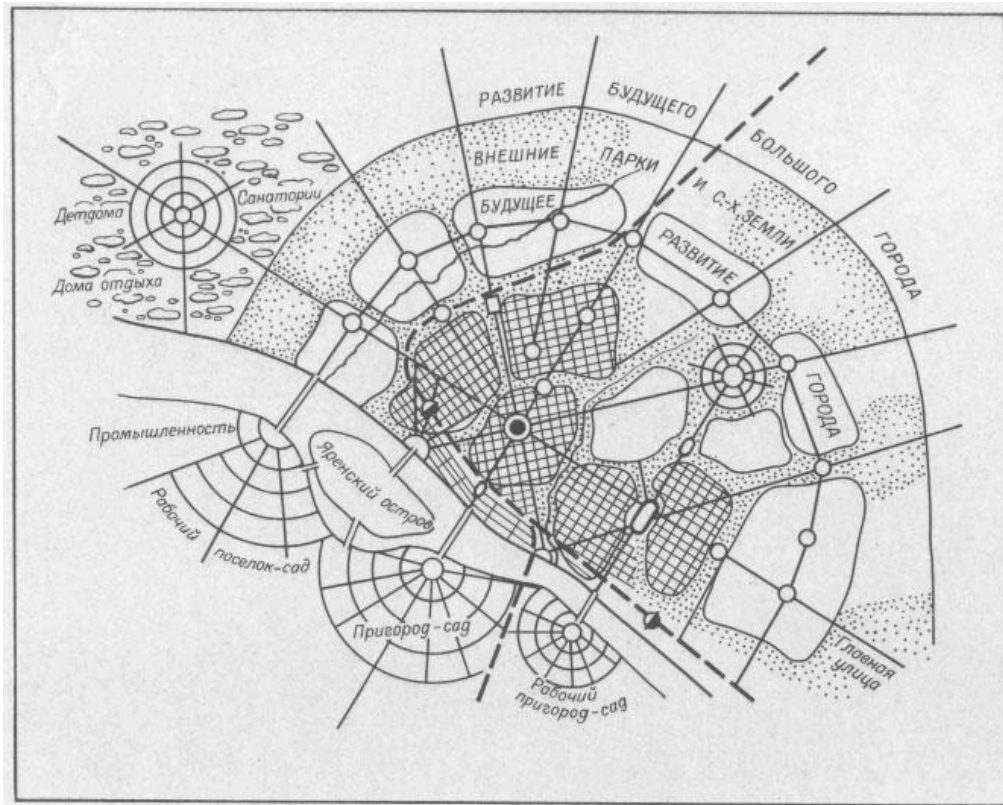

Рис. 2. Проект перепланировки Новосибирска инж. И.И. Загривко. 1925 г. [1]

Уже здесь стало понятно, что левобережье как-то не вписывается в общую схему города и существует обособленно (в то время даже часовые пояса не совпадали). В этот период, как пишет С.Н. Баландин, «чрезвычайно мало было в городе зеленых насаждений: к середине 20-х годов было озеленено всего лишь 3,4 % всей жилой площади города. В 1925 г. за Первой Ельцовкой заложили городской питомник, а окружающие город Мочищенский бор, Бугринская и Заинская рощи были лесоустроены как зеленые зоны местного значения. Северо-Ельцовская лесная дача превращалась в парк культуры и отдыха. В 1926 г. был разработан план разбивки городского сада на площади бывшего кладбища и началась его реализация. В том же году был разбит сквер у Дома Ленина» [1]. Таким образом, уже к 1931 г. город выглядел совсем по-другому.

На плане 1931 г. виден большой участок зелени, относящийся к Новому городскому кладбищу. Оно было впоследствии переоборудовано в парк «Березовая роща». Было еще Закаменское кладбище на пересечении ул. Никитина и Воинской, которое тоже было разорено, но городским парком так и не стало.

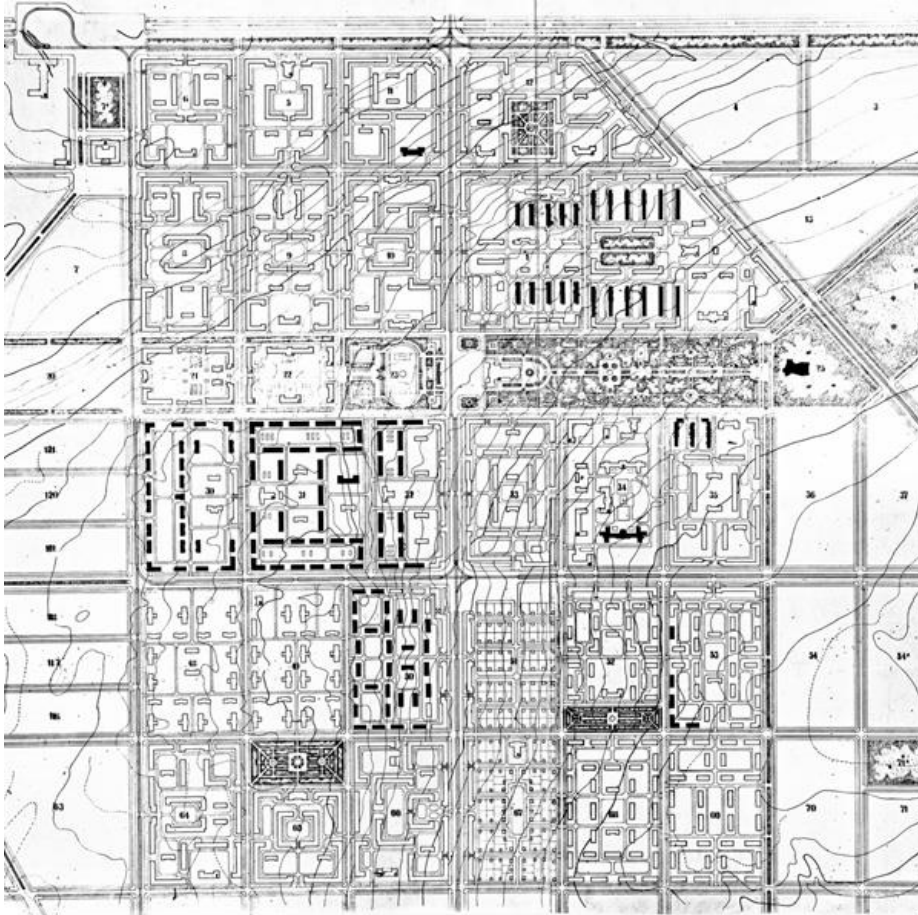
В 1930 г. был разработан проект планировки Левобережного Новосибирска (социалистического города завода «Сибкомбайн»). По этому проекту левый берег должен было утопать в зелени. С.Н. Баландин отмечает, что в широтном направ-

лении через всю селитебную территорию трассировались две 200-метровые по ширине зеленые «ленточные» зоны, в которых равномерно размещались школьные комплексы с радиусом обслуживания не выше 750 м. В зеленой зоне вдоль р. Тулы размещались больничный городок, дом санпросвета и Дом матери и ребенка. На юг от селитьбы, также в парке, были запроектированы спортивные учреждения и стадионы. Склоны плато, спускавшиеся к водной акватории Оби на северо-востоке от селитьбы, с возведением там краевого стадиона на 40 тыс. мест, Дворца спорта, ипподрома и т.п. превращалась так же в «спортпарк» для всего города. В итоге площадь внутренних зеленых насаждений по проекту должна была составить 30 % всей территории левобережья [1].

Рис. 3. План Новосибирска. 1931 г. [4, с. 9]

Из всего этого довольно значительного по площади озеленения к последней четверти XX в. был реализован только маленький фрагмент – сквер Славы (часть бывшей зеленой ленты). И лишь сейчас, спустя почти 90 лет, вернулись к идее строительства объектов общегородского значения: спортивного комплекса в левобережье и благоустройства берегов р. Тулы, а также Бугринской рощи.

Рис. 4. Проект детальной планировки Левобережного Новосибирска. 1939 г.

С этого времени городская структура теряет свою компактность и разделяется на два берега, в результате чего появляется транспортная проблема.

В проекте Гипрогора 1933 г. предлагалось не только всемерное сохранение существующих зеленых насаждений, но и создание новых крупных зеленых зон общегородского значения за счет благоустройства и озеленения неудобных территорий: участков с крутым рельефом, оврагов малых рек, пойменных территорий р. Оби. Но эти предложения так и не были реализованы.

С тех пор было разработано еще несколько генеральных планов Новосибирска, вобравшего в сферу своего влияния малые города, такие как Бердск, Искитим, Обь, Кольцово, р.п. Краснообск, было построено три автомобильных моста, так и не решивших транспортную проблему, и множество новых жилых массивов на окраинах города.

После войны застройка Новосибирска опять проходила практически без генерального плана. Его планировочная несобранность создавала дополнительные проблемы. Но парки и скверы продолжают строиться без единой системы.

В 1945 г. на пересечении ул. Котовского и Станиславского основывают ПКиО им. С.М. Кирова. В 1946–1947 гг. закладывались новые скверы на ул. Дуси Ковальчук и Комсомольском проспекте. В 1948 г. в Октябрьском районе был открыт детский парк им. С.М. Кирова. Широкие городские магистрали оборудовались бульварами. Часть из них сохранилась до сих пор. Как сказал голландский архитектор Бард Голдхоорн, «бульвары есть во многих городах и почти везде не “работают” или работают только как зеленые зоны».

Рис. 5. Бульвар на ул. Станиславского. Фотография 1950–1960-х гг.

Таким образом, в послевоенные и более поздние годы в городе появляется множество парков и скверов, не считая озеленения городских магистралей, зданий районных администраций, школ, больниц и внутридворовых территорий. По сравнению с ситуацией 1920–1930-х гг. в Новосибирске появилось очень много объектов озеленения: Лесопарк им. академика Снягина, ПКиО «Заельцовский бор», ПКиО «Березовая роща», ПКиО им. С.М. Кирова, ПКиО «Бугринская роща», ПКиО им. Дзержинского, ПКиО «Сосновый бор», ПКиО «Инюшенский бор», Михайловская набережная, парк «Городское начало», Сад Мичуринцев, скверы Тимирязевский, «Лучистый», у Свечникова, 3, Авиаторов, им. Калинина, у ГПНТБ, Студенческих отрядов, у Оперного, им. А.Д. Крячкова, у СГУВТ, у НГТУ, Медицинских работников, у ЛДС «Сибирь», Покорителей Атома, Павловский, им. Ю.А. Гагарина, «Башня», Славы, Сибиряков-гвардейцев и еще множество безымянных скверов и аллей. Большие площади занимают действующие городские кладбища: Заельцовское, Гусиннобродское и Клещихинское как зеленые зоны. И это не считая Академгородка.

Выводы. Какие из этого можно сделать выводы? Несмотря на рост количества парков и скверов, Новосибирск нельзя назвать зеленым городом. Высокая плотность городской застройки, включение промышленных территорий и крупных торговых объектов в селитебную среду, организация новых крупных микрорайонов на окраинных территориях, точечная застройка – все это факторы, огра-

ничивающие развитие озеленения городских территорий. Как показывает история, парки, скверы и другие зеленые зоны должны проектироваться заранее, чтобы реализоваться хотя бы частично, ведь в современных исторических условиях, когда из всего пытаются извлечь выгоду, благоустройство зеленых зон, прежде всего общегородского значения, в бывшем крупном промышленном мегаполисе – не самая популярная идея. Постоянно делаются попытки использовать зоны парков и лесопарков под строительство жилых и общественных объектов, как это происходило с лесными территориями Академгородка, Ботанического сада, части Нарымского сквера, зеленым островком на пл. Кондратюка. Как сохранить эти относительно небольшие зеленые участки города от уничтожения? Эта задача стоит не только перед архитекторами.

И, как ни странно, есть еще такие зеленые зоны в нашем городе, которые нуждаются в благоустройстве с самого начала его существования. Это берега Оби.

В черте города лишь небольшой участок набережной благоустроен для отдыха и прогулок горожан. Это парк «Городское начало» и Михайловская набережная. Если сравнить нашу набережную с набережными Петербурга, она покажется микроскопически маленькой, кроме того, она существует лишь на незначительном участке правого берега. Левый же берег не благоустроен совсем, не считая территорий городского пляжа и площадки перед аквапарком. Хотя имеется спуск к реке с ул. Саввы Кожевникова на Чемском жилмассиве, эта живописнейшая территория по-прежнему остается «диким пляжем», как и приречная территория парка «Бугринская роща». Сейчас это место используется местными любителями шашлыков и рыбаками, загрязнено мусором и совершенно не благоустроено. У города так и не появилось достойного выхода к реке, в результате чего он теряет с точки зрения архитектурной выразительности и комфортности для его жителей. Для того чтобы «отдохнуть на природе» им приходится выезжать за город на дачные участки или в еще более отдаленные регионы вместо того, чтобы воспользоваться ресурсами близлежащих территорий. Новосибирск нуждается в благоустроенной и красивой набережной как на правом, так и на левом берегу, как нуждается он и в увеличении количества парков и скверов на вновь застраиваемых территориях. Иначе нам придется воспользоваться печальным опытом прошедших времен и превращать в парки отдыха и развлечений кладбища, где покоятся наши предки и близкие родственники.

Список литературы

1. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.
2. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. – Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1986. – 160 с.
3. *Оглы Б.И.* Новосибирск: от прошлого к будущему. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 120 с.
4. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог / под ред. А.В. Кошелева. – Новосибирск, 2011. – 284 с.

Бердоносова Д.В.
dberdonosova@gmail.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

ББК: 85.113

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПАРКА В УСЛОВИЯХ КРУГЛОГОДИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривается проблема низкой рекреационной привлекательности городских парков культуры и отдыха и вопросы повышения их привлекательности путем сезонной трансформации отдельных функциональных зон и элементов.

Ключевые слова: парк культуры и отдыха, трансформация среды, элементы рекреации, функциональные зоны.

Введение. Рассматриваемая тема сезонного использования рекреационных пространств затрагивалась в ряде работ [1; 2; 4–8]. Современный ритм жизни жителей городов отличается высокой напряженностью по принципу «дом-работа». Для обеспечения полноценной жизни, включающей в себя активный отдых, прогулки по зеленым зонам, занятия спортом, актуальна организация вкраплений в городскую среду парковых общественных пространств, где горожанин сможет реализовать потребности в активном и комфортном отдыхе.

В условиях России и тем более Сибири основной проблемой использования парковых территорий выступает их низкая сезонная привлекательность. Одной из основных причин низкой посещаемости парков считается суровый климат, особенно в зимний период [2].

Очевидна потребность в разработке новых подходов и методов проектирования и реконструкции парковых территорий, обеспечивающих их круглогодичную рекреационную привлекательность за счет насыщения парков новыми функциями, меняющимися в зависимости от сезонов года. В основе этого лежит трансформация функциональных зон и элементов парка (*рис. 1*).

Результаты. Трансформация (от *trans* – «через», и *formatio* – «превращение») – преобразование, превращение [3]. В данном случае трансформация предполагает смену функционального назначения зон и элементов парка для их круглогодичного, а не только сезонного использования.

Считается, что существуют две формы трансформации: искусственная – то, что изменяется человеком, и естественная – то, что изменяется под воздействием природных явлений. Искусственные и естественные трансформации ведут к изменению функционального назначения зон парка и его элементов [1].

Естественные трансформации видоизменяют парковое пространство в зависимости от природных, в том числе сезонных и погодных, изменений среды. Элементами естественной трансформации, которые способны привлечь посетителей, являются такие явления природы, как восходы и закаты солнца, снег, ледоходы, первая зелень, цветение растений, водяные зеркала, радуга и т.п. [5].

Для изучения трансформаций были выбраны следующие рекреационные объекты: парк «Сокольники» и сад им. Баумана в Москве, а также центральный парк культуры и отдыха в Новосибирске. Выявлялись и изучались искусственные

и естественные трансформации – наличие функциональных зон и элементов парков круглогодичного использования.

Рис. 1. Концепция развития Центрального парка Новосибирска. Пространственная концепция. Авторы: А.М. Архипова, А.В. Карнаухов и др. 2015 г. [8, с. 56]

Наиболее характерным примером искусственной трансформации на изучаемых объектах, на наш взгляд, являются катки и площадки. В парке «Сокольники» в Москве на фестивальной площади летом размещаются библиотека и кафе, станция проката велосипедов и роликов, а зимой эти функции сменяются дискоткой, где можно кататься и танцевать [4]. Аналогичная трансформация катка имеет место в саду им. Баумана. Летом там располагается так называемый спортзал под открытым небом, а зимой территория заливается льдом и организуется каток. Благодаря этому занятия спортом могут продолжаться круглый год [6]. Кроме того, в саду им. Баумана находится ряд деревьев историко-культурного значения: дуб, посаженный П.Я. Чаадаевым, и деревья, посаженные близкими друзьями А.С. Пушкина. Отдельно стоящее дерево с необычной историей возбуждает интерес посетителей и становится центром пространства для историко-культурных мероприятий [1; 6].

В Центральном парке культуры и отдыха в Новосибирске в зимнее время площадь возле парковой эстрады превращается в каток, который захватывает также и несколько прилегающих к ней аллей. Благодаря этому организуется интересный маршрут для катания. Летом на площади проводят всевозможные культурно-массовые мероприятия, устраивают мастер-классы по танцам, конкурсы, фестивали красок, выступает оркестр Новосибирской филармонии. Однако при этом парк беден видовым составом растений и фактически лишен ландшафтного дизайна [7]. Требуется обновление зеленых насаждений. Естественные трансформации, в некоторой степени привлекающие посетителей, мы можем наблюдать только в осенний и весенний периоды: листопад и водные зеркала, в которых красиво отражается пожелтевшая зелень и т.п. [1]. Архитекторы-эксперты отмечают,

что сегодня «парку требуется генеральная концепция развития, развитие услуг в зимний период, обновление зеленой зоны, создание новых маршрутов для прогулок». При этом «парк загроможден инфраструктурными объектами, ему не хватает открытых чистых пространств, четкого зонирования и архитектурного рисунка. Экологическая функция парка – самое слабое место и самое популярное среди ответов» [7].

Заключение. Таким образом, получены следующие результаты:

1. Наличие в парке трансформируемых в течение года функциональных зон, «работающих» как летом, так и зимой, увеличивает общую рекреационную привлекательность парка для посетителей.

2. Элементы естественной и искусственной трансформации существуют во взаимосвязи и привлекают посетителей не по отдельности, а в интеграции друг с другом (зелень нуждается в уходе специалистов, лед на катках есть только в зимний период и т.д.).

Список литературы

1. Боговая И.О., Фурсова Л.М. Ландшафтное искусство: учебник для вузов. – М.: Агропромиздат, 1988. – 223 с.
2. Федорова Е.С., Шадрина А.В. Организация паркового пространства в зимний период // *Архитектон: известия вузов*: сб. тр. науч.-практ. конф. – Тобольск: УрГАХУ, 2012. – Вып. 38. – С. 158–160.
3. Трансформация // Словари энциклопедии на Академикe (2017 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/73634> (дата обращения: 10.12.2017).
4. Парк Сокольники. Часть вторая (2017 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://moschange.ru/objects/park-sokolniki-2> (дата обращения: 10.12.2017).
5. Прохорова М.И. Архитектура парков и природные условия // *Проблемы садово-парковой архитектуры*: [Сб. статей] / под общ. ред. М.П. Коржева [и др.]. – М., 1936 [Электронный ресурс]. – URL: http://landscape.totalarch.com/architecture_of_parks_and_natural_conditions_prokhorova_m_i (дата обращения: 10.12.2017).
6. Сад имени Баумана. Часть первая (2017 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://moschange.ru/objects/sad-imeni-baumana-chast-pervaya> (дата обращения: 10.12.2017).
7. Центральный парк Новосибирска находится в состоянии выживания – эксперты (05.02.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sib.fm/news/2016/02/05/centralnyj-park-novosibirsk-a-nakhoditsja-v-vyzhivanija> (дата обращения: 10.12.2017).
8. Концепция развития Центрального парка (Новосибирск, 2015 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://novo-sibirsk.ru/upload/press/KR_Centr_park.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

Тыжброва Т.Ф.
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК: 711.16
ББК: 85.118

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧНЫХ ФАСАДОВ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

Аннотация. В статье рассматриваются градостроительные и архитектурно-планировочные проблемы формирования речного фасада города Новосибирска в 1980–2010-е гг. Выявлены ключевые территории, определяющие речной фасад города, основные проблемы формирования речного фасада в Новосибирске и на примере учебных проектов рассмотрены авторские предложения по формированию речного фасада города.

Ключевые слова: речной фасад города, прибрежные территории, Новосибирск.

Введение. Для исторически сложившихся речных и приморских городов характерно разделение на два градостроительных образования – «порт» и «город».

Такие образования несут огромные проблемы в части формирования градостроительной ситуации большинства крупных городов, их зонирования, транспортно-портной схемы.

Городская территория растет и развивается без учета общей структуры города, т.е. зажимает его внутренний рост.

В 1960–1980-е гг. ведущей тенденцией стало интенсивное развитие многих городов за счет нового строительства на окраинах, в то время как исторические центры ветшали и теряли свою привлекательность. Их прибрежные территории олицетворяли упадок и множество проблем, однако к концу XX в. ситуация изменилась. В постиндустриальную эпоху города обращаются к своей истории, в ней чаще всего вода играла важную роль. Сегодня лицом к воде разворачиваются целые города.

Результаты. Процесс конверсии бывших портовых территорий можно наблюдать во многих европейских городах. Яркие примеры – Гамбург, Лондон, Копенгаген, где за счет финансовых вливаний и архитектурно-градостроительных преобразований изменился статус и облик города. Еще одна возможность для расширения пространства центров плотно застроенных европейских городов связана с осознанием ценности территорий, существующих на их картах островов. За счет освоения расположенных в центре города островов развиваются сегодня, например, французские города Лион и Нант.

Несмотря на то что множество российских городов расположены вдоль рек, водные артерии почти не задействованы в их жизни. Одетые в гранит и архитектурно оформленные в прошлые века набережные в таких городах, как Санкт-Петербург и Москва, редко используются для приятного времяпровождения. В большинстве случаев они лишь ограждают реку от заполненных транспортом магистралей. Поэтому проект «Набережная Европы» в Санкт-Петербурге, разработанный архитекторами С.Е. Чобаном и Е.Л. Герасимовым, во многом уникален и определяет для России совершенно новый подход. На территории, выведенной за пределы химической фабрики, на набережной Невы расположен крупный жилой квартал.

Основные прибрежные территории, формирующие «речные фасады» г. Новосибирска – это территории, прилегающие как к существующим, так и к проектируемым мостам. Самыми проблемными участками прибрежных территорий являются:

- территория между центром города и постиндустриальной территорией на ул. Фабричной;
- территория, прилегающая к новому Бугринскому мосту;
- территория на левом и правом берегах около моста, предусмотренного последним генеральным планом города (район Заельцовского парка и ул. Сухарной).

Река Обь – основная природная ось городского плана, своего рода главная улица города, созданная самой природой, поэтому важно соответствующим образом подойти к использованию прилегающих к реке территорий.

Новосибирск, в отличие от других крупных городов Сибири (Красноярск, Иркутск и др.), в настоящее время не имеет или почти не имеет своего «речного» фасада. Создать многофункциональную городскую структуру, формирующую и лицо города – *задача номер один*.

Особо трудной для освоения долгие годы остается территория, находящаяся в самом центре города и занимающая часть береговой полосы между Димитровским и Железнодорожным мостами. Это территория грузового речного порта.

О проблеме реконструкции береговой части Железнодорожного района, формирующей значительную и наиболее значимую часть речного фасада правобережья, писали в книге «Новосибирск 2000» ведущие сотрудники Новосибирского градостроительного института М.Р. Колпакова и Г.Н. Туманик: «Строительство Димитровского моста и подходов к нему стало укором всем, кто неоправданно долго думал о преобразовании этой территории, ссылаясь на трудности с инженерным оборудованием, на значительный износ и т.д.» [1].

Территория в 108 га являлась отправной точкой развития города в связи со строительством железнодорожной станции Кривошеково. В те времена на ней находились речпорт и склады. Проложение в 1987 г. Транссибирской железнодорожной магистрали и сортировочные станции отрезали территорию от города и его центра, который находился в то время в районе Сибревкома. С тех пор территория не меняла своей функциональной принадлежности, на ней было налажено производство, находились склады оптово-розничной торговли, фабрики, завод хлебобулочных изделий, ТЭЦ.

Развитие центра с последующим планировочным и композиционным выходом его ансамблей на пространство Оби, активное включение в эту систему акватории реки – вот *задача номер два*, которая решалась еще в проекте детальной планировки Новосибирского градостроительного института в 1970–1980-е гг. Она предусматривала формирование в приречной полосе новых жилых районов, общественных комплексов, благоустроенных набережных.

Характерная особенность в планировании г. Новосибирска – плоскостное размещение по рельефу. Такая структура затруднена для развития транспорта, маловыразительна архитектурно и, главное, неэкономична. Рассмотреть другой размер в планировании территории, создать другую структуру с различными горизонтальными уровнями – *задача номер три*.

Рельеф данного участка представляет собой довольно равномерный спад с отм. 124–125 (отм. земли за железной дорогой и до ур. 100–103 – уровень берего-

вой зоны). Железнодорожное полотно находится на отм. 117, 120. Улица Фабричная – на отм. 113–114.

Существующая транспортная схема представляет собой движение грузовых, легковых и общественных транспортных схем на ул. Фабричной с выездом на Димитровский мост. Вдоль Фабричной находятся остановки «Рембыттехника», «Химзавод», «Речпорт». Главная задача транспортной развязки – разделить транспортные и пешеходные связи.

Предложениями могли быть:

- надстройка над ул. Фабричной пешеходной платформы с парком;
- проектирование объездной дороги, окольцовывающей всю территорию, которая частично будет проходить под землей, чтобы исключить пересечение с ней парковых зон;
- соединение территории монорельсовым путем вдоль ул. Спартака.

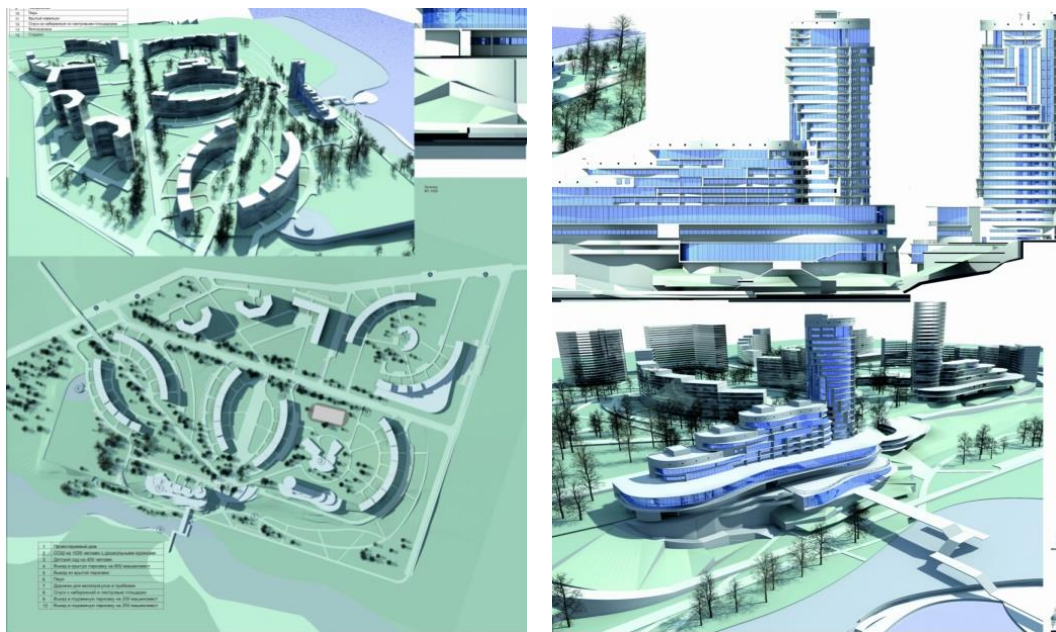
Таким образом, необходимо создать прежде всего безопасную территорию с четкими основными подъездными и подходными путями.

Так как основным источником опасности здесь является железная дорога, пристальное внимание необходимо сосредоточить на ней. Организовав мосты и виадуки, мы не решим проблему.

Оптимальным решением будет заключение железнодорожной ветки в тоннель с охраняемыми въездами и выездами.

Этим можно оградить окружающую территорию практически от всех негативных влияний железной дороги. К тому же, умело используя полученное пространство, можно создать единую целостную городскую среду по примеру таких городов, как Лондон, Берлин.

Упомянутые прибрежные территории, в перспективе формирующие речные фасады города Новосибирска, неоднократно рассматривались в проектах студентов-дипломников и магистрантов НГУАДИ (рис. 1–6).

Рис. 1. Проект жилого квартала в Зельцовском районе. Студент И. Рыбникова, преподаватель Т.Ф. Тыжброва [5]

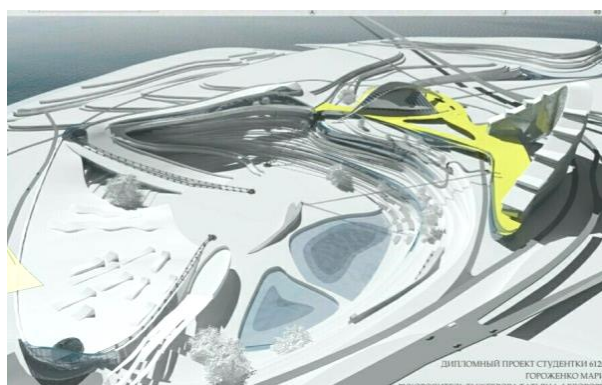
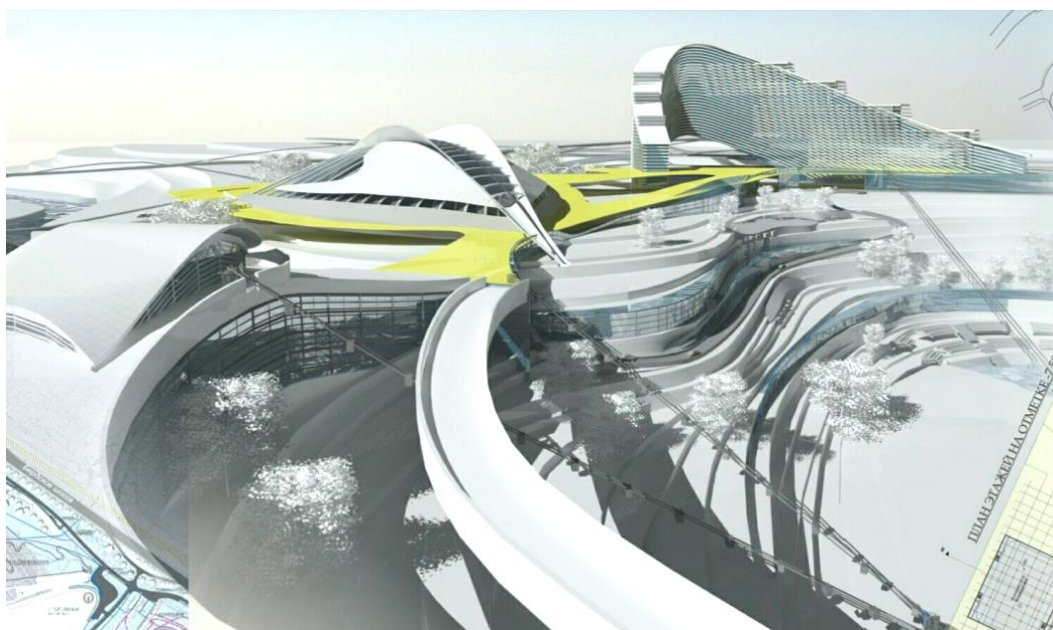
Рис. 2. Проект перехода-навильона на набережную в районе станции метро Речной вокзал. Студент О. Фоминых, преподаватель – Б.Ф. Серебров [5]

Рис. 3. Проект застройки островов р. Оби. Студент Д. Авксентюк-Каменская, преподаватель Е.Н. Лихачев [5]

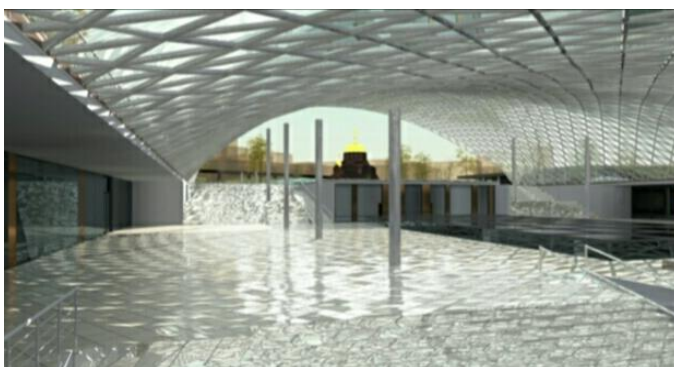
Рис. 4. Проект застройки ул. Фабричной. Студент О. Мальцева, преподаватель Л.А. Карадина [5]

Рис. 5. Проект застройки в районе карьера Борок и Бугринского моста. Студент М. Гороженко, преподаватель Т.Ф. Тыжброва [5]

Разработал: Трушин Сергей Николаевич
Консультировал: Тыжброва Татьяна Федоровна

Рис. 6. Проект пешеходной платформы-парка над железной дорогой в районе ул. Спартака. Студент С. Трушин, преподаватель Т.Ф. Тыжброва [5]

Список литературы

1. Колпакова М.Р., Туманик Г.Н. Новосибирск: город в 2000 году. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 112 с.
2. Татлин. – 2005. – № 5 (29). – 112 с.
3. Проект Россия. – 2005. – № 34. Чужие. – 180 с.
4. Speech. Вода. – 2011. – № 7. – 260 с.

Список источников

5. Тыжброва Т.Ф. Личный архив.

Сергеенко А.М.
a.sergeenko@me.com
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия,
 Калугина Е.М.
ula.grad@gmail.com

УДК: 711.523
 ББК: 85.118+74.489

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Аннотация. Рассматривается современный опыт внедрения студенческого научного исследования в процесс градостроительного проектирования на примере центра наукограда Кольцово Новосибирской области.

Ключевые слова: градостроительство, генеральный план, проект планировки, архитектурное образование, НИРС, Кольцово.

Введение. Современная разработка градостроительной документации ведется в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации. При этом состав проекта в современных реалиях, как правило, ограничивается необходимым и достаточным наполнением для формального соответствия кодексу, требованиям технического задания и действующих нормативов. С одной стороны, градостроительной наукой наработан богатейший опыт комплексного изучения городских территорий, очевидна необходимость междисциплинарного подхода к развитию городов. С другой стороны, тендерная основа выбора проектировщиков стимулирует упрощение проектного процесса для уменьшения стоимости и сроков. Результатом таких условий становится проблема сокращения комплексных предварительных исследований, которые должны быть неотъемлемой частью градостроительного проектирования. Одновременно с этим наблюдается оторванность студентов вузов от проектного мира градостроительства. Приходя на работу в проектные организации, студенты, знакомые с теоретической составляющей профессии, постигают с азов прикладные проектные инструменты. Кроме того, студент может находиться в иллюзиях о том, что представляет из себя работа градостроителя. Познакомиться с профессией можно только в рамках производственной практики, что зачастую дает совсем не полное и однобокое представление.

Позитивные случаи решения данной проблемы отмечаются в примерах внедрения реальных проектных задач в учебный процесс, однако именно нахождение студента в атмосфере проектной организации реально приближает его к практической стороне проектирования со всеми его особенностями.

Как отмечал профессор НГУАДИ А.Н. Клевакин, «задачи укрепления теоретического ядра градостроительства – урбанографии – определяются повышением требований к общецивилизационному уровню специалистов. Обновляющее значение в реорганизации образовательной системы должны получить общественные, академические, профессиональные организации, градостроительная критика, профессиональная печать.

В настоящее время курсовое проектирование, обучение в аспирантуре, исследование, практика выполнения проектов – автономные направления. Сложившаяся и в последние годы модернизируемая система образования также трактует эти виды деятельности как автономные» [2, с. 105].

Одной из причин нехватки времени на предварительные исследования является непонимание администрацией актуальности работы над территориями до того, как появился реальный инвестор для ее развития. В результате разработка проектной документации ведется зачастую по заказу конкретного инвестора с учетом его планов. Оптимальным же был бы своевременный поиск возможностей развития территории, основанный на конкурсном предложении вариантов ее освоения, разработке мастер-плана (стратегический и инвестиционный документ), внесении параметров в правила землепользования и застройки, проект планировки и межевания для дальнейшего поиска инвесторов, заинтересованных в возведении наиболее выгодных для города объектов.

Таким образом, для развития градостроительной профессии актуально решение таких задач, как:

- своевременный анализ территорий с нарастающей динамикой освоения до появления конкретных инвесторов;
- возвращение комплексного предварительного исследования как основы проектных градостроительных решений;
- усиление связи образовательного и проектного процессов в градостроительстве.

Гипотеза: усиление связи вузов и проектных организаций дает следующие возможности. Проектировщикам – компенсировать дефицит научной составляющей в процессе проектирования, студентам – получить опыт участия в реальных проектах, субъектам развития территорий – возможности для выявления и своевременного анализа территорий, конкурсного выбора проектных идей, более глубокой предпроектной проработки решаемых задач.

Материалы и методы. Проектно-исследовательское объединение U.La (далее – ПИО U.La), включающее практикующих и преподающих специалистов в области градостроительства и дизайна городской среды (в том числе авторов данной статьи), а также инициативных студентов архитекторов, в 2017–2018 учебном году провело ряд исследований, посвященных развитию центра наукограда Кольцово. В исследованиях приняли участие студентка НГУАДИ Кристина Кобзева и студентки НГАСУ (Сибстрин) Анна Кольцова и Маргарита Копнина. Материалы научных работ докладывались на студенческих конференциях, и после первой апробации были переданы в администрацию наукограда Кольцово. Проведенные исследования легли в основу дипломных проектов студенток, которые они продолжают в настоящее время.

Тема исследования выбрана не случайно, она соответствовала нарастающей динамике освоения исследуемой территории. Своевременное проведение исследований позволило учесть их выводы при разработке проекта планировки Центральной части, выполнение которой началось в 2017 г., утверждение состоялось в январе 2018 г. [5]. ПИО U.La взяло на себя функции руководителей исследования и посредника между студентками, администрацией наукограда и проектной организацией, получившей заказ на разработку градостроительной документации.

Утвержденный проект планировки полностью учитывает полученные исследовательские выводы.

Изучив социологические, структурно-функциональные, коммуникационные, историко-генетические особенности развития центра, студентки выявили закономерности этого процесса, что позволило сделать прогноз дальнейшего освоения свободных территорий и дать рекомендации для максимально эффективного их использования.

Основные выводы работы студенток НГАСУ (Сибстрин) Анны Кольцовой и Маргариты Копниной «Особенности развития центра наукограда Кольцово» [1] легли в основу двух предложенных моделей освоения территории с формированием центральной площади наукограда.

Сделаны выводы о необходимости тесной связи с зеленым массивом и развития парка Кольцово до центральной общественной зоны.

Выявлена необходимость в обеспечении связанности территории центра, возможности ее транзитного пересечения при движении между микрорайонами наукограда, окружающими центральное ядро.

Проведенные социологические исследования продемонстрировали восприятие центра жителями наукограда: отсутствие в их представлении выраженного центра, потребность в центральной знаковой площади – главном общественном пространстве поселка с учетом перспективного роста численности населения по генеральному плану [3; 4], а также необходимость в различных объектах общественного назначения. Проведение социологических исследований представляет наибольшую ценность, поскольку это наименее полно освещаемый раздел в современной градостроительной документации.

Тесное сотрудничество с разработчиками проекта планировки позволило передать последним материалы проведенных исследований. С их учетом проектировщики внесли предложения по организации центральной площадки наукограда, ее расположению. Для связанности территории в зонах общественно-делового назначения сформированы буферные участки в зоне озеленения – основа для будущих транзитных проходов и входов в парк. Конфигурация зоны общественно-делового назначения предусматривает компактное размещение планируемых общественных зданий, замыкающих центральную площадь и обеспечивающих возможность пешеходных, композиционных, видовых связей с ул. Вознесенской и Молодежной, выходящих на центральное ядро.

Все полученные выводы могут быть учтены в технических заданиях администрации на разработку будущих объектов центра, строительство которых начнется в последующие годы.

Помимо уже выполненных работ планируется передача материалов дипломных проектов студенток администрации наукограда для расширения представления о возможностях развития территории центра.

Результаты. Таким образом, на полученном опыте нами опробован следующий порядок внедрения студенческого научного исследования в градостроительную практику:

1. Выявление динамично развивающейся территории до момента ее освоения.
2. Проведение комплексного исследования с привлечением студентов.
3. Взаимодействие с жителями в процессе сбора информации, социологические исследования.

4. Апробация выводов исследования, построение проектных моделей развития территорий.

5. Передача материалов исследования заинтересованным организациям (администрации, девелоперам).

6. Передача исследования и предлагаемых моделей развития территории проектной организации – разработчику проекта планировки.

7. Устройство студентов-исследователей на стажировку в проектную организацию для непосредственного участия в разработке проекта планировки.

8. Участие в публичных слушаниях, внесение предложений и защита проектных идей.

Выводы. Представленный подход, сформулированный в гипотезе выше, доказал свою актуальность и ценность для всех участников проектно-исследовательского процесса. В рамках совместной работы удалось также своевременно решить все поставленные задачи. Данный подход может успешно использоваться вузом без участия исследовательских организаций-посредников. Однако необходимо отметить важнейшую роль взаимодействия с заинтересованными организациями и администрацией на территории, а также внедрение студентов в проектную организацию.

Список литературы

1. Кольцова А.А., Копнина М. В. Особенности центра наукограда Кольцово // *Интеллектуальный потенциал Сибири: 25-я Межвуз. (Регион.) науч. студ. конф.: сб. науч. тр. В 23 ч. Ч. 6. Искусствоведение и культурология* / под ред. Ю.И. Тарасовой, А.Е. Гашенко. – Новосибирск: НГУАДИ, 2017. – С. 46–48.

2. Клевакин А.Н. Конкурентоспособность российской градостроительной школы на рынке образовательных услуг // *Традиции и инновации в современном социокультурном пространстве: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 1 / отв. ред. О.Д. Романников. – Новосибирск, 2011. – С. 104–106.*

Список источников

3. Генеральный план рабочего поселка Кольцово Новосибирской области (городской округ). Положение о территориальном планировании. Проект №: ГП-33/14-087-2014. – Новосибирск: СИБНИИ Градостроительства, 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL:

<https://kolcovo.ru/Municipality/gradostroitelstvo/gradostroitel'naya-deyatelnost/generalnyy-plan.php> (дата обращения: 20.04.2018).

4. Решение (двадцать третья сессия) Совета депутатов рабочего поселка Кольцово пятого созыва №57 от 06.09.2017 «Об утверждении правил землепользования и застройки городского округа рабочий поселок Кольцово Новосибирской области» [Электронный ресурс]. – URL: https://kolcovo.ru/Documents/Division_City/Binder1.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

5. Постановление администрации рабочего поселка Кольцово «Об утверждении проекта планировки территории Центральной части в рабочем поселке Кольцово Новосибирской области и проекта межевания в его составе» от 20.02.2018 № 184 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kolcovo.ru/Municipality/Administration/Resolutions/infoblok.php?ELEMENT_ID=1504 (дата обращения: 20.04.2018).

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

Ермоленко Е.В.
markhi_ermolenko@mail.ru
 МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК: 727.7

ББК: 85.11:38.2:79.1

РАЗВИТИЕ «ВЕЕРНОЙ» СХЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Пространственная структура первых музеев носила функциональный, четко заданный характер. Система движения, наиболее часто проходившая вдоль линии анфилады и галереи, не давала посетителю возможности выбора, направляя его из одного зала в другой. В XX в., несмотря на все многообразие новых схем построения, своеобразная «заданность» маршрута осмотра по-прежнему оставалась отличительной чертой большинства музеев. Одной из немногих схем, при которой стало возможным самостоятельное составление маршрута посетителем, является «лепестковая» или «веерная» схема. В статье анализируется становление данного вида схемы пространственной организации, а также ее развитие и использование в современных музеях.

Ключевые слова: пространственная структура, веерная схема, петлевая система движения, современный музей.

Введение. Изучению пространственной организации современного музея, становлению и развитию новых схем построения, а также трансформации уже ставших традиционными классических схем в отечественном научном знании уделяется сравнительно мало внимания [6, с. 68–77; 3, с. 144–158; 2, с. 147–171]. Наиболее часто архитектурные особенности музея рассматриваются через призму стилевой детерминированности либо же через конструктивные и технические требования, что не позволяет в полной мере проследить этапы развития той или иной планировочной структуры.

Зарождение «веерной» схемы построения. К началу XX в. в пространственной организации музеев, как правило, преобладали две принципиальные схемы: анфиладная и галерейная [4, с. 59–61]. В их основе лежал своеобразный симбиоз между утопическими проектами «музея-храма», предложенными в эпоху Просвещения Э.-Л. Булле, Ж.-Ф. Нефоржем, П. Магу, и проектом профессора Ж.Н.Л. Дюрана, ставшим на долгие годы эталоном организации музейного здания. Замкнутая кольцевая или же протяженная линейная схемы движения сквозь залы музея задавали определенный маршрут осмотра, не позволяя посетителям выбирать очередность осмотра коллекции [8, р. 56–57]. Центральное пространство музея и экспозиционные залы были важнейшими структурными элементами.

Поиск иных систем пространственного построения музея привел к появлению ряда новаторских схем, одной из которых стала «веерная» или «лепестковая». Главной особенностью подобной схемы является выделение в плане организующего ядра, центра композиции, вокруг которого под произвольными углами

расходятся объемы залов. Система движения в таких залах перешла из линейной в петлевую.

Примерами первых «веерных» схем являются музей в Бэруме, арх. И. Эйквар; музей искусств в Беркли, арх. Дж. Кьями (рис. 1); проект музея искусств в Ширазе, арх. А. Аалто. Входное атриумное пространство объединяло разнообразные по форме и размерам залы, «расходящиеся» в разные стороны.

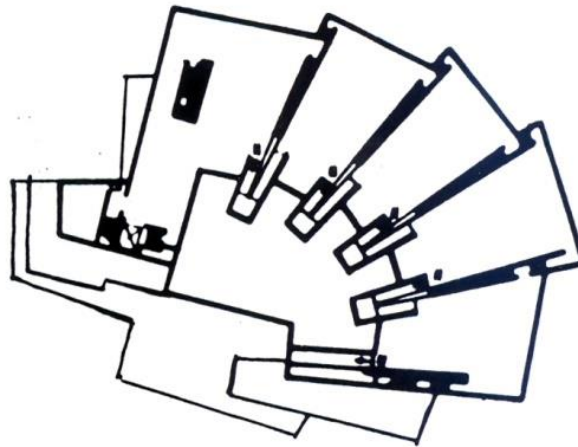

Рис. 1. Музей искусств в Беркли. Арх. М. Дж. Кьями. 1971г. [7, с. 201–202]

Современная интерпретация «веерной» схемы. Вариантом современного развития данной схемы стали музеи, в которых центральное звено объединяет не залы, а самостоятельные, отдельно стоящие объемы. Также заметные изменения коснулись центрального значимого ядра. Если ранее ядром музея являлось входное пространство атриума, то в современном звучании вариантов стало больше.

В музее в Сиракузах, арх. Й.М. Пей, центральным ядром композиции является открытый двор, вокруг которого расположены массивные глухие объемы с размещенными в них коллекциями.

В музее искусств Нэшера, арх. Р. Виньола, пять отдельных объемов, в трех из которых содержится коллекция экспонатов, расположены веерообразно вокруг пятиугольного в плане холла. Тринадцатиметровый холл практически полностью остеклен, что создает контраст с глухими закрытыми объемами экспозиционных залов и административных корпусов [10, р. 176–181].

Еще одним примером «веерной» схемы является проект музея для Гвадалахары, архитектурное бюро Герцог и де Мерон. Расположенный посреди густого леса, перед каньоном, музей состоит из галерей, которые «вклиниваются» друг в друга под произвольными углами. Сами архитекторы объяснили подобное решение желанием создать аутентичную форму традиционного «пуэбло». Благодаря сложному рельефу часть галерей будут расположены на разных уровнях, а весь комплекс перекроется единой сложной по конфигурации крышей, формирующей как внутреннее пространство, так и площадь перед входом в здание. Объединение всех частей «веера» происходит сквозным коридором, значительного композиционного акцента в виде пространственного ядра в музее нет.

В музее «Оцеанеум» в Германии, архитектурное бюро Behnisch Architekten, здание поделено на четыре блока, каждый из которых посвящен определенной тематике. Плавное, тягучее пространство между блоками связывает части музея единой рекреационной общественной зоной. В музее нет выраженного композиционного центра, что является характерной чертой современной интерпретации схемы [9, p. 94–100] (рис. 2).

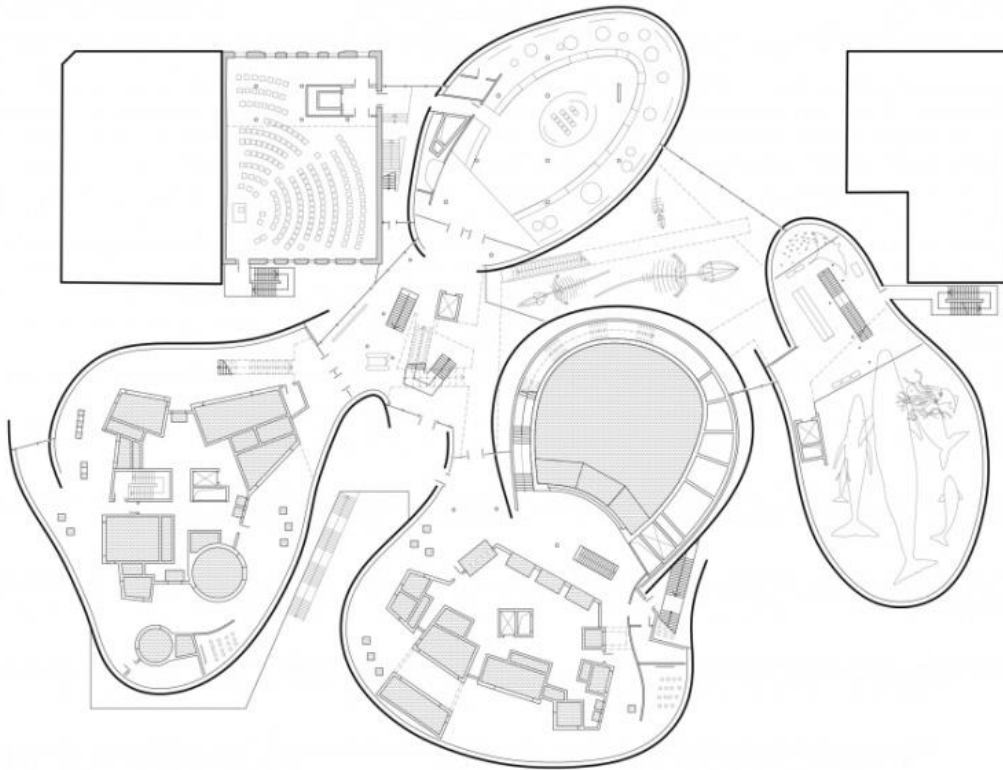

Рис. 2. Музей «Оцеанеум» в Германии. 2008 г. Архитектурное бюро Behnisch Architekten [12]

Сегодня развитие «вверной» схемы происходит через усложнение формы самих объемов, а также через стирание границ между центральным пространственным ядром музея и отдельными «лепестками». Так, известнейший архитектор Ф. Гери использовал «вверную» схему построения в музее Гуггенхайма в Бильбао, музее Биоразнообразия в Панаме и ряде других проектов (рис. 3).

На первый взгляд запутанная, сложная структура плана, демонстрирующая хаос и нагромождение объемов, на самом деле может быть сведена к традиционной схеме с ядром, представленным в виде многосветного атриума либо же открытого на первом этаже двора, и «разлетающимися» объемами экспозиционных залов и дополнительных рекреационных и учебных заведений.

Принципиально иной прием использовали в своем проекте музея Африки архитекторы бюро UNStudio (рис. 4). Пространственная структура здания музея состоит из объемов, расположенных вокруг площади, и перекрытых общей кровлей сложной конфигурации.

Фактически речь идет об обратной тенденции: изначально в «веерной» схеме залы замыкались в самостоятельные объемы и отделялись от общего здания. Теперь же, эти независимые друг от друга объемы вновь тяготеют к общему объединяющему началу. Объединение это, однако, происходит значительно сложнее, чем раньше. «Лепестки» словно бы «прорастают» в общую систему кровли, одновременно вырываясь за пределы здания, но и оставаясь его частью. Также нельзя не отметить, что в таком варианте своего развития «веерная» схема демонстрирует общую для современного мира тенденцию формирования музейного пространства как градостроительной структуры [5, с. 179–190].

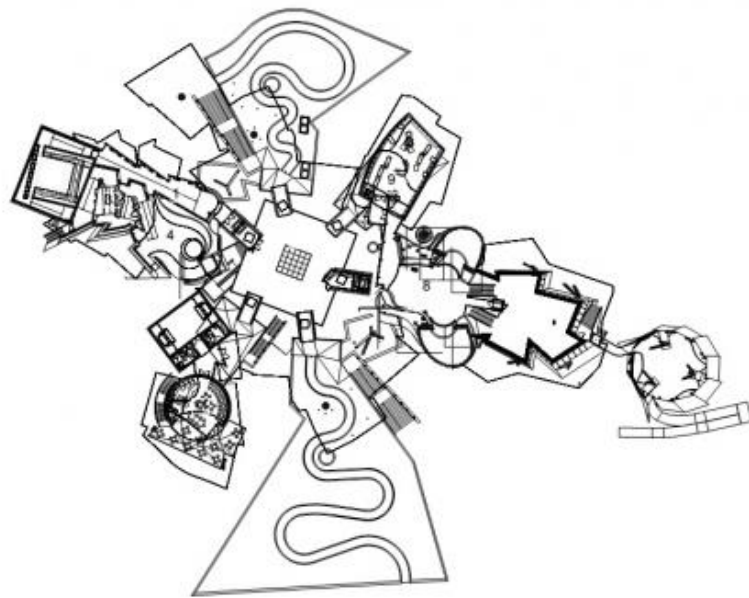

Рис. 3. Музей Биоразнообразия в Панаме. Арх. Ф. Гери. 2016 г. [13]

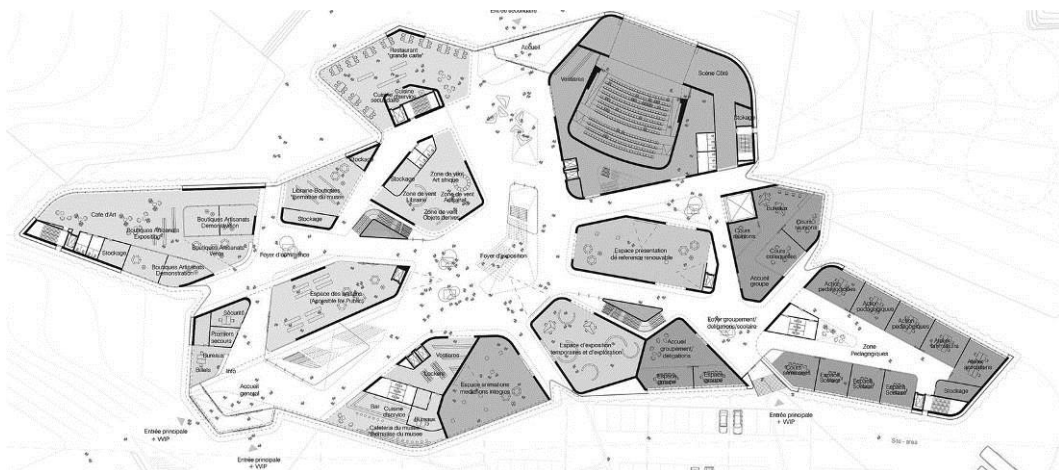

Рис. 4. Проект музея Африки. 2013 г. Архитектурное бюро UNStudio [14]

Заключение. «Веерная» система построения сегодня используется сравнительно часто. Примеры можно увидеть и в работах известных архитекторов, таких как Д. Либексинд, З. Хадид, и у менее известных бюро [11, р. 146–160]. С момента своего возникновения схема прошла несколько этапов развития. Так, первоначально отдельные залы формировались в замкнутые части единой структуры; позднее отделяться стали крупные объемы. В современном мире тенденция к объединению вновь становится заметной, однако способ этого объединения сильно отличается от предыдущих лет. Центральное связующее звено «веерной» схемы сегодня может быть представлено атриумом, двором, площадью или же сложной системой переходов, расположенных в разных уровнях и объединяющих части музея. Так или иначе, подобная схема позволяет не только формировать посетителям собственный маршрут движения, но и создавать подобие сложно устроенного города внутри единого музея. Принцип усложнения пространства, попытка уподобления городской системе – все это характеризует современное использование традиционной в своей основе схемы.

Список литературы

1. Гарва Д.П. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
2. Гельфонд А.Л. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: учеб. пособие. – М.: Архитектура-С, 2007. – 270 с.
3. Гнедовский М.Б. Проектирование в музейном деле: история и перспективы // *Музееведение. Музеи мира: сб. науч. тр. / НИИ культуры.* – М., 1991. – С. 144–158.
4. Ермоленко Е.В. Музеи конца XX – начала XXI века. Специфика новейшего архитектурного языка. – LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2014. – 95 с.
5. Ермоленко Е.В. Развитие структуры экспозиционного пространства [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT).* – 2017. – № 4 (41). – URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/13_ermolenko/index.php
6. Кокорина Е.В., Танкеев, А.С., Шашкова, Т.И. Проектирование музеев: учеб. пособие. – Воронеж: Воронежский ГАСУ, 2015. – 112 с.
7. Ревякин В.И. Музеи мира. – М.: Информэкспресс, 1993. – 245 с.
8. Hoffman H.W. Construction and Design Manual. Museum Buildings / Ed. by Ch. Schittich. – Dom Publishers, Detail, Berlin, 2016. – 416 p.
9. Jodidio Ph. Architecture now! Museums. – Taschen, 2010. – 416 p.
10. Museums in the 21st Century. Concepts. Projects. Buildings / Ed. by S. Greub, Th. Greub. – Prestel, Munich, Berlin, London, New York, Art Center Basel, 2006. – 215 p.
11. Self R. The Architecture of Art Museums. A decade of design: 2000–2010. – Routledge, London, New York, 2014. – 297 p.

Список источников

12. URL: <http://miesarch.com/work/142>
13. Biomuseo – музей биоразнообразия [Электронный ресурс]. – URL: <https://archi.ru/projects/world/4855/biomuseonbsp-nbsp-muzei-bioraznoobraziya>
14. Grand Musée de l’Afrique [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unstudio.com/en/page/3398/grand-musee-de-l-afrique>

Палей Е.С.
ekpaley@gmail.com

МАРХИ, г. Москва, Россия

Научный рук.: д-р архитектуры, проф. Павлов Н.Л.

УДК: 711.61:378.4

ББК: 85.118:74.58

ПЛОЩАДЬ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ КАМПУСЕ ЕВРОПЫ

Аннотация. Статья посвящена принципам организации площадей в современных университетских кампусах Европы. Особое внимание уделено университетской площади как главному имиджевому элементу университетского кампуса. Выявлены основные особенности как главных, так и второстепенных площадей. На ряде примеров прослежены различные подходы к созданию образа университетской площади.

Ключевые слова: университетский кампус, общественное пространство, главная площадь, доминантный элемент, амфитеатр.

Введение. Организация рекреационных территорий и общественных пространств играет важное значение для создания имиджа университетского кампуса. В статье «Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов» М.В. Пучков пишет: «Кроме основных зон, включающих объекты университетского кампуса, необходимо особо выделить пространства кампуса как носители имиджевых и социальных функций. Это могут быть “центральные пространства”, которые чаще всего окружают основные объекты кампуса (библиотеку, администрацию, основное учебное здание и т.д.) и служат для публичных выступлений, сборов, торжественных мероприятий» [5]. Главным общественным пространством университетского кампуса является площадь.

Цель данной работы состоит в выявлении архитектурно-пространственных особенностей площадей университетских кампусов как места социальной коммуникации. Новизна исследования состоит в том, что площадь университетского кампуса как объект общественного пространства, включающий в себя архитектурное пространство, ландшафт, организацию социальной жизни, движение потоков и выполняющий роль катализатора социального взаимодействия, еще не рассматривалась.

Материалы и методы. В статье рассмотрены площади современных университетских кампусов Европы конца XX – начала XXI в. Исследование выполнено на основе научной литературы, графических материалов, выложенных в свободный доступ, а также с помощью натурного осмотра объектов.

Результаты. Традиционно одиночное здание университета располагалось на городской площади. При такой композиции площадь служит соединительным элементом между университетом и городом, а здание университета является ее доминантным элементом.

В университетском кампусе площадь является одним из важнейших композиционных элементов. Она несет значение символа, организует и упорядочивает окружающее пространство. На территории университетского кампуса площади являются композиционными узлами и ориентирами, организующими путь по территории кампуса [1].

Площади университетских кампусов можно условно разделить на главные и второстепенные. Главная площадь университета – визитная карточка кампуса. Обычно она расположена при входе в кампус или в центральной его части. Именно по ней посетитель создает впечатление об университете.

В последние десятилетия университетский кампус становится местом проведения общественных мероприятий не только для студентов университета, но и для жителей города. Для этой цели используется главная площадь кампуса.

В Рурском университете в Бохуме (Ruhr-Universität Bochum (RUB), Германия), построенном по проекту архитектора Helmut Hentrich в 1965 г., центральное место комплекса занимает платформа – высокий стилобат, перекинутый через железнодорожные пути. Здесь осуществляется основной вход на территорию кампуса. Вся платформа представляет собой общественное пространство, а именно: площадь, в центре которой расположено здание кинотеатра (являющееся доминантой для площади и знаковым элементом для всего кампуса) [7]. Одним из основных композиционных элементов площади является амфитеатр, встроенный в перепад рельефа.

В последние десятилетия архитектуре главной университетской площади уделяется особое внимание. Так, во многих университетских кампусах за последние годы были реконструированы главные площади с целью повышения привлекательности всего кампуса.

Главная площадь Университета Эрубру (Örebro University), Эрубру (Швеция), построенная по проекту архитектурного бюро Juul / Frost Architects в 2015 г., в плане представляет собой сегмент круга. Протяженная лестница обозначает границу площади, подчеркивая ее живописную форму. Новая площадь стала точкой притяжения как для всего университета, так и для жителей города, а также связующим звеном между старой и новой частями университетского кампуса. Площадь покрыта узором из бетонных плит, постепенно переходящих в гальку, в плане напоминающим ветви дерева. Среди гальки посажены деревья, занимающие центральную часть композиции и являющиеся фокусной точкой для лестницы-амфитеатра. Сложный рисунок мощения придает площади особую живописность.

В настоящее время архитекторы уделяют большое внимание элементам благоустройства, а вся территория университетского кампуса рассматривается как «образовательная среда». В современных университетских кампусах общественное пространство является регулятором социальных взаимодействий, способствующих росту социального капитала университета. Поэтому наибольший интерес представляют примеры, когда знаковыми элементами кампуса становятся элементы благоустройства, служащие для взаимодействия и общения. Самым пространственным элементом является амфитеатр.

Площадь-форум Эксетерского университета (University of Exeter), Эксетер (Великобритания), построенная по проекту архитектурного бюро Wilkinson Eyre Architects в 2012 г., расположена на крутом рельефе и представляет из себя систему платформ, организованных перед входами в здания главной лекционной аудитории и библиотеки, расположенных на разных уровнях. Платформы соединены каскадом лестниц, часть которых служит амфитеатрами. Живописность форума подчеркивает система газонов, также разместившихся на разных уровнях.

Как правило, на главной площади расположена основная архитектурная доминанта университета: это может быть главное здание кампуса, например библиотека (примером является кампус Венского экономического университета (Wirt-

schaftsuniversitat Wien (WU), Вена, Австрия), либо это может быть высотная доминанта, например труба котельной (примерами являются кампус Дунайского университета Кремса (Donau-Universitat Krems, Кремс, Австрия) и кампус De La Comunicacio Poblenou Университета Помпеу Фабра (Pompeu Fabra University (UPF)).

Чем более уникальным является пространство, тем выше его ценность для архитектуры всего кампуса [4]. Главная площадь современного университетского кампуса это прежде всего знаковый элемент.

Главная площадь Дунайского университета Кремса (Donau-Universitat Krems, Кремс, Австрия), построенного по проекту архитектурного бюро Dietmar Feichtinger Architects в 2005 г. расположена в сердце кампуса. Ее окружают здания учебных корпусов и кинотеатра с выставочным залом. Центральное место занимает кирпичная труба, оставшаяся от старой котельной и играющая роль высотной доминанты. Для отделки покрытия площади использован бетон. Уникальность данной площади в том, что по бетонному покрытию причудливо раскинулись ковры, выложенные из разноцветной мозаики. Некоторые из них разместились прямо на газоне. Неординарное решение отделки площади стало знаковым элементом для всего университета.

В отличие от главной второстепенные площади предназначены для отдыха и представляют собой рекреационную зону. Как правило, здесь располагаются группы скамеек и лежаков. Анализ показал множество интересных решений генеральных планов кампусов как системы из площадей, переходящих одна в другую.

Норвежский архитектор, профессор Норберг-Шульц Кристиан в статье «Жизнь имеет место» говорит о том, что архитектура создает идентифицируемое пространство для жизни, отвечающее различным потребностям и связанное с конкретным местом. Различные способы организации пространства площади способствует взаимодействию (для этого служат главные площади) либо, наоборот, уединению (для этого служат второстепенные площади) [2].

План кампуса Венского экономического университета (Wirtschaftsuniversitat Wien (WU), Вена, Австрия), построенного согласно генеральному плану архитектурного бюро BUSarchitektur в 2013 г., представляет собой извилистый променада, следуя вдоль которого посетитель переходит от одной площади к другой, каждая из которых носит свою функцию. Это своего рода «спектакль» [6]. Вдоль променада расположены учебные корпуса. Центральное место кампуса отведено зданию библиотеки, построенной по проекту архитектурного бюро Zaha Hadid Architects. Перед зданием библиотеки расположена просторная главная площадь. Напротив здания библиотеки размещена сцена, оборудованная лестницами, а также пандусами для свободного доступа инвалидов. Также в кампусе представлены второстепенные площади, носящие камерный характер и используемые как рекреационное пространство. Каждая рекреационная площадь имеет свой неповторимый характер. На одной из них расположены лежаки, на другой разместились уличные кафе, третью заняли причудливые скамейки. Одной из отличительных черт нового времени стало оборудование площадей системой Wi-Fi. Для этой цели расставлены стойки-трансляторы.

Главной осью кампуса Дельфтского технологического университета (Delft University of Technology (TU Delft), Дельфт (Нидерланды)), реконструированного по проекту архитектурного бюро Mecanoo в 2007–2009 гг., является протяженная озелененная аллея, вдоль которой расположены учебные корпуса. Напротив входа

в каждый учебный корпус разбита площадь. Так, площади образуют целую систему, оживляющую аллею, и являются ориентирами и центрами притяжения [3].

Выводы. Площадь университетского кампуса является одним из важнейших имиджевых элементов, а также коммуникационным узлом, и речь идет не только о визуальной коммуникации, но и о коммуникации виртуальной. С этой целью современные площади оборудуются системой Wi-fi. Основная задача при организации университетских площадей – создание благоприятных условий для различных видов социальных взаимодействий: обеспечение проведения общественных мероприятий (главная площадь) и уединения (второстепенная площадь). В связи с этим площади современных университетских кампусов Европы, как правило, оснащены специальным оборудованием: на главных площадях размещен амфитеатр, а иногда и специальная сцена, на второстепенных – группы скамеек и лежаков.

Список литературы

1. Масловская О.В., Игнатов Г.Е. Городская площадь как пространственная доминанта: монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. – 144 с.
2. Норнберг-Шульц К. Жизнь имеет место [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Иовлева // *Архитектон: известия вузов*. – 2012. – № 39. – URL: http://archvuz.ru/2012_33/16
3. Палей Е.С. Озелененное общественное пространство в композиции современных университетских кампусов Европы [Электронный ресурс] // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2017. – № 4. – С. 55–62. – URL: http://www.raasn.ru/public/academia_2017_4.pdf
4. Пучков М.В. Архитектурно-градостроительные качества научно-образовательных пространств [Электронный ресурс] // *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*. – 2011. – № 3. – С. 60–63. – URL: <http://uniip.ru/journal/arhiv/soderghanie/230-av3-2011/332-3-2011-puchkov>
5. Пучков В.М. Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов [Электронный ресурс] // *Архитектон: известия вузов*. – 2012. – № 38. – URL: http://archvuz.ru/2012_2/3
6. Catling C.S. Vienna Six. Vienna University Campus / C.S. Catling // *Architectural Review*. – 2014. – № 1407. – С. 42–61.
7. Ruhr-Universität Bochum [Электронный ресурс]. – Archive: Ruhr-Universität Bochum. – URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/archiv/pdf/zeitreise_querenburg.pdf

Кисельникова Д.Ю.

kiselnikova.darya@yandex.ru

НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

Научный рук.: канд. архитектуры Филиппов В.Н.

УДК: 72.03

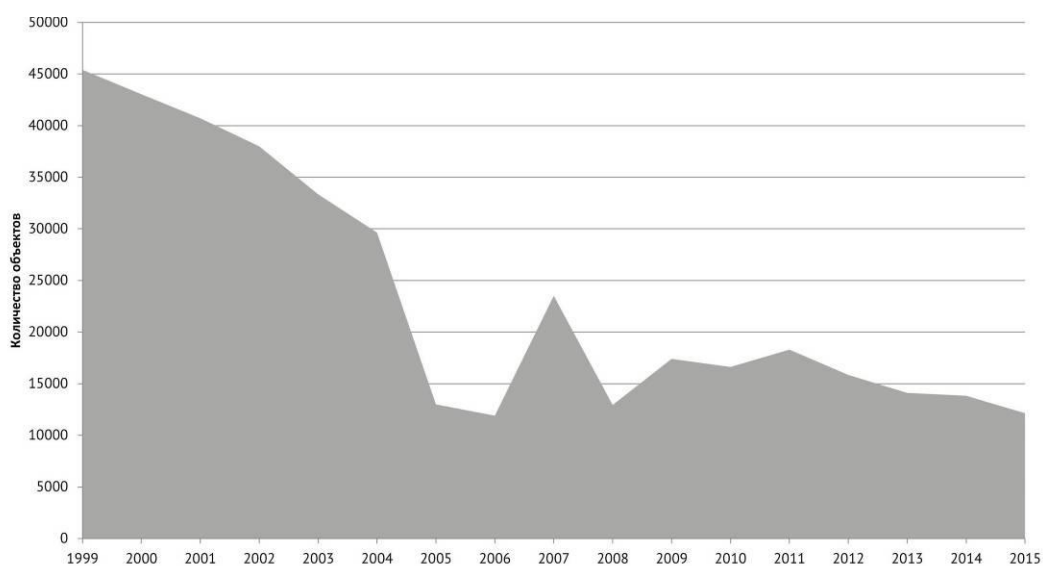
ББК: 85.113(2)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОЛГОСТРОЕВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В НОВОСИБИРСКЕ В 1990-е гг.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реконструкции долгостроев советского периода в Новосибирске в 1990-е гг. На примере реализованных объектов определяются особенности реконструкции подобных зданий, а также указывается значение перепрофилирования долгостроев в самый востребованный тип зданий того времени – жилые дома.

Ключевые слова: объекты незавершенного строительства, жилищное строительство, архитектура Новосибирска.

Введение. Глобальные социально-экономические перемены, произошедшие в России в 1990-е гг., затронули все сферы жизни общества и потребовали реорганизации множества систем, в том числе и строительной отрасли. Далеко не все здания и сооружения, строительство которых было начато в конце 1980-х гг. в условиях плановой экономики, удалось закончить и ввести в эксплуатацию в уже современных рыночных условиях. При этом стоит отметить, что такие объекты незавершенного строительства – долгострои – существовали и во времена СССР, но именно в 1990-е гг. их число так резко возросло. По данным, представленным на портале Федеральной службы статистики (*рис. 1*), к 1999 г., когда на фоне более спокойной экономической ситуации количество таких зданий начало сокращаться, в России насчитывалось более 45 тыс. объектов незавершенного строительства (ОНС).

Рис. 1. Количество зданий и сооружений, находящихся в незавершенном строительстве. Данные по Российской Федерации на 1999 г. [7]

Проблема точного определения понятия ОНС является актуальной задачей современного российского права [3, с. 298], связанной с юридическим статусом подобных объектов. В данной статье под долгостроем или объектом незавершенного строительства (ОНС) понимается затянувшееся или заброшенное строительство здания или сооружения.

Даже единичные ОНС, долгое время находящиеся в структуре городской застройки, оказывают сильное негативное влияние на окружающие территории. Ярчайшими примерами долгостроев советского периода в Новосибирске, чья дальнейшая судьба нередко становится объектом общественного обсуждения, являются гостиница «Турист» и ДК «Сибсельмаш» на пл. Карла Маркса. При этом нигде не освещаются примеры реконструированных в 1990-е гг. долгостроев советского периода, которым удалось встроиться в новую экономическую реальность.

Примеры реконструкции ОНС. Существует два принципиальных варианта прекращения существования долгостроя: завершение строительства и ввод объекта в эксплуатацию или «...уничтожение объекта незавершенного строительства» [2, с. 96]. Последний является радикальной мерой и принимается только в условиях полной экономической нецелесообразности завершения строительства [1, с. 41]. При этом обеспечение экономической целесообразности может быть достигнуто за счет изменения назначения объекта строительства и реконструкции уже возведенного (но не введенного в эксплуатацию) здания.

В качестве примера такого перепрофилирования можно привести реконструкцию общежития на ул. Сибиряков-Гвардейцев, 64/1. Строительство этого здания растянулось более чем на 10 лет. Возведение общежития на 535 мест по типовому проекту 164-80-69/1 началось еще в конце 1980-х гг. Это здание должно было стать частью учебно-производственной зоны Затулинского жилого района. Однако в новых экономических условиях, наступивших после 1991 г., заводы и другие некогда крупные предприятия уже не могли позволить себе строительство общежитий для работников. Для привлечения средств и завершения строительства потребовалось перепрофилировать здание под жилой дом (рис. 2).

В результате реконструкции на типовых этажах общежития были упразднены общие комнаты для отдыха и занятий, и здание было разделено на две жилые секции с коридорной планировкой. Также потребовалось строительство дополнительных наружных эвакуационных лестниц в торцах секций. Жилые ячейки общежития были укрупнены и преобразованы в 97 квартир.

Рис. 2. Реконструкция общежития на ул. Сибиряков-Гвардейцев, 64/1 под жилой дом. 1997 г. [4]

Внешне облик жилого дома на ул. Сибиряков-Гвардейцев, 64/1 почти не отличается (кроме наружных лестниц в торцах секций) от изначального облика об-

щежития. Во многом потому что «жилой дом» и «общежитие» типологически очень близкие категории, и здесь удалось ограничиться минимальными изменениями. Однако в Новосибирске на рубеже веков встречаются примеры кардинальных преобразований долгостроев.

Примером таких серьезных метаморфоз является здание на ул. Советской, д. 52/2, которое и сегодня сильно отличается от обычного жилого дома – нехарактерной глубиной корпуса и общими пропорциями (рис. 3).

Рис. 3. Жилой дом на ул. Советской, 52/2. Арх. В.В. Фефелов. 2000 г. [6]

Причины этих особенностей кроются в истории возникновения этого здания. Изначально на этом участке должен был разместиться корпус Новосибирского государственного проектного института (НГПИ). Однако финансирования в конце 1980-х – начале 1990-х гг. хватило только на монтаж основного каркаса несущих конструкций. Здесь применялась распространенная для общественно-производственных зданий серия ИИ20-1/70 (сборный железобетонный каркас с шагом колонн 6×6 м).

Дальнейшая судьба здания в отсутствие средств на продолжение работ могла бы быть столь же безрадостной, как и история гостиницы «Турист» или ДК «Сибсельмаш», однако проблема была решена за счет переустройства здания и размещения на его площадях жилого дома, что позволило привлечь необходимые ресурсы.

Перед архитектором В.В. Фефеловым стояла непростая задача: требовалось «уложить» жилой дом в уже существующую железобетонную коробку общественного назначения, при этом соблюдая все нормы и правила, регулирующие жилищное строительство (рис. 4).

Особые затруднения вызвала большая ширина корпуса (24 м). В результате в планировках квартир большое место было отведено нежилым помещениям, не требующим естественного освещения и инсоляции.

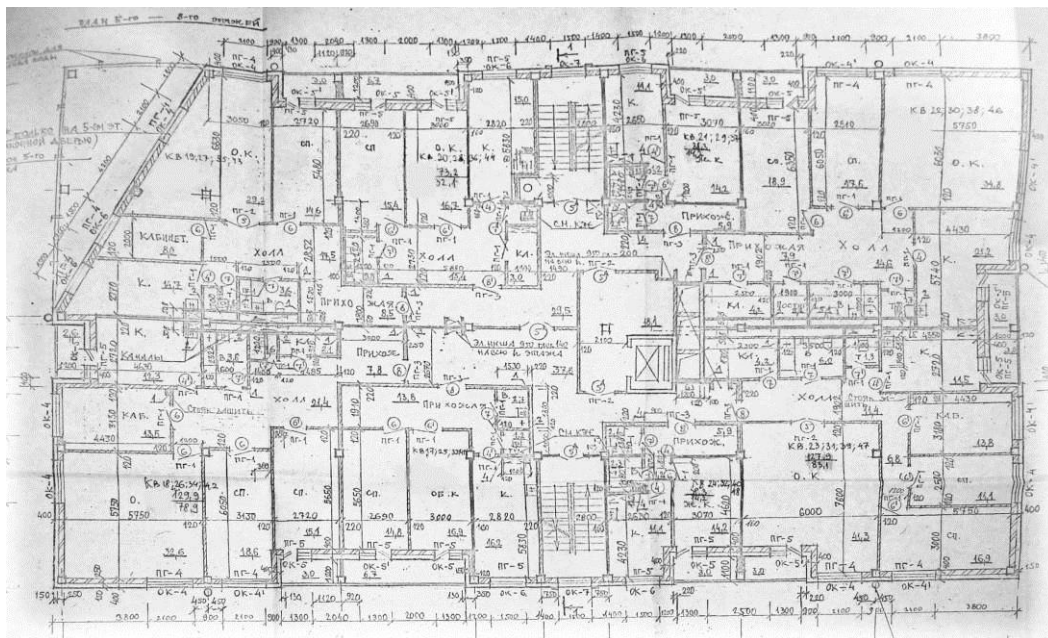

Рис. 4. Проект размещения жилого дома на площадях пристройки НГПИ на ул. Советской, 52/2. План. Арх. В.В. Фелелов. 2000 г. [5]

Выводы. Описанные выше примеры реконструированных объектов позволяют понять, насколько значительным было жилищное строительство для экономики города в 1990-е гг. На фоне снижения уровня производства и деловой активности практически отсутствовал спрос на общественные, административные и промышленные здания. В этих условиях особое значение для строительной индустрии приобрел спрос на жилье. Именно повышенный спрос на жилье позволил избежать сохранения еще большего числа долгостроев советского периода в Новосибирске и был общим двигателем строительной отрасли того времени.

Список литературы

1. Никишина О.В., Никишина О.Б. Оценка экономической целесообразности инвестиций в объекты незавершенного строительства // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2014. – № 6 (11). – С. 39–45.
2. Фудашкин В.А. Объект незавершенного строительства: момент прекращения существования // *Наука и мир*. – 2014. – Т. 2. – № 11 (15). – С. 94–96.
3. Юрченко Д.А. Объекты незавершенного строительства как новая недвижимость: понятия и признаки // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоград. ин-та бизнеса*. – 2015. – № 2 (31). – С. 296–300.

Список источников

4. Архив ГУАиГ мэрии Новосибирска. Кировский район, проект № 621.
5. Архив ГУАиГ мэрии Новосибирска. Центральный район, проект № 537.
6. Ощепков Д.К. Личный архив.
7. Портал Федеральной службы статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/showcases/ (дата обращения: 01.06.2018).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Панова Н.Г.
Pana00@mail.ru
МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК: 72.021.2
ББК: 85.11

КОЛОРИСТИКА В АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЕ. ЦВЕТО-ПЛАСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ФОРМЫ

Аннотация. Рассматриваются вопросы колористического формообразования в системе обучения в архитектурной школе на примере дисциплины «Архитектурная колористика» (опыт Московского архитектурного института (государственной академии) МАРХИ, кафедра «Дизайн архитектурной среды»). Выявляется значимость колористического формообразования с помощью метода моделей. Дается анализ упражнения, в котором рассматривается формообразующее действие полихромии на примере пространственной формы с использованием монохромной и контрастной полихромии. Выводы получены в результате практической работы автора статьи со студентами Московского архитектурного института (государственной академии).

Ключевые слова: архитектурная колористика, архитектурная школа, полихромия, плоскость, объем, пространство, формообразование.

Введение. Дисциплина «Архитектурная колористика» в системе высшего архитектурного образования играет важную роль в подготовке архитектора – профессионала в области проектирования архитектурного пространства. Основной целью деятельности архитектора является композиционная организация архитектурного пространства, а его колористическая составляющая служит неотъемлемой частью и одним из главных компонентов комплексной подготовки будущего специалиста. Наряду с освоением художественных и пластических дисциплин, архитектурная колористика играет большую роль в получении навыков работы с цветом. Одной из составляющих колористической подготовки является использование колористического моделирования. Архитектонические модели с использованием законов колористики являются средством поиска и углубления пластических задач, поясняют формообразующее действие полихромии в объемно-пространственных формах и демонстрируют особенности работы с ними. В условиях непрерывной модернизации высшего архитектурного образования необходимо совершенствовать колористическую подготовку студента-архитектора, используя, в частности, метод колористического моделирования.

Цветопластическая интерпретация пространственной формы. На занятиях по архитектурной колористике (рассмотрен опыт Московского архитектурного института (государственной академии) МАРХИ, кафедра «Дизайн архитектурной среды») студенты в результате освоения практических упражнений с помощью метода моделей наглядно исследуют формообразующее действие полихромии в объемно-пространственных формах трех видов: плоскостной, объемной и пространственной.

В практических заданиях для создания пространственной формы, которая отличается относительным равенством величин по трем координатам, студенты преимущественно используют плоскостные и объемные формы ясной геометрии – кубы, параллелепипеды, их сочетания и др. Целью задания является нахождение возможностей цветовой интерпретации пространственной формы с помощью метода моделей (пространственная форма выполняется с использованием компьютерного или ручного моделирования).

Для выполнения задания студенты придумывают пространственную форму, состоящую из 4–6 объемов простой геометрии. Объемы располагаются на единой плоскости. Пространственная форма разрабатывается линейной структурой геометрического, органического или смешанного типа, которая может быть подсказана формализацией произведения живописи, а также природной или искусственной формами. Первоначальная монохромная пространственная форма разрабатывается по линейной структуре цветом (цветовая композиция создается с использованием 3–5 контрастных цветов, например желтого, синего, красного, белого, черного). Цветовая интерпретация монохромной пространственной формы осуществляется указанными выше цветами в двух вариантах:

а – с целью нивелирования пластических характеристик данной объемно-пространственной формы;

б – с целью развития пластики этой формы.

В результате действия эффекта «выступления-отступления» цветов элементов пространственной формы создается монохромная (белая) пространственная форма с измененной пластикой.

Оба варианта демонстрируются на белом и цветных фонах (цвет для фона берется из пространственной формы). Эти фоны являются мобильными составляющими моделей (рис. 1).

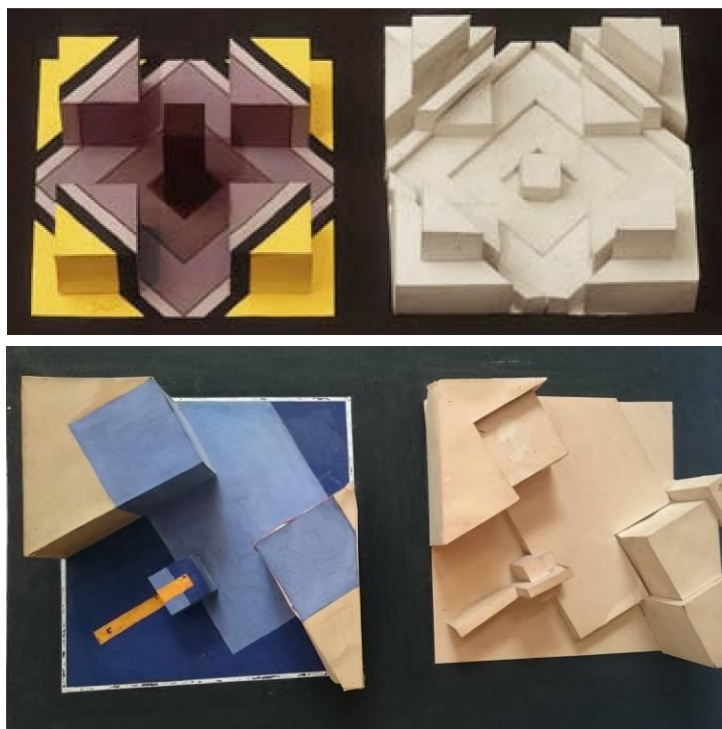

Рис. 1. Цвето-пластическая интерпретация пространственной формы (а) и ее монохромный вариант (б). Фото Н.Г. Пановой

Пространственная форма трактуется как своего рода архитектон, не имеющих конкретных отсылок к реальной архитектуре, воспринимается с боковых сторон и сверху на белом и цветном фонах, создающих окружение архитектона. В результате возникают разные состояния этой пространственной формы за счет различий цветовых интерпретаций на белом и цветных фонах, представляющих противоположные типы ахроматического контекста.

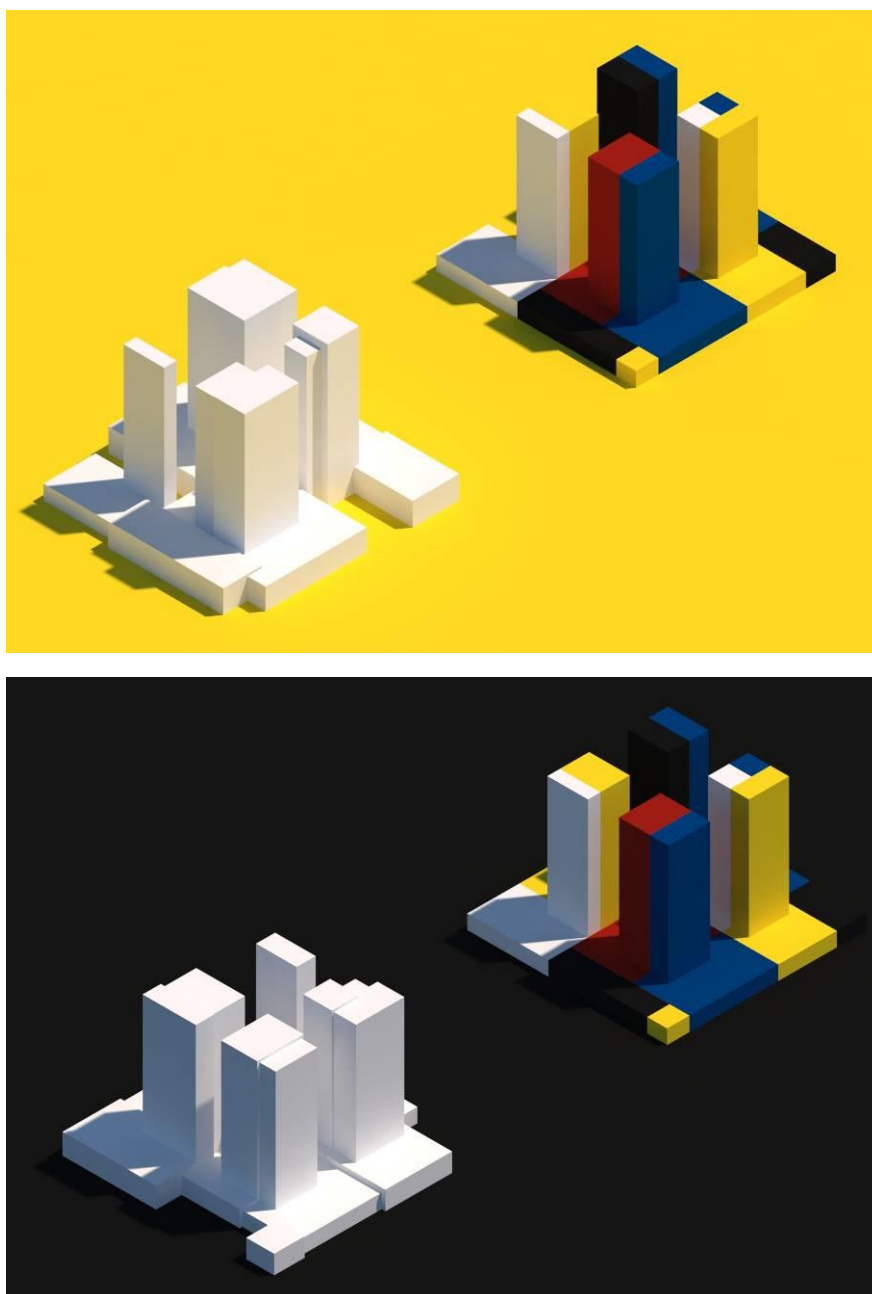
Приведем пример. Пространственная форма состоит из симметрично размещенных четырех белых параллелепипедов на белом квадратном основании. Эта форма разрабатывается контрастными цветами по заранее продуманной цветовой структуре, которая наносится на объемы и основание (в приводимом примере – это синий, желтый, красный, белый и черный цвета). Под воздействием контрастных цветов одновременно на плоскости-основании и на параллелепипедах изначальная форма будет восприниматься как новая пространственная структура. Используя метод моделей, приемы колористического формообразования с опорой на явление хроматической стереоскопии (чем окрашенный сегмент светлее и насыщеннее, тем больше он будет по трем координатам, чем темнее выкрашен сегмент, тем меньше он будет) создается новая монохромная пространственная форма. Ее пластика отличается большим расчленением и некоторым увеличением объемов, а плоскость, на которой стоят объемы, станет рельефом.

Итак, пространственная форма как бы раскалывается в зависимости от величины контраста между цветовыми элементами, различающимися по светлоте, цветовому тону, насыщенности или одновременно по двум-трем характеристикам. Одна и та же пространственная форма воспринимается по-разному при изменении цвета фона. На желтом фоне синие, красные, черные сегменты отчетливо выступают вперед, желтые сливаются с фоном, а белые едва заметны. На черном фоне, наоборот, желтые и белые области подчеркнута выходят вперед, черные растворяются, а синие уходят в глубину. Пользуясь методом моделей, можно представить первоначальную пространственную форму как белую с рельефным основанием и объемами более сложной геометрии. В результате возникает ощущение новой сложной пространственной формы [3, с. 12–13] (рис. 2).

В пространственной форме с разных точек зрения (внутри и снаружи) раскрываются ее характерные черты. Одни элементы формы являются фоном для других, от этого пространственная форма получает множество прочтений, а ее композиционные доминанты смещаются. Пространственная форма больших размеров (например, архитектура) за счет развития по трем координатам будет иметь неограниченное количество точек восприятия. К характерным примерам пространственной формы относятся интерьер или открытое архитектурное пространство [1, с. 54].

В зависимости от колористической разработки объемно-пространственной формы возникает визуальное ощущение новой формы. Это связано с тем, что полихромия может наноситься вне зависимости от свойств формы, ее структуры и характера. Степень самостоятельности полихромии формы относительно ее структуры и характера, выраженных ее стереометрией, массой и другими свойствами, определяет величину зрительного изменения первоначальной формы. Увеличение степени самостоятельности полихромии относительно структуры и характера взятой формы создает зрительное ощущение принципиально новой формы. Одна и та же форма, меняющая свою полихромия, все же может казаться

прежней, поскольку важнейшей задачей зрения является правильное узнавание предметов, даже измененных по цвету. Это обеспечивается участием в зрении механизма контрастности восприятия, т.е. способности глаза идентифицировать предметы, несмотря на их измененные цвета. Поэтому, чтобы «преодолеть» действие механизма контрастности восприятия, в целях гарантированного прочтения формообразующего эффекта полихромия этой формы должна обладать определенной активностью, которая обусловлена цветовыми контрастами ее поверхности [1, с. 43; 4, с. 3].

Рис. 2. Полихромная пространственная форма на разном фоне и ее монохромная интерпретация. Автор – студент 3-го курса 15 гр. МАРХИ С. Калмыков, рук. – доцент Н.Г. Панова. Фото автора

Полихромия бывает двух вариантов: монохромная и контрастная. При использовании сближенной цвето-тональной гаммы формообразующее действие полихромии будет незначительным. Если контрастность большая, то формообразующее действие полихромии будет более заметным. Небольшие цветовые контрасты преобразуют плоскостную форму и создают ощущение рельефной формы. Объем под воздействием сближенной гаммы труднее поддается формообразующему воздействию полихромии, поэтому для появления ощущения новой объемной формы необходима активная полихромия. Только довольно сильные цветовые контрасты на объемной форме могут преобразовать ее и дать ей новое прочтение и приводят к реальному формообразующему действию. В пространственной форме активность полихромии может быть ниже, чем в объемной, но выше, чем в плоскостной. Это объясняется тем, что пространственная форма, хотя и содержит в себе объемы, более расчленена, чем объемная [2, с. 33].

Выводы. На старших курсах рассмотренный метод моделей способствует развитию навыков проектного мышления, развивает цвето-пространственное мышление и воображение, помогает в овладении принципами архитектурного цвето-пространственного моделирования.

Анализ современного положения в теории и практике профессиональной колористической деятельности архитектора подтверждает актуальность и необходимость обязательной колористической подготовки будущего специалиста. Метод моделей опирается на явление хроматической стереоскопии (различные цвета по-разному локализируются в пространстве – ближе или дальше), помогает развивать «пространственно-средовой» подход в проектировании.

Под действием контрастной полихромии плоскость превращается в рельеф, объем зрительно изменяется и преобразуется в более рыхлую форму в зависимости от степени контрастности цвета и отношения к цвету фона. Одна и та же объемная форма воспринимается по-разному при изменении цвета фона. Пространственная форма прочитывается по-разному в зависимости от контраста между цветовыми элементами, а также в зависимости от очертаний цветовых сегментов, контрастирующих со структурой формы и фоном [3, с. 9–10].

В объемно-пространственной форме полихромия выполняет различные композиционные задачи: подчеркивает ее структуру, изменяет значимость ее отдельных элементов, создает новый композиционный центр или визуально преобразует пространственную форму (собирает, разрушает) и др.

Список литературы

1. *Ефимов А.В.* Формообразующее действие полихромии в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1984. – 168 с.
2. *Ефимов А.В., Панова Н.Г.* Архитектурная колористика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Букс МАрт, 2016. – 136 с.
3. *Ефимов А.В., Панова Н.Г.* Влияние полихромии на формообразование [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2014. – № 4 (29). – URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/efimov/abstract.php>
4. *Панова Н.Г.* Некоторые вопросы колористического формообразования (из опыта преподавания в Московском архитектурном институте) [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2014. – № 2 (27). – URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/2kvart14/panova/abstract.php>

Кошеутова О.Л.
olga.leonarda@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 7.017.412
ББК: 85.11

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЦВЕТА

Аннотация. В статье представлен краткий анализ истории возникновения и становления теории цвета. Систематизированы основные постулаты из научных трудов и открытий исследователей разных эпох, которые внесли основной вклад в развитие теории восприятия цвета. Дается описание цветовых моделей, предлагаемых известными учеными.

Ключевые слова: теория цвета, цветовая модель, цветовосприятие.

Введение. Открытиям в естественных науках (оптике, колориметрии) предшествовали философские размышления о природе цвета. Даже сейчас, когда теория цвета в полной мере сформировалась, созданы различные цветовые модели, системы измерения и кодирования цвета, необходимо обращаться к учениям и теориям философов, а также к культурной символике цвета, чтобы лучше понять особенности цветовосприятия человека. Эта необходимость продиктована тем, что цвет – не просто физическое явление, которое можно измерить приборами. Он оказывает также сильное психологическое воздействие. То есть природа восприятия цвета человеком носит дуальный характер.

Развития науки о цвете продолжается и в настоящее время. Обусловлено это в частности тем, что 80 процентов информации воспринимается при помощи зрения. И цвет в этом играет немаловажную роль. С древних человечество стремилось познать природу цвета, сначала философски осмысливая его явление, затем перейдя к точному физическому измерению.

1. Рождение теории цвета и ее разработка со времен античности до начала XIX в. На протяжении истории цивилизации ученые и художники занимались вопросами исследования цвета. Древнегреческий философ Аристотель представлял свет как «актуально прозрачное» состояние всех тел. Он полагал, что все цвета находятся в спектре между светом и тьмой и происходят от основных элементов в разных пропорциях: огня, земли, воздуха и воды [2].

Несмотря на ошибочность своей теории, Аристотель в своем трактате «О свете» выявил ряд важных исследований. Открытие, что темнота не является цветом, а есть отсутствие света, позволило последователям развивать теорию цвета в верном направлении.

С развитием оптики в XVII в. меняется подход к определению цвета. Это связано с опытом ученого Исаака Ньютона по разложению видимого цвета через стеклянную призму. Полученный порядок цветов назвали спектром, в который входят красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый цвета. Кроме того, было установлено и обратное: при оптическом смешении всех этих цветов можно получить белый цвет. Ньютон предложил круг, в котором цветные неравные секторы были соединены в необходимой пропорции. При его вращении получался практически чистый белый цвет. Это были первые цветовые модели и первая попытка выразить цвет через численные характеристики и формулы.

Опыты И. Ньютона по разложению белого света на его цветные составляющие использовал немецкий поэт и ученый Иоганн Вольфганг Гёте в своей книге «Учение о цвете» (1810 г.). Гете предложил замкнуть выявленный Ньютоном линейный спектр в цветовой круг, исключив из него голубой цвет (ученый полагал, что голубой это разбеленный синий цвет). Гёте выделил 3 основных цвета: красный (пурпурный), желтый и синий, из которых могут быть получены все остальные, и 3 составных (оранжевый, зеленый, фиолетовый). Цвета, находящиеся в цветовом круге напротив друг друга, составляют гармоничную пару. Эта модель впоследствии стала самой известной из-за ее наглядности и удобства (рис. 1).

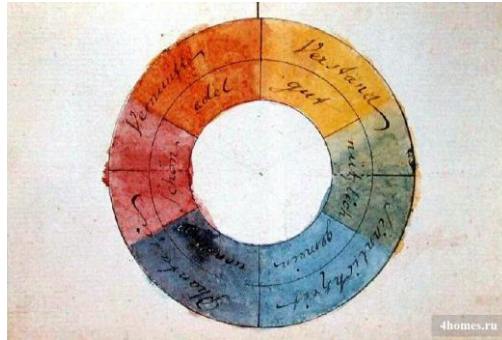

Рис. 1. Цветовой круг Гёте [7]

Главное отличие теории Гёте от выводов Ньютона состоит в том, что он делал акцент на чувственном восприятии цвета человеком, опираясь не только на научные опыты и формулы, но и на ряд экспериментов, в которых изучал реакцию глаза на определенные цвета. Кроме того, он считал, что чем интеллектуальнее и просвещеннее человек, тем больше он предпочитает сложные нюансные цвета. Люди же более примитивные выбирают яркие цвета. Таким образом, теория цвета в представлении Гете становится более человекоориентированной и дает начало синтезу естественных наук и искусства.

Развитие различных взглядов на природу цветовых ощущений привело к тому, что теория цвета разделилась на две области знания. Первая: художественная теория цвета, основанная на восприятии цветовой композиции на плоскости и в пространстве. Вторая: научная теория цвета, описывающая природу цвета с помощью сложных, но точных цветовых моделей [3].

2. Теория цвета в представлении ученых XIX – начала XX вв. Британский ученый Томас Юнг продолжает изучение природы цвета в заданном Гёте направлении – он исследовал способность человеческого глаза различать оттенки. В 1801 г. Юнг прочитал в Королевском обществе доклад «Теория света и цветов», в котором сообщил результаты проведенных им экспериментов, показавших, что глаз человека способен различать 150–170 цветовых оттенков. Кроме того, он ввел представление о том, что каждая чувствительная точка глаза не может содержать бесконечное число частиц, способных резонировать с каждой возможной падающей волной, поэтому ограничил число этих частиц и выделил в качестве основных цветов красный, желтый и синий. Ученый считал, что каждая частица может колебаться менее или более сильно под действием волн, «отличающихся от точного унисона», и что каждое чувствительное волокно нерва может состоять из трех частей, воспринимающих «свой» главный цвет [1, с. 56].

Идею о трехкомпонентном зрении поддерживал британский физик и математик Джеймс Клерк Максвелл, проводивший ряд экспериментов, позволивших достаточно точно предсказывать получившиеся в результате смешения цвета и получать их количественные характеристики.

Исследования ученого основывались на открытии Юнга, который уже заметил, что для воспроизведения всех оттенков нужно не более 3-х цветов спектра. Опыты Максвелла также показали, что белый цвет не может быть получен смешением синего, красного и желтого, как полагал Томас Юнг и некоторые другие ученые. Основными цветами являются красный, зеленый и синий.

Ученый представил первую двумерную цветовую систему названную треугольником Максвелла, в вершинах которого находились основные цвета – красный, зеленый и синий (рис. 2).

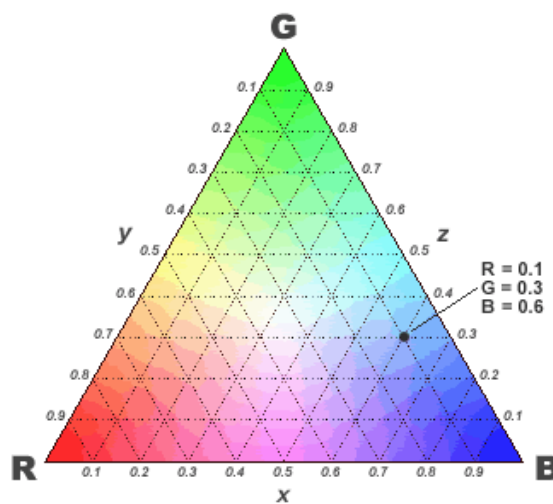

Рис. 2. Цветовой треугольник Максвелла [7]

Все возможные комбинации любых двух цветов будут лежать на линии, связывающей их соответствующие положения внутри треугольника. В своих экспериментах по смешиванию цветов Максвелл сумел продемонстрировать, что семицветный круг Ньютона с белым цветом в его середине удовлетворил требованиям трихроматической теории, поскольку он равнозначен модели, в которой выделена точка для каждого цвета внутри трехмерного пространства. Введя экспериментальные результаты в свой треугольник, он установил точку для белого цвета (на пересечении медиан). С помощью этой точки Максвелл смог выделить три вариации, похожие на вариации у Гельмгольца, которые характеризуют цвет: оттенок (на основе серого), светлый тон (на основе белого) и темный тон (на основе черного).

Главное достижение цветовой модели Максвелла состоит в том, что геометрическое отношение и расположение цветов в его треугольнике имело точное значение, базируемое на психофизических измерениях. Однако цветовой треугольник имеет ограничение: поскольку его значение основаны на сравнениях пигментов, то спектральные цвета являются более интенсивными. Так, местоположение спектрального желтого цвета лежит не на линии, соединяющей красную и зеленую вершины, а вне треугольника. Это означает, что если нужно вписать в модель все спектральные цвета, то треугольник следует расширить или реконструировать [4].

3. Появление объемных цветовых моделей. Развитие цветовой теории привело к созданию не только плоскостных, но и трехмерных цветовых моделей. Ученые, занимающиеся этим вопросом, предлагали разнообразные трактовки объемных цветовых моделей. В нашей статье мы хотели бы остановиться на наиболее характерных из них.

В основном, плоскостная либо объемная цветовая модель является разработанным вариантом цветового круга и имеет целью охватить и упорядочить максимальный цветовой диапазон. Каждый ученый, создавая свою цветовую модель, стремился исправить в ней недостатки предыдущих цветовых моделей.

Одной из самых известных объемных цветовых моделей является цветное дерево американского художника Альберта Генри Манселла (рис. 3). В данном цветовом пространстве каждый цвет описывается с помощью трех чисел – цветового тона, значения (светлоты) и хромы (насыщенности) [6]. Важно то, что при создании модели Манселл руководствовался не только показаниями фотометра, но и собственным чувственным восприятием, на глаз корректируя положение каждого цвета так, чтобы разница между каждой парой соседних цветов была одинаковой. В результате чего получилось объемное тело неправильной формы. Развил модель Манселла немецкий ученый Вильгельм Фридрих Оствальд. Он ставил своей целью гармонизировать цветовые отношения и выяснить, почему одни сочетания цветов выглядят приятными (гармоничными), а другие нет. Оствальд руководствовался идеей, что гармония создается посредством цветового порядка. Им был предложен двойной конус, который вытягивался из цветового круга (рис. 4).

Оствальд ввел вместо трех параметров группу переменных: содержание цвета, содержание черного и содержание белого. Также он ввел термин «целый цвет», не содержащий примесей белого и черного. Такие цвета являются идеальными и не могут быть воспроизведены с помощью пигментов. Как и цветное дерево Манселла, двойной конус был моделью, основанной на восприятии, а не только с помощью эмпирических методов [5].

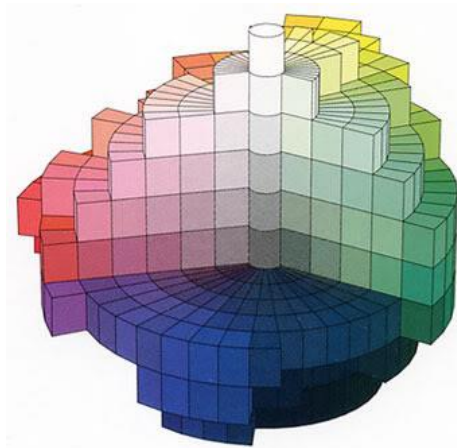

Рис. 3. Цветное дерево Манселла [7]

Рис. 4. Цветовая модель Оствальда [7]

Выводы. Обратившись к истории развития теории цвета, мы убедились, что колориметрия опирается, прежде всего, на психофизиологическое восприятие цвета человеком. Данный подход к изучению природы цвета был воплощен в цветовом круге Гёте и был развит впоследствии в различных цветовых моделях. Предлагаемое разнообразие цифровых цветовых моделей находит в свое воплощение в способах передачи изображения на печатных и цифровых носителях. При переносе изображения с цифрового носителя на бумагу происходит переход от субтрактивного смешивания к аддитивному. Для того чтобы цвета максимально сохраняли свой исходный вид при различных способах смешивания, цветовые модели и системы постоянно корректируются и совершенствуются.

Процесс развития цветовой теории не прекращается и в настоящее время. Этому способствует развитие цифровых носителей, существенно расширяющих возможности цветопередачи.

Список литературы

1. *Медведев Б.А., Кудряшова А.А.* Развитие представлений о природе зрения от Леонардо да Винчи до Томаса Юнга / Б.А. Медведев, А.А. Кудряшова // *Известия Саратовского университета.* – 2008. – Том 8. Серия: Физика. – Вып. 2. – С. 50–58.
2. *Месяц С.В.* Аристотель о природе цвета // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* – 2013. – № 1. – Том 2. – С. 28–39.
3. *Природа цвета и цвета природы* [Электронный ресурс]. – URL: <http://natural-colours.livejournal.com>
5. *Цветовые системы. История вопроса (часть 19)* [Электронный ресурс]. – URL: <https://natural-colours.livejournal.com/23692.html>
6. *Цветовые системы. История вопроса (часть 29)* [Электронный ресурс]. – URL: <https://natural-colours.livejournal.com/26840.html>

Список источников

7. Кошеутова О.Л. Личный архив.

Козлов Г.В.
 archifutura@ya.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.01:72.017:004.9
 ББК: 85.11в7:32.81

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ МНОГОФАКТОРНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ АРХИТЕКТониКИ С ПОМОЩЬЮ ОКУЛОГРАФИИ

Аннотация. Рассматриваются результаты изучения архитектурного синтеза и его основных категорий, полученные методами окулографии, а также способы анализа данных: визуальный, корреляционный, факторный. Указаны значимые для архитектурной теории результаты экспериментов, связанные с системообразующими свойствами архитектоники. Приведены новые результаты расчетов архитектурных характеристик многофакторным анализом, указывающие на постнеклассическую субординацию основных категорий архитектурного синтеза, дающих визуализацию архитектурного основания.

Ключевые слова: теория архитектуры, многофакторный анализ, архитектоника, окулография.

Введение. В рамках современных исследований в области теории архитектуры существует необходимость получения новых научных знаний о малоизученном предмете – феномене архитектоники. Архитектоника рассматривалась уже в работах И. Канта [1]. В области архитектуры феномен стал известен вначале как «тектоника» в архитектуроведении благодаря К. Бэттихеру [2]. Тектоника, по определению А.И. Некрасова, – это «образ действующих сил» [3]. Производится новый анализ архитектурного синтеза, в котором данное определение возможно понимать с двух противоположных сторон [4; 5]. С рациональной стороны силы понимаются как рациональное физическое явление. С чувственной – как существующие в представлении человека и как чувственный физиологический феномен. Возникает затруднение целостного научного освоения феномена архитектоники. Архитектоника в рамках данной парадигмы рассматривается как феномен целостного понимания произведений архитектуры, изучение которого требует специальных методов, которые в настоящее время реализуются с помощью компьютерных технологий (рис. 1).

Объект (область изучения) – архитектурное формообразование. Предмет – феномен архитектоники – «образ действующих сил» (определение А.И. Некрасова) [3]. Новизна работы состоит в том, что до сих пор методы окулографии и миографии были ограничены частными случаями (А.Л. Ярбус) и из-за технической сложности их реализации не могли успешно применяться в архитектурных исследованиях классического (феноменологического) типа. Актуальность исследования определяется тем, что сформирован научно-теоретический заказ (база исследования) на изучение феномена архитектоники и с появлением специальных компьютерных средств возникают новые возможности его реализации.

Практический смысл исследования данного феномена состоит в разработке новых соответствующих компьютерных технологий и методик архитектурного формообразования.

Проблема исследования: с одной стороны, существует конструктивный подход, с другой – композиционный (деконструктивный). Следовательно, предмет

(рассматриваемый феномен) может трактоваться двояко, возникает проблема так называемого архитектурного синтеза (рис. 1).

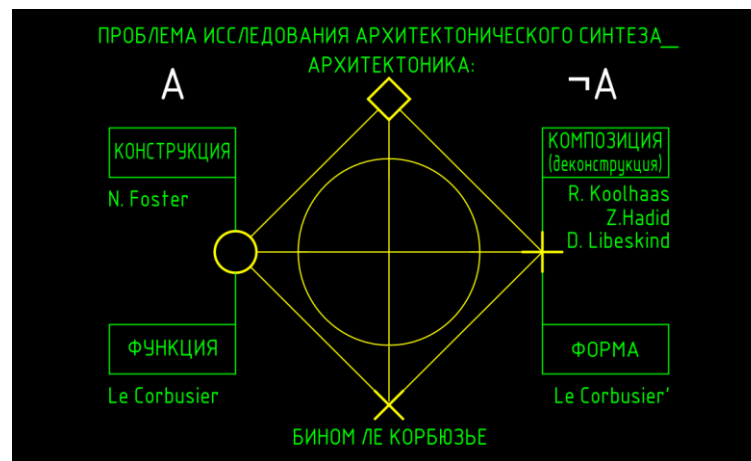

Рис. 1. Проблема архитектурного синтеза. Автор: Г.В. Козлов

Гипотеза исследования (феноменологическая): существует объект, отвечающий за организацию феномена архитектурного синтеза.

Цель исследования – выявление параметров организации архитектурного синтеза.

Задачи исследования:

1. С помощью современных технических устройств, с опорой на теоретические описания записать процесс отражения объекта феномена.
2. Обработать полученные данные.
3. Установить системообразующие факторы организации объекта архитектурного синтеза.

Для исследования феномена были применены современные технические средства и первые результаты, полученные нами с помощью новых технологий, опубликованы [5].

Методика изучения феномена архитектуры недостаточно разработана и имеет определенные затруднения (в частности, предполагает работу в области гносеологической проблематики), которые заключаются в сложности объяснения физиологической стороны феномена. В общем случае в рассматриваемом исследовании методика близка к феноменологии, теории когнитивной психологии, психофизики (не бихевиористская, признающая мышление) и, в частности, информациональным методам научной психологии (закон Вебера-Фехнера).

Ближайшая область научной психологии, где можно отыскать аналог схемы разрабатываемой архитектурной методики, – объектно-ориентированная информациональная психофизика (Г. Фехнер). В методе Г. Фехнера производится формализация взаимодействия исследуемых объектов (обладающих полнотой, включая формальные признаки) и соответствующих им феноменов (как содержания сознания: мышления и восприятия). Методом системной интроспекции (В. Вундт) и с опорой понятие «предметности мышления», на основе научно-исследовательской базы, накопленной в архитектурной теории феноменологического типа, записываются исходные функции (F) как дискретные по наличию свойств предметов, изображенных в предъявляемом изображении объекта. На основе данных окуло-

графии записывается функция реакций (R). Окулография – это компьютерный метод записи траектории взгляда человека. С помощью окулографии возможно отследить, куда, на какую точку объекта посмотрел человек, участник эксперимента. В качестве психофизического оператора используется, в частности, матрица корреляции.

На данной основе разрабатывается специальный подход и схема эксперимента (рис. 2), описание которой приводится в [5].

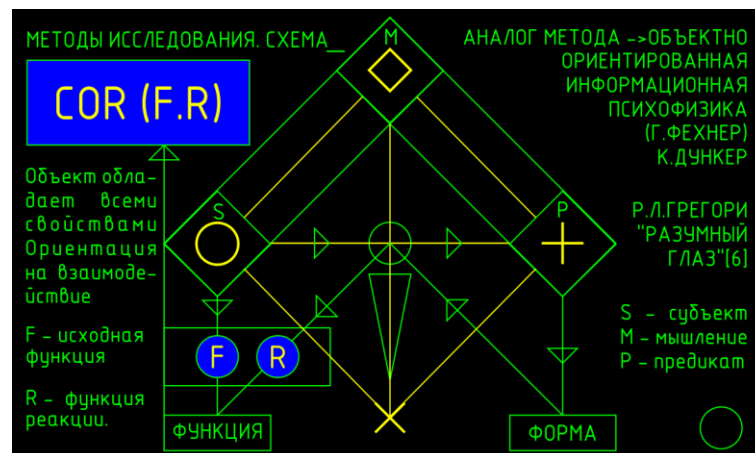

Рис. 2. Методика исследования феномена. Автор: Г.В. Козлов [4]

Особый интерес для исследований архитектоники в рамках методов психологии, совместимых с методиками архитектурной теории, представляют труды Р. Арнхейма [6] и Р.Л. Грегори [7].

Наиболее обстоятельная попытка создать объективную теорию архитектурной композиции, в том числе архитектоники, на основе вычислений по формулам (формализация) была осуществлена Г.Г. Азгальдовым [8].

Результаты. С помощью собственных программных комплексов автор провел эксперимент, в котором приняли участие более 50 человек различного возраста и групп профессий. Таким образом, один человек в исследовании составляет менее 2 % от общего числа участников. Исследована группа специалистов-конструкторов и студентов учащих на данную специальность, в которой всего 19 человек, из них 10 мужчин и 9 женщин. Исследована группа специалистов и студентов-архитекторов, в которой всего 21 человек, из них 11 мужчин и 10 женщин. Остальные участники не являются ни архитекторами, ни конструкторами, но их результаты учитываются в общем случае. Для проведения экспериментов автором статьи была разработана специальная управляющая программа, объединяющая все программные комплексы исследования. Эксперименты проводились на базе различных архитектурных проектных мастерских и образовательных учреждений Новосибирска – в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ), Новосибирском государственном архитектурно-строительном университете (Сибстрин) [5].

Визуальный анализ. Схема зрительного восприятия, по сути дела, является визуальным определением, и вот по какой причине: на зрительных картах в первую очередь наблюдается не то, как человек оценивает границу формы или сами предметы, а то, в каких отношениях находятся формы и предметы на изоб-

ражении, их взаимосвязь, – наблюдается структура логического рассуждения. Эта структура последовательно, от точки к точке, указывает на то, каким способом строится визуальное определение конкретного изображения, артикуляцию. Можно выделить два случая конструкции визуального определения в зависимости от типа аттракторов (элементов притяжения): по функции (содержанию) и по форме (рис. 3).

Рис. 3. Визуальный анализ. Артикуляция

Корреляционный анализ. В данном эксперименте в качестве результатов эксперимента вычислены показатели так называемой корреляции Спирмена между различными переменными, рассчитанными из полученных данных, где r – уровень значимости. Корреляционная матрица по методу Спирмена рассчитывалась в используемой в эксперименте программе Statistic. Получены две базовые архитектурные модели [5] – тектоническая и атектоническая, отвечающие за композицию в архитектурном формообразовании (рис. 4).

Многофакторный анализ. Проведен новый факторный (многофакторный) анализ полученных данных, которые указывают на существование по крайней мере двух факторов, связь между которыми характеризует архитектурную систему, подразумевающую четыре основные группы категорий (функций), образующих полюса (рис. 5): устойчивость ($e=0$) и неустойчивость ($e<0$), по аналогии с моделью Г.Ю. Айзенка, и поверхность (экстраверсия) и основание (интроверсия), по аналогии с моделями К.Г. Юнга и Ж. Делеза. Важно отметить, что архитекторы более склонны к восприятию визуальных эксцентриситетов.

Обнаружена зависимость от визуальных эксцентриситетов, «которые характеризуются смещением визуальной массы от вертикальной линии ее опоры на основание либо визуальным наклоном несущей конструкции». Существует логика эксцентриситетов [5].

Рис. 4. Корреляционный анализ. Базовые модели. Автор: Г.В. Козлов [5]

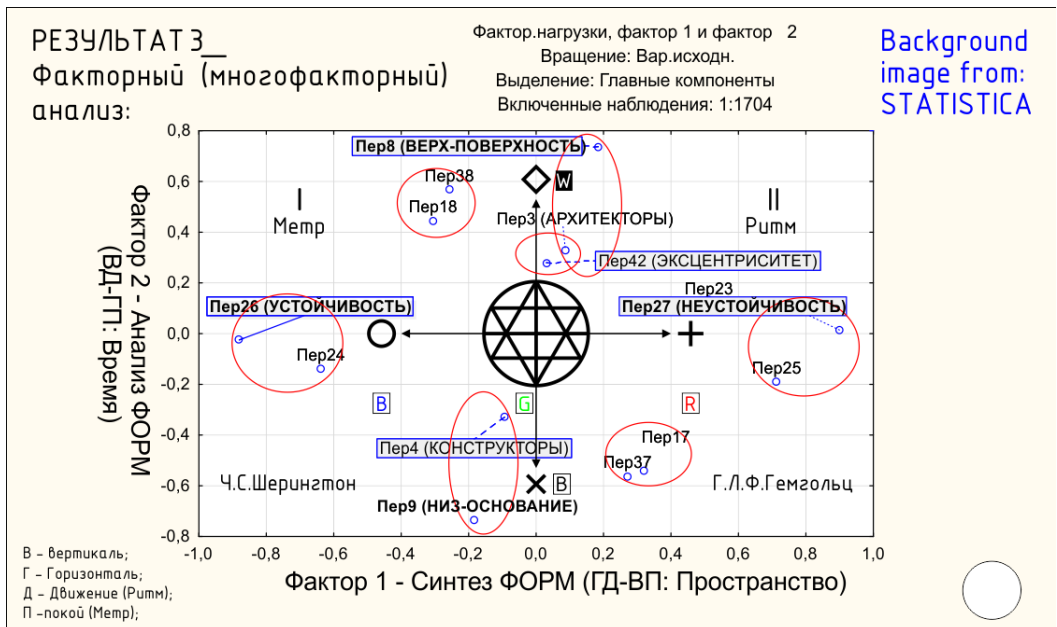

Рис. 5. Общая архитектурная модель, полученная методом многофакторного анализа. Автор: Г.В. Козлов

Данную архитектурную модель можно считать постнеклассической, поскольку она показывает взаимное отображение классической дискретной и неклассической континуальной систем организации основных категорий архитектурного синтеза.

Выводы. Изученный нами материал позволяет сделать следующие выводы:

1. С помощью методов окулографии (по окуломоторным признакам) и миографии (кинестетическим признакам) возможно получение объективных данных

(со значимой степенью достоверности), указывающих на архитектурную организацию восприятия (архитектонический синтез) архитектурных произведений.

2. Благодаря полученным моделям могут выстраиваться параметры организации феномена архитектурного синтеза (в частности, на основе матрицы корреляций и факторного анализа).

3. Благодаря моделям можно утверждать, что существует дихотомия (предельная дизъюнкция) факторов между пониманием формы архитектурных произведений среди конструкторов и архитекторов.

3. В целом подтверждается опыт, согласующийся с научной психологией, и что еще важнее в данном случае, подтверждается опыт классических отечественных феноменологических трудов по теории архитектуры, в частности А.И. Некрасова [3], В.А. Опарина [9], и зарубежных – S.R. Palmquist's [10].

5. Установлены характеристики объекта архитектурного синтеза. Существует принципиальная возможность визуализации основания или содержания архитектурного синтеза, определяющая такую возможность в логике эксцентриситетов, образуя крест в круге.

Таким образом, реализация данных компьютерных методов в области архитектуры позволит изучать различные объективные и теоретически значимые особенности архитектурной композиции и процесса формообразования. Данные будут полезны для научного обоснования категории архитектуры как системообразующей категории. Получаемые данные являются объективными и могут быть использованы в практике и индивидуальном проектировании. Одним из направлений развития данного исследования может стать реализация формальных методов автоматизированного проектирования как вспомогательного средства архитектурного проектирования.

Библиографический список

1. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. Т. 2. Критика чистого разума в 2 ч. Ч. 1. – М.: Наука, 2006. – 1081 с.
2. Botticher K. Die Tektonik der Hellenen. Bd. I. – Potsdam, 1844.
3. Некрасов А.И. Теория архитектуры. – М.: Стройиздат, 1994. – 480 с.
4. Радзюкевич А.В., Козлов Г.В. Виртуальное моделирование физических процессов как новый инструментарий архитектурного формообразования [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2012. – № 4 (21). – URL: <http://marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/radzjukevich/abstract.php>.
5. Козлов Г.В. Выявление объективного подхода к изучению композиционной стороны архитектуры методами окулографии и миографии [Электронный ресурс] // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2018. – № 1 (42). – URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/1kvart18/24_kozlov/index.php
6. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974. – 392 с.
7. Грегори Р.Л. Разумный глаз. – М.: Мир, 1972. – 216 с.
8. Азгальдов Г.Г. Численная мера и проблема красоты в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1978. – 92 с.
9. Опарин В.А. Эволюция тектонико-композиционных принципов в процессе стилеобразования в архитектуре XX века: автореф. дис. ... канд. архитектуры (18.00.01) / Урал. гос. архит.-худ. акад. – Новосибирск, 2000. – 26 с.
10. Palmquist St.R. The Architectonic Form of Kant's copernican logic // *Metaphilosophy*. – 1986. – Vol. 17. – № 9.

Крашенинников В.В.

vkrash48@mail.ru

НГПУ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 308+378

ББК: 30.2

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В работе рассмотрены понятие и роль социальной коммуникации в проектной деятельности. Приведен анализ этапов деятельности, в которых социальная коммуникация имеет существенное значение. Показаны место и применение социальной коммуникации в проектировании. Отмечено, что в проектной деятельности имеет место усиление процессов интеграции межличностных социальных связей, что обуславливает появление проблем общения на социальном и профессиональном уровнях. Изучение вопросов социальной коммуникации представляет собой процесс, облегчающий понимание современной общественной жизни и формирования межличностных и профессиональных отношений.

Ключевые слова: социальная коммуникация, проектная деятельность, межличностные отношения, профессиональные отношения.

Введение. Современные объекты проектирования, как правило, представляют собой сложные комплексы с большим количеством связанных между собой систем и элементов. Объект проектирования характеризуется его взаимосвязью с внешней средой в определенном окружении и его жизнедеятельностью. Необходимо отметить, что объект познания существует вне зависимости от нашего представления о нем, объект проектирования не существует. Поэтому основное отличие проектирования от познания состоит в необходимости составления описания несуществующего объекта. Развитие философии, логики способствовало появлению современного стиля мышления – системного кибернетического, что и относится к проектированию в полной мере или мышлению более высокого порядка.

Развитие проектной деятельности характеризуется созданием основных метапроцедур проектирования: преобразование и отображение модели объекта, принятие решения. Если методы преобразования и отображения модели объекта разработаны достаточно подробно, то в развитии методов выполнения метапроцедур принятия решений еще нет полной ясности и устоявшихся алгоритмов. Управление проектированием является составной частью менеджмента, и здесь в значительной мере проявляется особенность социальной коммуникации.

В настоящее время существует всеобщая тенденция к увеличению автономии индивида, результатом которой становится растущая конкуренция, часто жесткая и грубая (а как хотелось, чтобы она была благородной!). Поэтому мы можем наблюдать, что и в школах, и в других сферах деятельности исчезает солидарность, а вслед за ней идет изоляция индивида и исчезновение межличностных социальных связей, постепенные процессы дезинтеграции, рост эгоизма и жестокости. Атмосфера ухудшающегося самочувствия всего общества не может не сопровождаться признаками кризиса общения. В то же самое время отмеченные тенденции являются ранним предупреждением, свидетельствующим об острой необходимости овладения азбукой общения, теми человеческими способностями, которые относятся к разряду основных [1; 2].

При рассмотрении проектной деятельности с точки зрения взаимодействия субъектов, участвующих в процессе проектирования, становится очевидным, что существует необходимость общения участников этого процесса на различных стадиях, начиная от замысла и до реализации объекта. С одной стороны, имеется необходимость осуществлять передачу информации в процессе творческой деятельности, с другой – в процессе организации и управления проектами. При этом нужно иметь в виду, что может быть общение субъект–субъект, субъект–машина, машина–машина и другие виды коммуникации, которые сегодня возможны.

В этом смысле социальная коммуникация трактуется в общем как междисциплинарная область, использующая достижения многих наук одновременно. Суть социальной коммуникации состоит в том, чтобы достоверно передать информацию от одного субъекта общения к другому или к группе субъектов коммуникации, достоверно передать смысл сообщения. Поэтому очень важным является применение законов социальной коммуникации в проектной деятельности. Цель данной работы – рассмотреть возможность применения социальной коммуникации на различных стадиях проектной деятельности.

Результаты. Социальная коммуникация в качестве субдисциплины представляет собой идеальное опосредующее звено между общественными науками (педагогика – психология – социология – этика – философия). Изучение социальной коммуникации позволяет расширить знание о человеке, особенно в плане развития его взаимодействия с обществом, которое, в свою очередь, воздействует на человека через различные механизмы (например, образовательные), повышая ценность конкретного индивида. Почти $\frac{3}{4}$ свободного от сна времени человек реализует на общение с другими для решения различных жизненных задач. Есть профессии, в которых способность общаться особенно важна. Например, в образовательной деятельности, где процесс обучения требует умения устанавливать контакты и общаться [4]. Владение механизмами социальной коммуникации позволяет повысить качество педагогической деятельности и, соответственно, эффективность образовательного процесса [5].

Проектирование – процесс коллективного творчества. С точки зрения социальной коммуникации заказчик и исполнитель так должны подготовить свою информацию, чтобы не было возможности неоднозначно представить вариант решения задачи. И здесь очень важна вербальная коммуникация участников обсуждения проекта на стадии принятия решения. Поскольку мыслительные процессы и речевая коммуникация тесно связаны, то иногда именно на стадии обсуждения в процессе произношения фразы появляются новые решения. Это наиболее характерно, когда поиск решения осуществляется методом мозгового штурма. В данном случае социальная коммуникация проявляется наиболее ярко в виде формулирования требований к изложению информации как ведущим обсуждение проблемы, так и участниками обсуждения, создания атмосферы благожелательности (эмпатия) и творчества, когда любые, самые невероятные идеи не отклоняются, а внимательно обсуждаются с учетом различных точек зрения. Естественно, участники такого обсуждения должны владеть основным ядром информации и компетенциями соответствующего уровня [3].

В проектной деятельности на стадии замысла будущего объекта стоит четкая постановка цели – создать тот объект, которого раньше не было. На этом этапе особенно важна социальная коммуникация между коммуникатором и реципиентом (между заказчиком и исполнителем, а в образовательной деятельности,

например, преподавателем и студентом). У заказчика и исполнителя могут быть разные представления об объекте проектирования, следовательно, их необходимо привести к такому состоянию, чтобы участники обмена информацией адекватно воспринимали все тонкости проекта. Следующий шаг в процессе проектирования – принятие решения (каким образом представляется объект проектирования). Предварительное описание объекта представляет исполнитель. Это обратная связь исполнителя с заказчиком (студента с преподавателем). Здесь исполнитель подтверждает владение терминологией и свою способность решить задачу.

На стадии реализации проекта социальная коммуникация должна осуществляться с учетом психологии делового общения. Здесь важно уметь пользоваться общепринятыми обозначениями, условностями и предписаниями технического характера и клише различных формулировок, дающих однозначное представление об изложенных мыслях. Особенность этого этапа заключается в том, что может иметь место как поиск новых вариантов решения задач, так и использование существующих аналогий и методик, которыми тоже необходимо владеть и уметь использовать в проектной деятельности. Большое значение имеет умение находить, анализировать, обрабатывать и обобщать информацию, т.е. правильно выбрать суть сообщения, расставить акценты и приоритеты, соответствующим образом представить результат исследования. Как правило, это позволяет адекватно оценить качество созданного объекта.

Другой аспект, на который следует обратить особое внимание, – это информационно-коммуникационные технологии, которые сейчас широко применяются во всех сферах деятельности. Проблемы здесь растут как снежный ком. Они проявляются и при общении участников процесса, и при поиске информации, использовании компьютерных программ, в научной и проектной деятельности с использованием как электронного документооборота, так и вербального общения. Эти проблемы влияют на соотношение статуса и цели деятельности человека. Если рассматривать образование, то под образованием сегодня понимается не только обучение в рамках образовательных учреждений. Процесс образования имеет место во всех сферах жизнедеятельности. Все общество является образовательной системой, в которой люди готовятся к жизни и полноценно живут ею. На первый план выходят способности человека ориентироваться в окружающей среде и принимать решения в зависимости от сложившейся ситуации.

Следует также выделить гуманитарный аспект социальной коммуникации. Если мы зададим вопрос, чем являются гуманистические атрибуты социальной коммуникации и в чем они выражаются, то получим по крайней мере несколько разных ответов. Этот термин имеет много значений. Определение коммуникации и ее характеристик как отдельной дисциплины невозможно. Это следует из самой природы гуманистического знания. Вместо дефиниции довольно часто представляются многочисленные и метафорические определения. Впрочем, трудно сопротивляться таким гуманистическим целям, как аутентичность, реализация возможностей, существующих в каждом человеке, создание ясных отношений между людьми, расширение собственного сознания или обращение к своим самым потаенным чувствам. В этой ситуации гуманистические свойства коммуникации берут на себя миссию нести помощь тем людям, которые не в состоянии понять ни себя, ни других.

Рассмотрим роль социальной коммуникации на отдельных этапах проектной деятельности, которые представляют собой творческий процесс, включающий последовательные стадии: подготовка – замысел – поиск – реализация.

Стадия подготовки должна обеспечить условия для формирования замысла, и принятия решения для поиска и реализации технического решения объекта разработки. Здесь можно отметить следующие подготовительные процессы: поиск информации и накопление необходимых исходных знаний; анализ информации и предварительная систематизация фактов в рассматриваемой области развития науки и техники; интеллектуально-творческая подготовка личности к изобретательству – изучение отдельных особенностей, связанных с осуществлением научных исследований и расчетов. В этом случае владение законами и методами социальной коммуникации может обеспечить достоверность получаемой информации в приемлемые сроки. Возможны консультации различного уровня, использование поисковых программ. Важно правильно выбрать ключевые слова и термины. Основное внимание необходимо уделить организации социальной коммуникации исполнителя и заказчика с целью установления идентичности представлений об объекте проектирования.

Стадия замысла связана с формулированием научно-технической задачи для разрешения проблемы. На этой стадии необходимо оценить актуальность и принципиальную осуществимость решения. Здесь могут преобладать коммуникации между членами команды исполнителя. Должно быть достигнуто взаимопонимание и единое мнение по предложению для принятия решения. Кроме того, необходимо решить вторую задачу процесса коммуникации – убедить заказчика в способности исполнителя решить поставленную задачу и принять решение по предложенному варианту объекта проектирования.

Стадия поиска определяет пути и план поиска решения задачи, соответствующей замыслу. Социальная коммуникация на стадии поиска приобретает особое значение. Основная задача – обеспечить творческий климат в команде разработчиков, которые уже принимают участие в поиске оптимального решения. Большая роль здесь отводится руководителю проекта, который, как правило, выступает в роли генератора идей и распределителя проектировочных поручений. Процесс коммуникации проявляется при осуществлении всех методов проектной деятельности и особенно методов технического творчества. Естественно, все участники должны в полной мере владеть ядром информации и методами решения соответствующих задач.

Стадия реализации в основном характеризуется передачей информации через различные документы: чертежи, пояснения, расчеты, описания технологических процессов, программы и методики испытаний. Результаты испытаний обсуждаются с заказчиком или его представителями. Предварительно должны быть выверены все предложения по представленному проекту и последующей работе.

Следует отметить, что успех в осуществлении проекта возможен только в том случае, если все участники проектной деятельности способны адекватно действовать в соответствующей области коммуникации. А этому надо учиться.

Возросшая потребность представителей многих направлений деятельности (педагогов, психологов, физиологов, физиков, проектировщиков, технологов и др.) в исследовании механизмов и результатов процесса коммуникации объясняют повышенный интерес исследователей к этой области знаний. Важным является определение детерминант и специфики их проявления и действия при разработке

проектов разной направленности, что позволит организовать проектную деятельность как коммуникативное событие, обеспечивающее наибольшую эффективность процесса проектирования.

Заключение. Современное развитие общества, экономики, техники и технологии диктуют необходимость приобретать каждому из нас новые навыки и способности, позволяющие действовать эффективно. В условиях быстрого развития информационных систем необходимо учитывать и в значительно большей мере сохранять правильные отношения между участниками процесса создания нового.

Успех реализации проекта в значительной степени определяется способностью руководителя распределить работу таким образом, чтобы задействовать ум сотрудников и создать атмосферу их взаимопонимания, доверия и толерантного общения, что позволяет сделать процесс проектирования и проектную деятельность более результативной. В таком случае большое значение имеет то, насколько правильно выстроена коммуникация между партнерами – участниками процесса, а это, в свою очередь, является определяющим при реализации субъект-субъектного подхода в формировании способности к творческой самореализации и эффективной проектной деятельности.

Список литературы

1. *Абрамова М.А., Крашенинников В.В., Подгурецкий Ю.* Факторы формирования коммуникационного пространства в образовании // *Философия образования.* – 2013. – № 3 (48). – С. 5–12.
2. *Абрамова М.А.* Образование и социокультурная адаптация личности // *Педагогическое образование и наука.* – 2011. – № 6. – С. 30–36.
3. *Крашенинников В.В.* Методика проектирования: учеб. пособие для студентов факультета технологии и предпринимательства. – М-во образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Новосиб. гос. пед. ун-т». – Новосибирск: НГПУ, 2012. – 131 с.
4. *Подгурецки Ю., Дюбровска А., Крашенинников В.В.* Социальная коммуникация и ее применение в образовании. – М-во образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Новосиб. гос. пед. ун-т». – Новосибирск: НГПУ, 2012. – 305 с.
5. *Saleem T.A.* Social Communication Networks the Most Powerful Present at the Service of Education // *Journal of Education and Practice.* – 2013. – Vol. 4. – No 21. – P. 24–38.

Кокаревич М.Н.
 kokarevich@mail.ru
 ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК: 72.03
 ББК: 85.11

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК КОНТЕКСТ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье выявлено воздействие социокультурного контекста на архитектурные интенции, специфику субъекта архитектурно-художественного проектирования как единства объективного и субъективного, эмоционального и рационального. Последовательно показано, что единство субъективного и объективного в художественном проектировании уточняется путем рассмотрения художественного проектировочного образа как единства денотативного и коннотативного. Социокультурный контекст задает и специфику процессуальной составляющей архитектурно-художественной деятельности как конструирования или деконструирования.

Ключевые слова: социокультурный контекст, денотация, коннотация, конструирование, деконструирование.

Введение. В современных теориях культуры и архитектуры утверждается образ и культуры в целом, и архитектуры в частности как деятельности, ее результатов, вписанных в определенный социокультурный контекст, связанных единым смысловым полем. В первую очередь смыслы диктуются онтологическими основаниями культуры, ее ценностным, ментальным базисом. Архитектурно-художественное проектирование представляет собой вид деятельности, вписанный в определенный социокультурный контекст. Среди структурных элементов как методологических единиц анализа архитектурно-художественной деятельности выделим субъект деятельности, процессуальную составляющую, т.е. систему действий, предмет деятельности, ее результат. Сказанное выше определяет *цель* исследования – выявление воздействия социокультурного контекста эпохи на специфику субъективности проектировщика, процесса и результата, образа архитектурно-художественного проектирования.

Материалы и методы. Основными методами исследования становятся деятельностный подход, метод историко-культурного анализа, социокультурный подход как методология реконструкции феноменов культуры как феноменов, содержание которых задается ментальным базисом культурных эпох, соответствующим социокультурным контекстом.

Результаты. Субъект деятельности, как нечто лежащее в основании (от лат. Subjectum – «подлежащее»), является носителем не только знаний и навыков, но в значительной степени целей, которые, как регуляторы деятельности, содержат представление о том, что должно быть получено в результате деятельности, ценностей, которые задают смысл, необходимость деятельности, определяют направленность творческих поисков. Субъект художественного проектирования выступает во всей полноте своей субъективности, как носитель мировоззренческих принципов, как личность со своим эмоциональным складом.

Такой субъект, как участник проектировочного процесса, как создатель, demiurge, включен в эти процессы со всей своей эмоциональностью и субъективностью. Он всегда представляет собой единство субъективного и объективного, рационального и эмоционального. Объективным для субъекта художественного

проектирования становится социокультурный контекст эпохи, в которую он вписан, парадигма, существующая в рамках осуществления эстетической деятельности как стиль.

Действительно, для субъекта художественного проектирования социокультурный контекст становится объективирующим фоном творческого процесса в данной сфере. Социокультурный контекст римской эпохи в развитии античной культуры с ее культом практицизма, материальных благ заставляет пересмотреть классический древнегреческий образ прекрасного, главными атрибутами которого являются гармония, пропорция, симметрия. Теперь красота оказывается немислимой без пользы, выступает в ореоле полезности, что приводит к формированию образа красоты не только как гармонии и пропорции, но и как декорума, означающего необходимость соответствия облика здания его функциональному назначению. Соответственно складывается архитектурная среда, главными символами которой становятся удобные виллы, мосты, инженерные сооружения, дороги, бани, канализация, акведуки и т.п.

Средневековью в качестве основного приоритета видится возведение церквей и соборов. Данный приоритет обоснован тем, что главной ценностью эпохи является Бог, а все формы культуры должны утверждать величие Бога. Более того, социокультурный контекст Средневековья формируется принципами догматизма, универсализма, символизма, крайнего дуализма, что предполагает эволюционирование художественно-образной системы римской трехнефной базилики в направлении все большего соответствия храму как символу Царствия Божия. Последнее воплощается в появлении поперечного трансепта, придающего храму форму креста, системы нервюр, которые позволяют потолочное перекрытие трехнефной базилики трансформировать в образ небесного свода, завершением этого процесса становится готика с ее контрфорсами, аркбутанами, обилием витражей. При этом в соответствии с принципом крайнего дуализма, для романских храмов естественным является простая тяжеловесная внешняя оболочка и как полная противоположность – интерьер, формируемый витражами, обилием золота и сияния. Так выстраивается догматика романского, а затем готического стиля.

Единство субъективного и объективного в художественном проектировании уточняется путем рассмотрения художественного проектировочного образа как единства денотативного и коннотативного. В данном случае денотативное обозначает такую объективность, как функциональное назначение сооружения, его отдельных элементов. В частности, денотативное содержание такой части здания, как крыша, заключается в ее предназначении защищать помещение от внешней среды. Однако разнообразие форм крыши, коннотативное содержание художественного образа задается ментальностью культуры и субъективностью автора. Так, купольная система православных храмов коннотирует и субъективность автора, но более всего – аскетизм как ментальную доминанту русской культуры, православную идею жизни как горения, абсолютного служения Богу: «И, наконец, наша отечественная “луковица” воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам... Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и кресту заостряющийся» [2, с. 198].

Социокультурный контекст становится фоном для формирования определенных стилей данной культурной эпохи, которые становятся объективирующим фоном художественно-проектировочной деятельности. Парадигма в методологическом аспекте определяет способы постановки задач и методы их разрешения,

которые являются конкретизациями когнитивных идеалов культурной эпохи. Аналог парадигмы в художественном проектировании – стиль, который также является конкретизацией общих ценностных оснований эпохи, и как система средств создания художественного образа может быть эксплицирован как определенная эстетическая парадигма. Например, как было показано выше, проектировочные, методологические принципы романского стиля формируются как конкретизации ментальных доминант средневековой культуры.

Субъективное для представителя архитектурно-художественного проектирования воплощается, в частности, в системе личностных ценностей, которые также оказываются сформированными в определенном контексте, тем самым оказываются сопряженными с общим социокультурным фоном. Субъект художественного проектирования выступает не просто как единство рационального и эмоционального, но как высшее напряжение эмоционального переживания, как субъект, который, по Ф. Ницше, бесконечно влюблен в свое творение. Когда Гете формулирует основные методологические принципы созидания художественного образа, он отмечает, что переход от общего, т.е. обобщенного типа к особенному, к индивидуальному художественному образу возможен только при условии огромной любви к своему будущему персонажу. Именно эта любовь, глубокое эмоциональное потрясение позволяет наделить обобщенный тип, в частности молодого человека, страдающего от неразделенной любви к замужней женщине, такими чертами, что он становится Вертером, живым, даже более живым и понятным, чем сама реальность. Вертер в глазах современников настолько оказался понятным, живым и близким, его всепоглощающая страсть и нестерпимые мучения были настолько зримы, осязаемы и ощущаемы, что по Германии прокатилась волна самоубийств среди молодых людей, также страдающих от неразделенной любви.

Данный принцип является общим для создания любого художественного образа, не только литературного, но и проектировочного. Только переизбыток эмоциональности приводит к созиданию непреходящих художественных образов, каковыми являются Тадж-Махал, как памятник великой любви Шах-Джахана к своей жене, готика как стиль, в котором аббат Сугерий решил воплотить свою любовь к Богу, любовь, которая заполняла все границы его души. Именно поэтому он решил наиболее полно представить храм как Царствие Божие на Земле, Бога в камне. Именно эта глубочайшее чувство привело к созданию нового архитектурного дискурса, введению новых знаков, новых символов и, как следствие, к конструированию системы контрфорсов и аркбутанов, позволивших расширить внутреннее пространство храма, витражей, преломляющих естественное солнечное освещение и позволяющих заполнить храм неземным светом.

В процессуальном аспекте художественное проектирование – это процесс конструирования, созидания художественного образа, который кладет начало изменениям в искусственной среде, позволяет смоделировать культурную реальность. В рамках художественного проектирования окружающий мир существует как сконструированная в соответствии с системой художественных образов искусственная реальность, которая предопределена социокультурным контекстом эпохи, эстетической парадигмой и всей субъективностью множества авторов. В частности, постмодернистская ментальность с ее принципом максимальной приближенности к человеку, к каждой культуре генерирует множество эстетических парадигм, агрессивно отрицающих предыдущую модернистскую эстетику с ее

элитарностью. Так утверждается дадаизм М. Дюшана, Т. Тзары, деконструктивизм З. Хадид, Р. Кулхааса [1] и других представителей архитектурного проектирования и соответствующая архитектурная среда как новая предметная искусственная реальность.

При этом деконструктивизм как дадаистическая художественно-проектировочная парадигма возникает практически одновременно с дадаистическим разрушением Ж.-Ф. Лиотаром метаповествований, поскольку мир ему представляется и начинает для него существовать как субъективная онтологическая интерпретация, вписанная в определенный социокультурный контекст; с утверждением деконструктивной методологии Ж. Дерридой, Р. Рорти; с аналогичным отрицанием П. Фейерабендом истины как нормы и ценности научного познания, которую он, называя себя дадаистом, объявляет зловредным монстром. Тем самым формируется в постмодернистском социокультурном контексте реальность философской концептуализации аналогичной реальности художественного проектирования, представляющей собой множество сосуществующих философских концептуальных построений, связанных смысловым полем своей культурной эпохи.

Выводы. Методологический анализ архитектурно-художественного проектирования в рамках социокультурного и деятельностного подходов позволяет отметить, что субъект проектирования выступает как единство субъективного и объективного, эмоционального и рационального, как представитель своей эстетической парадигмы и культурно-исторической эпохи; методология данного вида деятельности – это конструирование, реконструирование, деконструирование; предметная реальность для субъекта художественного проектирования, по определению, это – художественная реальность как система художественных образов, ведущая к созданию новой искусственной среды.

Список литературы

1. Кулхаас Р. Нью-Йорк вне себя. – М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна, 2013. – 336 с.
2. Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // *Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.* – М.: Прогресс, 1993. – С. 195–219.

Беляев А.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 75.047
ББК: 85.147

О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ЖИВОПИСИ ПЕЙЗАЖА

Аннотация. В статье на основе анализа произведений известных художников и отчасти собственного многолетнего художественного опыта автора предлагается типология творческих методов в области живописи пейзажа. Отмечается, что только понимание разнообразия этих методов, каждый из которых принадлежит своему времени, позволяет самоопределиться молодому художнику.

Ключевые слова: живопись пейзажа, творческий метод, реализм, авангардизм, фовизм, экспрессионизм.

В современном искусствоведении устоялось мнение о принципиальном разнообразии в построении пространства картины в искусстве Новейшего времени, о том, что «найти... некий единый принцип пространственного мышления (если не всегда соблюдаемый, то хотя бы лежащий в основе главного потока развития) явно невозможно [1, с. 6]. В то же время для продуктивного творчества художник, особенно молодой, должен понимать многообразие и виды творческих подходов. В данной статье ставится задача проанализировать в очень краткой форме разнообразие творческих подходов, которыми пользуются художники для изображения пейзажа. Для наглядности в качестве примеров будут приведены пейзажи наиболее известных русских и зарубежных авторов.

Системный подход характерен не только для творчества художников – это, как принцип, можно отнести к другим видам творческой деятельности: литературе, музыке, театру, кино. На основе специфической методики строится деятельность архитектора и дизайнера. Систему принципов мероприятий, которую использует ученый в своих открытиях (не важно, в какой сфере он трудится) так же можно отнести к творчеству. Можно сказать, что творчество – это совокупность теоретических изысканий и практических опытов, направленных на достижение конкретных результатов.

В этой статье мы не будем касаться философской и социальной надстроек творческого метода, а лишь коснемся методов организации и технологии создания пейзажа.

В разное время художники по-разному подходили к изображению пейзажа; – прежде всего это зависело от социальных отношений, при которых творил пейзажист, направлений в изобразительном искусстве, школы, которую он прошел, а также, в очень большой степени, от характера художника и его пристрастий. Мы обозначили основные методики, которые используют художники в своем творчестве.

Природа – источник вдохновения художника, главный его учитель и основной поставщик всего того, что необходимо для создания произведения. Мастера, работающие в жанре пейзажа, наиболее тесно привязаны к природе, к естественному ходу событий: смене времен года, времени суток, изменениям состояния природы.

Творческий процесс пейзажиста необязательно будет связан с появлением его в творческой мастерской. Этот процесс начинается с того момента, когда он

переступает порог своего дома, и материал, который необходим для его работы, всегда находится перед глазами. Поэтому представители этого жанра являются наиболее результативными, а их активный творческий период – наиболее продолжительным. Все же, при равных условиях нахождения в естественной среде, каждый художник выбирает свой путь для достижения конечного результата.

Путь первый. Художник непосредственно с натуры пишет пейзаж, который по всем требованиям соответствует завершеному художественному произведению. Увидев интересный мотив, он берет кисти, краски, и на холсте передает остроту тех ощущений, которые возникли у него при первоначальном видении натуры.

Причины, которые побуждают написать тот или иной пейзаж, могут быть самыми разными. Прежде всего это цветовые сочетания, которые волнуют больше всего художника-живописца. На втором месте – состояние природы и те процессы, которые он наблюдает в ней: дождь, ветер, гроза, движение облаков, туман и т.д. Может привлечь необычное композиционное решение, увиденное непосредственно в натуре, а также интересная конфигурация элементов, входящих в состав пейзажа: форма скал, необычные кроны деревьев, характер горных склонов, холмов, и мн. др. Непосредственно с натуры были написаны «Май» (1-й вариант), «Март» И.И. Левитана, «Февральская лазурь» И.И. Грабаря, «Мельница» А. Пластова, «Цветущая яблоня» Зверькова.

Таким же образом создавали свои произведения Поленов, Коровин, Ромадин, братья Ткачевы. Из иностранных художников стоит отметить творчество Винсента Ван Гога, Поля Сезанна. Подавляющее большинство произведений созданы Ван Гогом непосредственно с натуры, и они поражают как точным соотношением больших цветowych плоскостей, так и разработкой мелких деталей.

Художникам, писавшим пейзажи с натуры, были свойственны и другие подходы в создании произведений, пользовались они ими тогда, когда в этом была необходимость.

Путь второй. Пейзаж носит «постановочный» характер. Предварительно художник рисует схему или композиционный эскиз, который потом пополняется деталями. Автор располагает их в плоскости картины таким образом, чтобы они как можно точнее нашли свое место согласно замыслу и основной идее произведения. Это отдаленно напоминает то, как режиссер организует постановочную площадку. При создании таких пейзажей-картин основную роль отводят композиционному решению – оно является главным источником выразительности и главным фактором воздействия на зрителей.

Для того чтобы состоялось такое сложное большое произведение, художнику приходится очень много рисовать: с одной стороны, ему приходится делать композиционные зарисовки, с другой – рисунки множественных деталей будущего пейзажа.

Помимо рисунков пишутся этюды, которые можно разделить на две категории. Первая – композиционные живописные этюды, в них решаются проблемы цветового строя будущей картины и согласовываются основные цветовые массы. Вторая – этюды, посвященные отдельным частям пейзажа и деталям; и те и другие пишутся с натуры. В этюдах отрабатывается изобразительный язык, совершенствуются технические приемы, которые, по мнению автора, подходят для реализации замысла уже на основном большом полотне.

По своей методике работа над пейзажами такого рода похожа на создание жанровой картины. Одним из ярких представителей «постановочного» пейзажа является И. Шишкин. Его картины «Рожь», «Корабельная роща», «Утро в сосновом бору» известны всем!

В отличие от пейзажей, написанных с натуры, где в большинстве случаев господствуют эмоции, картина-пейзаж поражает своей эстетикой, идеальным композиционным решением, точно найденными основными цветовыми отношениями, проработкой деталей и совершенным изобразительным языком.

Картины-пейзажи создавал также художник-маринист И. Айвазовский. Его произведения «Девятый вал», «Шторм», «Радуга», написаны по предварительному композиционному эскизу.

Художники, которые создают большие картины-пейзажи обладают большим опытом живописи и рисования с натуры.

Путь третий: совершенствование этюда. Часто бывает так, что этюды, написанные с натуры, дорабатываются или являются основой будущих произведений. В первом случае написанный этюд по истечении некоторого времени дописывается в мастерской в спокойной обстановке. Зачастую в нем уточняются цветовые отношения и прописываются детали. В качестве примера можно привести выполненный таким образом пейзаж Саврасова «Грачи прилетели». Подобных этюдов у вышеуказанного художника много, но на этой работе он остановил свое внимание, наверное благодаря интуиции, и именно с нее начинается история русского пейзажа. Дорабатывали этюды практически все художники – эти произведения отличаются от тех, которые полностью написаны с натуры в условиях пленэра. Опасность доработки заключается в том, что при этом частично утрачиваются качества, присущие пленэрной живописи.

Во втором случае на основе этюда, написанного с натуры, художник создает произведение более высокого уровня. Так из этюда «Весенняя пашня» художника Н.Н. Дубовского вырос великолепный пейзаж эпического плана «Родина», который является одним из лучших в его творчестве.

Еще одним показательным примером такой трансформации является работа И.И. Левитана «Озеро. Русь». Она является более совершенной версией натурального этюда. Нужно обладать определенным чутьем, чтобы в заурядном этюде увидеть полноценную, законченную работу. В окончательном варианте художник изменил площадь картины, увеличив ее, поменял формат и масштаб деталей внутри картины. В настоящее время она воспринимается зрителем как монументальное произведение. Картина «Озеро. Русь» – это образ России. Ее по своему воздействию на зрителя можно сравнить с главными произведениями И.Е. Репина и В.И. Сурикова. Также из этюдов выросли такие произведения Левитана, как «Свежий ветер», «Волга», «Владимирка», «Золотая осень».

Путь четвертый. Видимый художником пейзаж – это только лишь основа для создания художественного произведения. Вследствие чего это происходит и как при этом работают художники? Во-первых: это происходит тогда, когда живописец работает согласно существующему в это время стилю или направлению. Работая с натуры, он сознательно не до конца следует логике цветовых отношений, контрастов, формы, которая существует в реальном пейзаже. Изменяя степень условности пространства, стилизуя компоненты, входящие в состав изображения, художник как бы подгоняет свой пейзаж под общепринятые нормы существующего стиля. Здесь в качестве примера можно использовать «импрессио-

низм» – стиль, в котором, кроме Э. Мане, К. Моне, Н. Писсаро, работали еще очень многие не такие известные художники.

Из российских художников, которые подобным образом строили свою работу, нужно отметить представителей общества «Бубновый валет» – Н. Гончарову, М. Ларионову и др., хотя они решали задачи, подобные тем, что решал А. Матисс, а из «Мира искусства» – К. Петрова-Водкина и П. Кузнецова. Несмотря на различные истоки творчества этих художников и различное отношение к трактовке пространства, натура для них лишь повод для решения своих задач и установок, которые важны именно в этот период творчества.

Использовать реальный пейзаж как средство реализации формальной живописной программы может и художник, обладающий ярко выраженной индивидуальностью. Подтверждением этой версии может служить творчество двух армянских художников – М. Сарьяна и А. Акопяна. Оба художника занимались в основном пейзажем, но каждый из них, по сути, через этот пейзаж раскрывал свой внутренний мир. Картины их носят плоскостной характер, в них просматривается влияние народного творчества, традиций и быта армянского народа. К очень небольшой группе художников, которые использовали пейзаж для написания музыкальных произведений, можно отнести русского художника В. Борисова-Мусатова, литовца М. Чюрлениса и француза Э. Руссо. Для них пейзаж – это прежде всего ритмы цвета, из них складывается произведение, и эти ритмы являются главным его содержанием.

Нами рассмотрены основные творческие методы, на основе которых художники пишут пейзажи. Это не значит, что каждый пользуется только одним из них, все зависит от задач, стоящих перед живописцем, времени, стилей и его особенностей как личности. Несмотря на общие тенденции, каждый автор в различной степени выстраивает свою технологию, в связи с чем является неповторимым.

Начинающие художники должны как можно раньше осознать тот факт, что в творчестве существуют определенные закономерности и принципы, при следовании которым их произведения будут грамотно выстроены, выразительны, а главное – принадлежать своему времени.

Список литературы

1. Якимович А. О построении пространства в современной картине // *Пространство картины*: сб. ст. – М.: Советский художник, 1989. – С. 6–28.

Ушков В.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 75.047
ББК: 85.147

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ НОВОСИБИРСКА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. УШКОВА

Аннотация. В статье анализируется тема пейзажа Новосибирска в творчестве художника В.И. Ушкова. Отмечаются две серии пейзажей, отличающихся по авторской концепции.

Ключевые слова: городской пейзаж, Новосибирск, живописная серия.

Среди тем моего профессионального живописного творчества после окончания Новосибирского архитектурного института (1992 г.) и до настоящего времени особое место занимал городской пейзаж, в том числе пейзаж Новосибирска. Начиная с 1996 г. мои работы этой тематики неоднократно выставлялись на городских, областных и зональных выставках [1, с. 128; 2, с. 44].

Со временем часть из них – холсты размером примерно 60×80 см, такие как «Перекресток» (2008 г.), «Восход» (2008 г.), «Уступи дорогу» (2011 г.), «Часовня» (2010 г.), «Весна» (2011 г.), «Час пик» (2011 г.) и «Зима» (2011 г.) – сложились в серию «Городской альбом», впервые представленную в виде отдельной персональной выставки в 2011 г.

В работах по Новосибирску мне нравится изображать простые улочки, старые дворники, проспекты и парки большого города («Красный проспект», «Центр», «Часовня», «Храм Александра Невского» и т.д.), важное место занимают памятники архитектуры, уникальные ансамбли, которые навсегда останутся в истории Новосибирска и создают лицо города.

Новосибирск – город молодой, даже его центральная часть продолжает постоянно и существенно изменяться. Его образ привлекал многих художников разных поколений. Такие художники, как Н.Д. Грицук, В.А. Касаткин, В.С. Бухаров, М.Г. Казаковцев и др. не просто создали свою обширную серию пейзажей Новосибирска, но и свой уникальный образ этого города.

Сравнивая известные мотивы произведений старших коллег и своих современных работ, интересно наблюдать, как старые постройки, памятники архитектуры вплетаются в современную ткань города и соседствуют с новыми постройками. В этих старых постройках можно считать историю и дух времени, в них чувствуется отношение старых мастеров к деталям и стилю данной эпохи. Эти постройки передают городу индивидуальность и являются визитной карточкой. В работах из серии «Городской альбом» часто изображаются известные, значимые здания Новосибирска в стремительном ритме бешеного потока машин, со щитами реклам, дорожными знаками и другими атрибутами современного города. Город не может стоять на месте, он развивается, и к старым памятникам подступают современные, стилистически другие постройки. Современный город не может существовать без заполненных транспортом и людьми улиц и перекрестков, без современных развязок и наземных переходов, без рекламы и малых форм. Все это придает городу еще большую динамику и современный колорит.

Весна. 50×70 см, к.,м. 2011 г.

Храм Александра Невского. 50×70 см, к.,м.

Городская улица. Советская. 50×70 см, к., м. 2013 г.

Часовня. 42×68 см, к., м. 2012 г.

Пост ГАИ. 50×75 см, к., м. 2013 г.

Перекресток 40×50 см, х., м. 2008 г.

Дворик. 65×50 см, х., м. 2016 г.

Уступи дорогу. 80×100 см, х., м. 2008 г.

Рис. 1. Городской пейзаж Новосибирска. Работы В.И. Ушкова [3]

Продолжая развивать тему городского пейзажа, в том числе Новосибирска, стараясь передать состояние сегодняшнего города и времени, в котором мы живем, я стал отходить от топографической точности. На выставках 2017–2018 гг., в частности на персональной выставке «Весенний призыв» (Городской центр изобразительного искусства), был представлен ряд новых работ, таких как «Рассвет», «Ночной город», «Весна», «Март» и др. В этих работах используется более обобщенный и формальный изобразительный язык, усиливаются роль цвета в создании образа динамичного городского пространства, закладывается общая концепция для новой серии, посвященной пейзажам Новосибирска.

Список литературы

1. *Иванкин В.В.* Красный проспект. Первая Новосибирская межрегиональная художественная выставка: каталог / авт.-сост. В.В. Иванкин. – Новосибирск: НРО ВТОО «Союз художников России», 2017. – 201 с.
2. *Иванкин В.В.* Региональная юбилейная художественная выставка «СИБИРЬ-10»: каталог / авт.-сост. В.В. Иванкин. – Новосибирск: НРО ВТОО «Союз художников России», 2008. – 288 с.

Список источников

3. Ушков В.И. Личный архив.

Зинченко Н.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 746.11
ББК: 85.125

СОВРЕМЕННЫЙ ГОБЕЛЕН В ЧАСТНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Аннотация. В статье анализируется творческий опыт выполнения гобелена для частного интерьера. Отмечается влияние общей для синтеза искусств конца XX – начала XXI в. ориентации на взаимопроникновение пластических искусств, в данном случае через текстильный фактурный рельеф.

Ключевые слова: гобелен, синтез искусств, частный интерьер.

Творческая практика последних лет показала, что современные архитектурные концепции, основанные на свободной планировке, взаимопроникновении внешнего и внутреннего пространства, изменили представления о синтезе пространственно-пластических искусств, причем не только в крупных общественных объектах, но и в частных интерьерах. Так как проблематика пластического искусства в целом не может существовать без соотнесенности с проблематикой других видов творчества, естественно, что в ее русло оказалось вовлеченным также и декоративное искусство, столетиями вынужденное довольствоваться отведенным ему «прикладным» местоположением. Пожалуй, наиболее убедительно акт утверждения декоративным искусством своего равноправия с другими видами художественного творчества был подкреплен процессом интеграции искусств, процессом взаимопроникновения и взаимообогащения не только отдельных жанров, но и видов искусства. Можно сказать, что за последнее время в монументально-декоративном искусстве возникли новые, синтетические жанры, сочетающие черты нескольких традиционных: керамопластика, объемный витраж, кинетическая скульптура.

Эти явления, наблюдаемые уже во второй половине XX в., привели «к метаморфозе гобелена: от классического плоскостного через фактурно-рельефный к самостоятельным текстильным конструкциям, создание которых невозможно без одновременного использования приемов ткачества, живописи, скульптуры. Сегодня художественное явление, по традиции называемое «гобеленом», – сложный синтетический сплав, вобравший в себя черты сразу нескольких жанров и выступающий в бесчисленных ипостасях – от «тканописи» до «текстильной» скульптуры [2, с. 174].

Примером такого рода синтеза декоративно-прикладного искусства и архитектуры в современном частном интерьере является триптих гобелена «Цветущая поляна» (2012 г., художественное решение и выполнение в материале – Н.И. Зинченко). Эскизы и картоны гобелена выполнялись исходя из уже заложенных в проекте пропорций ниш и сложной пластики мебели и архитектурного декора. Основной изобразительной темой стал мотив летнего пейзажа, голубого неба и цветущих трав. При этом в нем нет «зеркальности» передачи, точного следования натуре. Вспоминаются слова великого Пикассо: «Хотел бы я знать, кто хотя бы однажды видел «натуральное» произведение искусства! Натура и искусство – вещи разные, а следовательно, не могут быть одинаковыми... Искусство всегда было искусством и никогда не было природой, начиная с первых художни-

ков-примитивистов, произведения которых столь явно отличаются от природы, и вплоть до тех, кто верил, будто природе надо изображать такой, какая она есть» [1, с. 12]. Все изобразительные элементы композиции заполняют поверхность, создавая своеобразную мозаичную игру линий, пятен, красок, различных текстильных фактур и рельефа, заплетаясь в плоскостную узорную вязь, ритмически стройную и уравновешенную по массам и цвету.

Доказательством высокой эстетической значительности гобелена является то, что каждую вещь можно рассматривать бесконечно долго, находя все новые и новые нюансы и детали, проникаясь ее состоянием, настраиваясь на ту поэтическую волну, которую ведет автор. А разве не в этом таится одна из заповедей искусства – духовно обогащать и возвышать человека, нести ему радость.

Рис. 1. Гобелен «Цветущая поляна». Общий вид, фрагменты.
Автор – художник Н.И. Зинченко. 2012 г. [3]

Список литературы

1. Пикассо П. Сборник статей о творчестве / под ред. А. Владимирского. – М.: Иностранная литература, 1957. – 89 с.
2. Семизорова Л.Б. Особенности ручного ткачества советского периода второй половины XX в. // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология Искусствоведение». – Вып. 18. – 2008. – № 3. – С. 174–179.

Список источников

3. Зинченко Н.И. Личный архив.

Шаталов А.А.
shatalov_iarhi@mail.ru
 ААИ ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия

УДК: 72-013:930.85

ББК: 85.113:63.3(0)3

«КОЭФФИЦИЕНТ КРИВИЗНЫ»: ПИРАМИДА ХЕОПСА И ВНЕШНИЙ КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЦЕНТР КОМПЛЕКСА В ГИЗЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования «коэффициентов кривизны» пирамиды Хеопса и гипотетической окружности, связанной с внешним композиционным центром комплекса пирамид в Гизе, обосновывается их эквивалентность. Методология исследования базируется на ранее обнаруженном автором принципе «модуляции-37» и других модуляциях, реализуемых на основе простых чисел.

Ключевые слова: Гиза, внешний композиционный центр, «коэффициент кривизны», «модуляция-37», размерные структуры, простые числа, пирамиды.

Введение. Сразу необходимо отметить, что понятие «коэффициента кривизны» в данной статье будет несколько отличаться от общепринятого. Этот термин, за неимением более подходящего словосочетания, автор вынужден был применить для отношения длины дуги окружности к стягивающей эту дугу хорде, значимого для целей данного исследования. Поэтому во избежание путаницы этот термин будет даваться в нашем тексте в кавычках, либо взамен него будет применяться аббревиатура КДХ («коэффициент дуга-хорда»).

В нашей прошлогодней статье [8, с. 94–98] мы уже затрагивали вопросы, связанные с предполагаемой кривизной поверхностей пирамиды Хеопса, причем отталкиваясь от результатов относительно недавних (2015 г.) обмеров этой пирамиды, выполненных Дашем [10, с. 11], и обращая при этом внимание на близость размера стороны основания к ассиро-халдейской мере длины *хальва* (230.4 м) [2, с. 405–406].

Однако за истекшее с момента публикации [8, с. 94–98] время у автора появились новые результаты, заставляющие его уточнить свою гипотезу. Речь пойдет о сопоставлении «коэффициента кривизны», возникающего при размерном исследовании пирамиды Хеопса, с тем КДХ, который был выявлен автором при разработке композиционной идеи, основанной на существовании «внешнего» композиционного центра для трех пирамид Гизе. Выявленный автором центр находится довольно далеко от той территории, которую обычно относят к этому комплексу. Разработка нашего внешнего композиционного центра достаточно подробно изложена автором в статье «*Метрическая система и внешний композиционный центр плана Мемфисского некрополя*», сданной недавно в печать в научный сборник издательства ИУБИП-«Приоритет» (Ростов-на-Дону). Поэтому здесь мы не будем останавливаться на всех подробностях этого исследования, а лишь укажем, что речь идет о центре окружности диаметром 4699 м, что равно 37×127 м (оба сомножителя – простые).

Забегая несколько вперед, скажем, что полученные результаты заставляют автора отдать предпочтение тем обмерным данным сторон пирамиды Хеопса, которые приведены в [11, с. 38], а не тем, что приведены в [10, с. 11], поскольку

данные из [11, с. 38] несколько более точно ссылаются на размерные особенности, возникшие в связи с вновь выявленным внешним композиционным центром.

Что же касается самой авторской гипотезы о введении в замысел пирамиды Хеопса криволинейного композиционного сегмента [8, с. 94–98], то она получила дополнительное подтверждение. Тем не менее на данном этапе исследования автор воздерживается от окончательного вывода, был ли данный сегмент действительно реализован в пирамиде, или же он существовал лишь как концептуальный (своего рода «призрачный»), т.е. как повлиявший на окончательный выбор размера стороны основания, но при этом не получивший материального воплощения.

Материалы и методы. Как и в предыдущей статье, материалами исследования послужили прежде всего сведения об исторических линейных мерах, приведенные в [2, с. 405–406], и натурные обмерные исследования пирамиды Хеопса, из источников [10, с. 11] и [11, с. 38], а также результаты авторских аналитических исследований размерных структур, опубликованные ранее [3, с. 9]. Не претерпела принципиальных изменений и оригинальная методология исследования, ориентированная на обнаружение модулированных размерных структур («модуляция-37», «модуляция-47» и др.). На обоснование этой методики имеются ссылки в [8, с. 94–98], и чтобы не повторяться, отсылаем заинтересованного читателя к этому источнику. Существенным подспорьем в выполнении работы послужили графические и вычислительные возможности пакета AutoCAD. Сохранились и цели исследования – уточнение проектных размеров пирамиды Хеопса и дальнейшее совершенствование разрабатываемой методологии.

Результаты. Как уже упоминалось выше, отправной точкой наших построений в данном случае будет окружность диаметром $4699=37 \times 127$ м (центр которой и принимается нами за внешний композиционный центр), соответствующая принципу «модуляция-37». Отметим, что этот размер с высокой точностью дает 185000 «английских» футов по 2,54 см, причем $185=37 \times 5$, т.е. опять-таки связан с принципом М-37. Кроме того, обращает на себя внимание близость 4699 к «круглому» 4700, которое также соответствует другой выявленной нами ранее модуляции, М-47 [6, с. 56–58].

Такая близость и такие модуляции с учетом наших результатов из [8, с. 94–98] естественным образом порождают предположение, что речь может идти о длинах дуги и соответствующей ей хорды. Таким образом, следует найти соответствующую этому сочетанию окружность и проверить ее, согласно нашей методологии, на модуляции на основе исторических линейных мер, прежде всего древнеегипетских и ассиро-вавилонских, а также и связанных с «английской» футодюймовой системой. Что касается ранее введенного нами понятия «коэффициента кривизны» (КДХ), то не составляет особого труда определить, что в данном случае он равен 1.000213 (округлено до 6-го знака).

Окружность, удовлетворяющая условию соответствия хорды 4699 м и дуги 4700 м (рис. 1), имеет диаметр 131539.836 м (округлено до 3-го знака). Этот диаметр с относительной погрешностью менее 0.002 дает спектр крупных древнеегипетских линейных мер на основе М-37. Это *схен* размером 445.2 м, древнеегипетский *стадий* (209.4 м), *хет* (52.35 м, 1 хет = 100 царским локтям-мехам) и, соответственно, также и более мелкие величины этой же системы мер. Кроме того, с относительной погрешностью менее 0.0025 выявлена М-37 на основе ассиро-вавилонской «веревки» *ашлу*, а с относительной погрешностью менее 0.001 проявляются модуляции на основе ассиро-вавилонских чебея (25.6 м) и гара (5.94

м). Из широко известных мер других систем стоит отметить *аттический стадий* (177.6 м) и связанный с ним *плетр* (29.6 м). Размеры всех приведенных здесь величин даются по [2, с. 405–406].

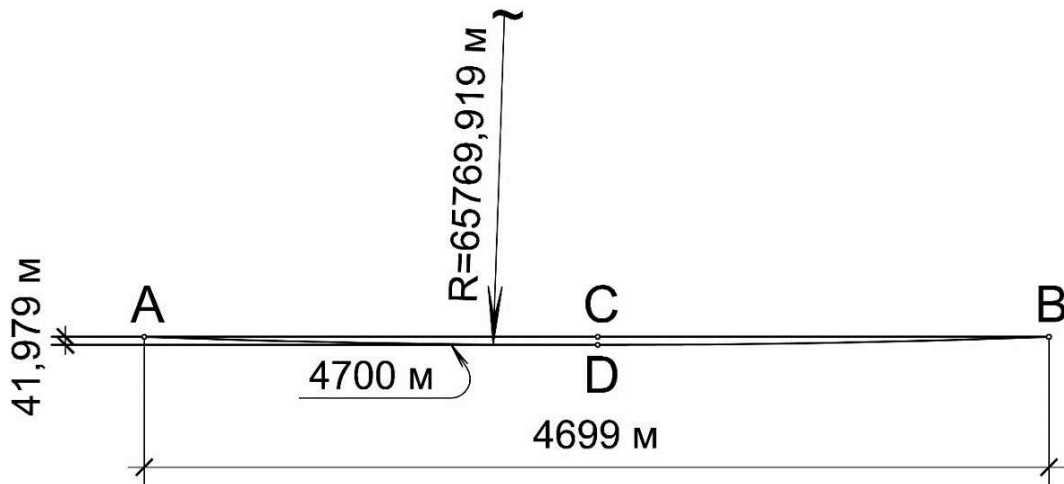

Рис. 1. Сегмент окружности диаметром 131539.836 м и размеры, выявляющие модуляции М-37 и М-47.

Длина хорды АВ равна 4699 м ($4699=37 \times 127$), что эквивалентно 185000 «английских» дюймов ($185=5 \times 37$), длина дуги АВ – 4700 м, высота дуги: 41,979 м, что равно $481=13 \times 37$ древнеегипетских шестов по 0.08725 м. Такую же числовую структуру имеет высота пирамиды Хеопса в «английских» футах. Диаметр и длина окружности выявляют модуляции М-37 и М-47 на основе древнеегипетских и месопотамских линейных мер (см. подробности в основном тексте статьи)

Длина окружности $\text{Ø}131539.836$ м (она составляет 413244.587 м) также на основе древнеегипетских и ассиро-вавилонских мер выявляет другие модуляции – М-47, причем уже более точно, чем в случае с диаметром: с относительной погрешностью менее 0.0003. Это опять *стадий древнеегипетский*, *хет* и *веревка-ашлу*, а также и древнегреческий *плетр* размером 29.6 м. Примерно с такой же точностью проявляется еще один вариант древнегреческого *плетра* – размером 30.856 м ($47 \times 285=13395$ таких *плетров*). Это представляет особый интерес, поскольку, как было показано нами ранее, *плетр* такого размера с высокой точностью соответствует секундной дуге земного меридиана [6, с. 57].

Интересными размерно-модульными свойствами обладает высота дуги (расстояние между серединой дуги и серединой хорды). Она составляет $481=13 \times 37$ древнеегипетских *шестов* по 0.08725 м (1 *шесп* = 1/6 царского меха), относительная погрешность – 0.00028. Здесь, безусловно, достойно упоминания, что, как было выявлено нами раньше, высота пирамиды Хеопса, выраженная в «английских» футах, дает ту же числовую структуру – $481=13 \times 37$.

Достоин упоминания и тот факт, что заданная нами длина дуги (4700 м) с применением двойной М-37 хорошо интерпретируется в «английских» дюймах:

$4700 \text{ м} / (3 \times 37 \times 37 \times 45) = 0.025431$ м, относительная погрешность: 0.00122, при этом 45 – число «Алгоритма Куполов», и к тому же располагается рядом с 37 в той же «строке Юпитера» [4, с. 26–29].

Перейдем теперь к сопоставлению КДХ. Как уже было отмечено выше, дуга 4700 м и хорда 4699 м дают «коэффициент кривизны» 1.000213. Исходя из нашего предположения, изложенного в [7, с. 94–98], на размер стороны основания пира-

миды Хеопса могла повлиять ассиро-халдейская хальва (230.4 м). Отталкиваясь от этой величины и с применением ранее полученного КДХ, получаем:

$$230.4 \text{ м} / 1.000213 = 230.351 \text{ м (округлено до 3-го знака, т.е. до 1 мм).}$$

Осталось сопоставить полученное значение с обмерными данными из [10, с. 11] и [11, с. 38]. В первом случае имеем 230,363 м, во втором – 9068,8 дюймов, или, с учетом того значения имперского дюйма, которое соответствует времени обмерных работ Питри, $9068,8 \times 2,5400438 \text{ см} = 230,348 \text{ м}$ (округлено до 1 мм).

Итак, полученный нами на основе КДХ и ассиро-халдейской хальвы результат ложится в диапазон между средними величинами сторон основания, приводимыми Питри и Дашем. При этом разница с результатом Питри составляет около 3 мм, а с результатом Даша – 12 мм, относительная погрешность равна 0.000013 и 0.000052 соответственно. Отметим, что на расхождение в 15 мм между [10, с. 38] и [9, с. 11] могло оказать влияние тепловое расширение, различное при разных температурах во время обмерных работ, либо деформации, накопленные за время, прошедшее между этими работами (более чем 130 лет).

Окружность, отвечающая нашему КДХ=1.000213 и дуге длиной 230.4 м (1 хальва), будет иметь диаметр 6448.25076 м. С точки зрения разрабатываемой методологии представляет безусловный интерес, что этот размер с высокой точностью (относительная погрешность 0.00004) интерпретируется как 4107 древнеегипетских ксилонив по 1.57 м, причем присутствует двойная «модуляция-37», так как $4107 = 3 \times 37 \times 37$, в древнеегипетской системе 1 ксилон равен 3 царским мехам. Таким образом, из этого диаметра размер меха может быть определен как $6448.25076 / (3 \times 3 \times 37 \times 37) = 6448.25076 / (111 \times 111) = 0.523354 \text{ м}$. Размер ксилонив был принят по источнику [2, с. 405–406].

Особый интерес представляет и длина окружности (20257.777 м), равная $16 \times 29 \times 37 = 17168$ поясам варяга Шимона, по 1.18 м, относительная погрешность – 0.000023, поскольку 29 и 37 – соседние числа «строки Юпитера» [3, с. 26–29]. Размер пояса дается по источнику [1, с. 195–196].

Выводы. На основе сопоставления «коэффициентов кривизны» можно считать доказанным, что на назначение размеров сооружений значительное влияние оказали геометрические структуры типа «хорда-дуга».

Кроме того, полученные в приведенном анализе результаты дают дополнительное подтверждение нашей общей методологической направленности, базирующейся на принципе применения в древних сооружениях укрупненных модульных размеров, связанных с простыми числами (М-29, М-37, М-47 и др.).

По всей видимости, назначаемые таким образом размеры применялись для кодировки естественно-научных знаний, связанных с размерами Земли и Солнечной системы, а также, не исключено, связаны со знаниями о строении вещества, поскольку 29, 37 и 47 совпадают с номерами элементов 1-й группы таблицы Менделеева, и более того, это соседние номера по вертикали столбца.

Список литературы

1. Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 271 с.
2. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. – Т. 9. – Ст. «Метрология историческая». – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 508 с.

3. Шаталов А.А. Алгоритм куполов, матрица аддитивных рядов и пифагоровы треугольники // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2016. – № 07 (91). – Ч. II. – С. 155–159 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26365956>.
4. Шаталов А.А. Методология анализа размерных закономерностей исторических сооружений на основе «модуляции-37» // *Актуальные проблемы современной науки: научный журнал III Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 28–30 апреля 2014 г.)*. Вып. 3. Т. 2. – Ставрополь: СевКавГТИ. – С. 26–29 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21946182>.
5. Шаталов А.А. Некоторые взаимоотношения между историческими линейными мерами, их связь с размерами объектов комплекса пирамид в Гизе и с длиной земного меридиана // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2016. – № 03 (86). – Ч. V. – С. 98–102 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25909754>.
6. Шаталов А.А. Обоснование принципа «тройной модуляции»: длина земного меридиана и размеры крупнейших исторических сооружений // *Актуальные проблемы современной науки: науч. журн. V Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 16–20 февраля 2016 г.)*. – Вып. 5. В 2 т. Т. 1. – Ставрополь, 2016. – С. 56–58 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25549339>.
7. Шаталов А.А. Размерно-структурные исследования пирамиды Хеопса в Гизе на основе методики «модуляции-37» // *Архитектура и искусство в процессе культуры: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.Т. Иевлева*. – Ростов-на-Дону: АИИ ЮФУ, 2014. – С. 234–238.
8. Шаталов А.А. Размерные структуры пирамиды Хеопса и псевдопифагоров треугольник со сторонами 115-1653-1657 // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2017 – №1. – С. 94–98.
9. Шаталов А.А. Человек – архитектура – земной шар: к вопросу о происхождении древних линейных мер // *Актуальные проблемы современной науки: науч. журн. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Алушта, 27–30 апреля 2015 г.)*. – Вып. 4. В 3 т. Т. 1. – Алушта, 2015. – С. 92–96 [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23668290>.
10. Dash G. The Great Pyramid's Footprint: Results from Our 2015 Survey [Электронный ресурс]. – URL: http://dashfoundation.com/downloads/archaeology/as-published/AERAGRAM16_2_GDash.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
11. Petrie W. M. F. The Pyramids and Temples of Gizeh [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ronaldbirdsall.com/gizeh/petrie/> (дата обращения: 29.04.2017).

Чан Жанг Нам
namkts008tm@gmail.com

Национальный университет гражданского строительства,
г. Ханой, Вьетнам

УДК: 711.5
ББК: 85.118

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ ЗОН ХАНОЯ СЕРЕДИНЫ XIX в.

Аннотация. В статье рассмотрены основные функционально-планировочные зоны Ханоя середины XIX в., выявлены характеристики и главные изменения этих зон. Результаты исследования важны для изучения архитектурно-планировочной структуры Ханоя на последующих этапах его развития, особенно в колониальный период.

Ключевые слова: Ханой, середина XIX в., функционально-планировочные зоны, крепость, рынок, Старый квартал, озеро Хоанкьем.

Введение. В течение второй трети XIX в. существенно ослабла связь Ханоя с династией Нгуен, которая постепенно укрепляя свою власть, переключила свое внимание на центральную и южную части страны. Город, привыкший за два предыдущих века к открытой торговле, развитию ремесла и к вниманию государства, почти замер в своем развитии. Но определенные изменения в его пространственно-планировочной структуре все же происходили.

Материалы и методы. Материалы исследования – соответствующие литературные [1–3] и архивные [4–5] источники, картографические материалы и авторские фото. Основными методами решения вынесенной в заглавие статьи проблемы послужили историко-композиционный и сравнительный анализ объемно-планировочной структуры города и обобщение полученных результатов.

Результаты:

А. Зона крепости. В 1803 г. цитадель предыдущей династии была разрушена. В 1805 г. с помощью иностранных фирм построили новую, но размером меньше. Новая цитадель, как и другие в нескольких провинциях, была построена по типу Вобан и имела квадратную форму в плане и разные бастионы (рис. 1.а, б–А).

В центре цитадели, на горе Нунг, находился дворец Кинь-Тхьен. Рядом с ним были еще другие дворцы для императора во время его посещения Ханоя. Напротив дворца находились ворота Доан-Мон – южный парадный вход Кам-Тхань (для императора). Между ними расположен большой императорский двор, где организовывались политические и духовные церемонии. На двух его сторонах разместили помещения для мандаринов. Четыре сооружения с внутренним двором сформировали традиционную архитектурно-пространственную композицию. Подобные в плане, кирпично-каменные ворота Доан-Мон включали в себя три главных и два второстепенных входа. Симметрично этим воротам на той же южной стороне находились еще двое дополнительных ворот для слуг (рис. 2).

В северо-восточной части цитадели были построены губернаторский дворец, дворец Туан-Фу (председатель провинции), дворцы генералов, дворец Ан-Шат (суд) и тюрьма. В западной части цитадели располагались дворец политика Бо-Чань, различные склады и императорское поле Тик-Дьен. На южной стороне строились пагоды, храмы и богослужебные трибуны (алтари). На внешних стенах Хоанг-Тхань были расположены пять главных ворот, в том числе северные ворота Бак-Мон, сохранившиеся до сих пор (рис. 3).

В 1812 г. кирпичная (шестиугольная в плане) башня-флагшток была возведена на трехэтажном «стилобате» перед воротами Доан-Мон (рис. 4).

Б. Зона озера Хоанкьем. Озеро Хоанкьем было связано с легендами и потому знаменито. В XI–XIV вв. оно находилось за внешней крепостной стеной Ла-Тхань и было связано с Красной рекой. С XV в. эту стену перенесли на восток к берегу Красной реки, тогда озеро вошло в территорию города. При династии Ле вокруг озера возникло пять сельских кварталов (к 1885 г. их было уже 15). Позже, при князьях Чинь, вокруг озера сформировался новый центр города.

На карте Ханоя 1873 г. показано, что озеро Хоанкьем связано с другими озерами узкими каналами и массовая застройка окружала его с трех сторон. Между рядами домов было много небольших озер и прудов (рис. 1.а, б–Б).

В ландшафтном пространстве озера Хоанкьем акцентами были два островных сооружения – храм Нгок-Шон и беседка Та-Вонг. В 1886 г. беседку заменили башней по традиционному типу в сочетании с готическими арками (башня получила название «Черепаша»). В начале XIX в. храм Нгок-Шон был заново построен на фундаменте разрушенного дворца Хань-Тхыи и в 1864–1865 гг. был реконструирован писателем Нгуен Ван Шьеу. Храмовый комплекс Нгок-Шон и башня «Черепаша» повысили ценность ландшафта озера Хоанкьем до архитектурно-ландшафтной ценностной категории (рис. 5, 6).

Другие храмы располагались бессистемно, в том числе и группа из трех храмов напротив храма Нгок-Шон. Западнее к озеру недалеко от погоды Бао-Тхьен были построены храм Ле Лой, судостроительная верфь и форт – место тренировки моряков.

Вокруг озера Хоанкьем стояли две больших пагоды: Бао-Ан, была построена в 1842 г. и разрушена в 1892 г. для строительства зданий почты и резиденции (рис. 7); Бао-Тхьен с 12-этажной башней (в конце XIX в. на ее месте построят кафедральный собор). Кроме пагод, были еще три сооружения Динь – Донг-Ха, То-Мок и Там-Ньонг, располагавшиеся на перекрестках в сельских кварталах. К юго-западу от озера находился Чьонг-Тхи (место избрания мандаринов), а к юго-востоку – монетный двор Чанг-Тьен.

Сельские кварталы (кварталы-селения) концентрировались южнее и севернее от озера Хоанкьем – таким было традиционное пространственное расширение на юг, которое начиналось от цитадели и Старого квартала (рыночной зоны). Общественные и культовые здания были построены в основном в южной части приозерной территории, где сельские кварталы были разреженными и прилегали к сельхозугодьям. Пагоды, храмы и «Динь» традиционно располагались рядом с большими дорогами.

Озеро Хоанкьем не только являлось достопримечательностью Ханоя, но также кормило жителей и обеспечивало водой для полива.

В. Зона рынка (Старый квартал «36 улиц»):

- **Становление зоны рынка.** Большой столичный рынок сформировался на востоке цитадели Хоанг-Тхань около речных портов в результате концентрации разных ремесленных корпораций, члены которых только и могли торговать «корпоративной» продукцией в своих магазинах, располагавшихся в их домах. Несколько домов по обе стороны нескольких дорог образовывали фыонг (квартал), который примыкал к тем или иным воротам. Ширина ворот соответствовала ширине улицы. С XI до XIV в. здесь работала 61 ремесленная корпорация, затем их число сократилось до 36. Но существовали и другие рынки, которые также занимали участки около ворот (*рис. 1.а, б–В, рис. 8*). На карте 1831 г., размещенной на крепостной стене цитадели Дай-До в 1749 г., видно, что в город вели 16 ворот. Стена Ла-Тхань дамбой шла вдоль берега Красной реки, поэтому речной рынок и рынок у ворот сливались воедино.

- **Функционально-пространственная структура зоны рынка.** Эта территория имела форму широкого равнобедренного треугольника с основанием 3 км. В начале XIX в. провинциальные мандарины жили в новой цитадели, а не строили себе дворцы и резиденции в обычных кварталах. Поэтому они не захватывали пространство рынка. Наряду с этим ослаб миграционный контроль, в результате чего увеличился приток населения. В 1837 г. около одной трети площади зоны рынка застраивалось для проживания 50 тыс. человек, что потребовало реконструкции планировочной структуры территории, которая расширялась в основном на юго-восток, так как на севере ограничивалась цитаделью и Красной рекой. Улицы были довольно прямыми, их средняя длина составляла 150–180 м. Тротуары выполнялись в виде насыпной полосы по оси улицы. На карте 1873 г. показана озерная система, связанная с городской канализацией.

Улицы Ханг-Чьеу и Ханг-Бо подходили к воротам на берегу. Таким образом сформировалась главная ось «восток-запад», причем улицы Ханг-Дао и Лыонг-Ван-Кан играли роль меридиональной оси. Силуэт старого рынка характеризовался лентой карнизов, созданной традиционным типом «Чонг-Зьем», и силуэтом каждого жилого дома (*рис. 9*). В ранний период дома строились только одноэтажными, причем узкими и длинными. Лишь в XVII в. стали появляться жилые дома с чердаками «Чонг-Зьем» (иногда такие дома называли двухэтажными). Этот тип жилых домов способствовал спасению жителей при наводнении, нередко случавшимися в Ханое. Такие дома возникли как результат сочетания традиционного сельского жилого дома и рыночной лавки. Функциональные блоки (жилые, производственные и подсобные), разделенные внутренними дворами, располагались по одной линии. Со временем участок делился среди членов семьи и для продажи. При этом узкий фасад позволял снижать налог на дом.

Важной частью архитектурно-пространственной структуры зоны рынка являлись, как и в деревнях, культовые здания и сооружения. Каждая корпорация строила себе свой Динь, причем похожий на тот, который был на их родине. Но со временем форма Динь в городе постепенно изменилась, фасад стал более узким (в отличие от Динь деревень). Изменялся и порядок размещения функциональных помещений. Динь часто располагались вперемежку с окружающими зданиями.

Пагоды и храмы тоже изменялись со временем, они могли даже объединяться в одном здании, образуя компактную композицию.

Г. Культурно-просветительная зона. До XIX в. в Тханг-Лонге уже были возведены культурно-просветительные комплексы – самые первые и масштабные в стране (*рис. 1.а, б–Г*). Для литературной области появился комплекс храма Литературы, построенный в 1070 г. на юге города. В этот храмовый комплекс входила и национальная школа Куок-Ты-Жам, в которой сначала учились только принцы и принцессы, но затем стали принимать детей мандаринов и даже детей обывателей. При каждой династии комплекс храма реконструировался, особенно заметно в 1805 г., когда была возведена литературная башня Хюэ-Ван-Как. В 2012 г. башня была объявлена символом Ханоя.

Долгое время местом организации конкурсов выбора мандаринов был Чыонг-Тхи, расположенный возле озера Куанг-Ба. В начале XIX в. Чыонг-Тхи был перенесен на территории юго-восточнее цитадели, недалеко от озера Хоанкьем (ныне Национальная библиотека). Его участок размером 200×150 м был разделен на две зоны – для сдачи экзаменов и для судей (со вспомогательными помещениями) [1] (*рис. 10*).

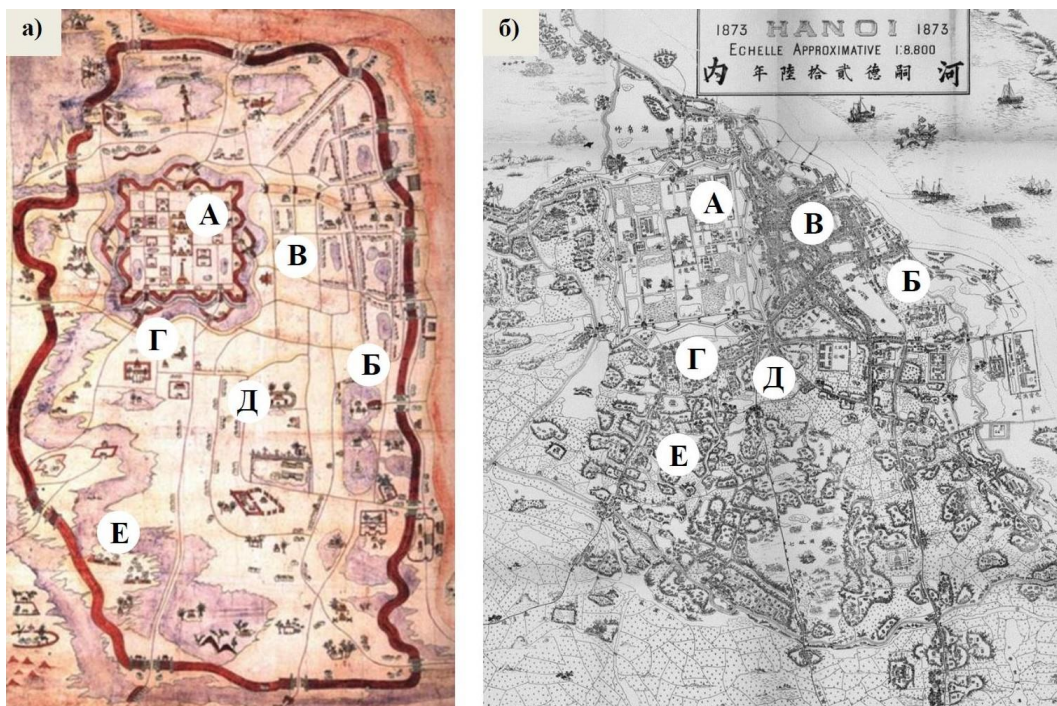
Для подготовки военных бойцов на юго-западе столицы построили боевой комплекс Жанг-Во.

Д. Зоны линейно-транспортных пространств. Транспортным проблемам династия Ли уделяла внимание с того времени, как Тханг-Лонг стал столицей. Его местоположение было очень удобным – в центре дельты Красной реки, что обеспечивало успешную торговлю со многими регионами страны (*рис. 1.а, б–Д и рис. 11*).

Но к середине XIX в. речной торговый путь потерял свое значение. Однако ворота со стороны Красной реки все еще строились (ворота Донг-Ха существуют до настоящего времени). На западной стороне города были сооружены ворота, выходявшие на дороги к провинциям области Шон-Тай, а на южной стороне – трое ворот вели к дорогам в области Шон-Нам. Сформировалась также более или менее регулярная система внутренних дорог.

Дорожная сеть цитадели (Хоанг-Тхань) была организована по прямоугольной системе (*рис. 1.а, б–А*). При этом она учитывала архитектурные доминанты (например, дворец Кинь-Тхьен и башню-флагшток), соответствовала иерархии феодального общества и комфортной связи между зданиями и воротами. А на территории рынка, где наблюдалась самая высокая плотность населения, дорожная сеть была хаотичной, ориентированной лишь на «конечные» точки – ворота цитадели, речные порты, берега рек и озер, хотя конфуцианство требует, чтобы дороги были прямыми и «собранными», как дух благородного человека. На остальных территориях города немало дорог проходило по рисовым полям. Дороги в основном имели кирпичное, редко каменное, покрытие (*рис. 1*).

Е. Поселки Ханоя. Особенностью городов Вьетнама было включение в их состав поселков, так как это было взаимовыгодно, что доказал в своих работах профессор Ле Ван Лан [2; 3]. На планах Ханоя XIX в. видно, что в центре города было много рисовых полей. При этом работали на полях ремесленники, жившие в монофункциональных поселках. Социальная и планировочная структура таких поселков не отличалась от деревень – в их состав также входили Динь, ворота, колодец и сельские деревянные дома. По мнению многих ученых, Ханой середины XIX в. был похож на большую сельскую общину (*рис. 1.а, б–Е и рис. 12*).

Рис. 1. Планы Ханоя XIX в.: а – план 1831 г. [4]; б – план 1873 г. [5]. Условные обозначения:
 А – зона крепости; Б – зона озера Хоанкьем; В – зона рынка (Старый квартал);
 Г – культурно-просветительная зона; Д – зоны линейно-транспортных пространств;
 Е – поселки Ханоя

Рис. 2. Ворота Доан-Мон – южный парадный вход Кам-Тхань

Рис. 3. Ворота Бак-Мон

Рис. 4. Башня-флагинок. Фото 1912 г.

Рис. 5. Территория озера Хоанкьем

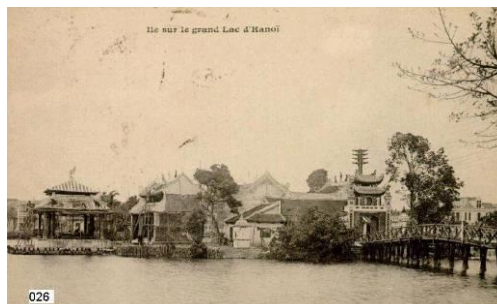

Рис. 6. Храм Нгок-Шон

Рис. 7. Пагода Бао-Ан

Рис. 8. Зона рынка – Старый квартал «36 улиц»

Рис. 9. Вид улицы Старого квартала «36 улиц». Арх. Нгуен Ба Ланг

Рис. 10. Чьонг-Тхи

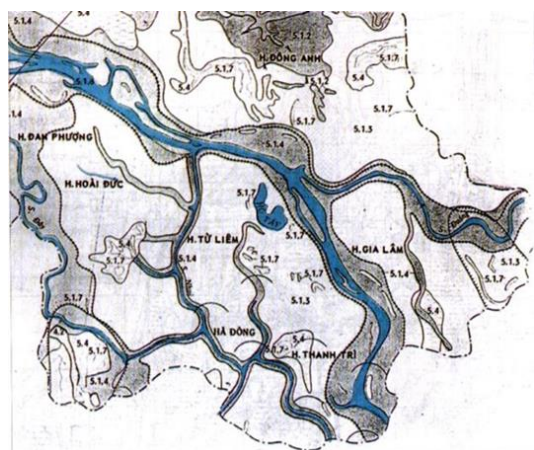

Рис. 11. Речная система Ханоя середины XIX в.

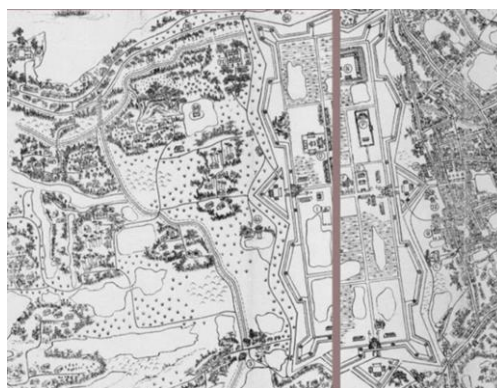

Рис. 12. Контраст двух образцов поселков (налево от цитадели) и Старого квартала «36 улиц» (справа от цитадели)

Выводы. В середине XIX в. функционально-планировочные зоны Ханоя вполне определились и постепенно изменялись в соответствии с новыми политико-экономическими условиями (провинциальный город).

Крепость еще являлась административно-политическим центром феодального государства, но ее размер значительно уменьшился.

Озеро Хоанкьем стало культовой зоной и территорией для расширения города на юг.

В зоне рынка (Старом квартале) плотность населения повысилась, а площадь озер, наоборот, уменьшилась. Торгово-жилые дома традиционного типа с узким фасадом продолжали вытягиваться вглубь своих участков, по мере организации новых функциональных блоков.

Территория культурно-просветительной зоны хотя и не была расширена, но в ней были реконструированы старые здания и сооружения и построены новые.

Принцип организации дорожной сети Ханоя в середине XIX в.: главные дороги ориентировались на ворота крепости, рынок, большие общественные и культовые здания и сооружения.

Список литературы

1. *Andre Masson*. Ha Noi giai doan 1873–1888 / Andre Masson. – Hanoi: Nxb Ha Noi, 2009. – 201 tr.
2. *Le Van Lan*. Do thi co Viet Nam / Le Van Lan. – Hanoi: Nxb Ha Noi, 1989. 381 tr.
3. *Hoang Dao Kinh*. Van hoa kien truc / Hoang Dao Kinh. – Hanoi: Nxb Tri Thuc, 2012. – 468 tr.

Список источников

4. Национальный архив Франции (Париж), №: GeA 395.
5. Архивный центр архитектурного института Франции, №: pinge 33/02.

Блатова О.Ю.
9059849359@mail.ru
НГУАДИ, Новосибирск, Россия

УДК: 726.05

ББК: 85.11

ПЕРВЫЙ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС В БАРНАУЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается новый архивный материал, связанный с уникальным храмовым комплексом в Барнауле XIX–XX вв. Анализ архивных данных подтвердил участие в создании комплекса городского архитектора И.Ф. Носовича. На основе натуральных обследований и изучения архивных документов определены изменения и утраты памятника федерального значения. Анализ реставрационных работ выявил отклонения от первоначального проекта.

Ключевые слова: храмовый комплекс, И.Ф. Носович, богадельня, ансамбль, госпиталь, Барнаул.

Идея строительства в Барнауле уникального храма Дмитрия Ростовского принадлежала алтайскому инженеру, изобретателю и общественному деятелю П.К. Фролову [1, с. 106–107]. В 1818 г. на заседании Горного Совета он внес предложение «о создании в Барнауле площади, предназначенной для обелиска в честь 100-летия горного производства на Алтае». Местом строительства была выбрана Конюшенная площадь, у северного конца заводской плотины на левом берегу Барнаульского пруда. В центре площади был разбит сквер, посередине которого установлен Демидовский столп. В ансамбль площади включены здания Горного училища, Горного госпиталя и богадельни для инвалидов сереброплавильного завода с церковью Дмитрия Ростовского (Димитровская церковь) [6].

На площади решили возвести комплекс сооружений, включающий здание Горного госпиталя и богадельни. Богадельню для удобства больных и инвалидов, проживающих в госпитале, планировалось объединить с церковью. Заложение церкви состоялось 6 августа 1829 г., через год большая часть строительных работ, в том числе и внутренних, была завершена, освящение планировалось провести в течение полугода. Росписью храма занимался знаменитый художник М.И. Мяков. Освящение собора состоялось в 1831 г. [2], но внутренние работы продолжались и в последующие годы.

Дальнейшее строительство в 1905 г. велось под руководством гражданского инженера И.Ф. Носовича [4, л. 2, 7]. В этот период на территории храма возвели часовню, отличительной особенностью которой стали арочные ворота в церковный сад (с двух сторон). В советский период часовня была разрушена.

Обращение к истории храма позволяет проследить в полной мере, какие утраты были нанесены памятнику архитектуры в сложный период от XX в. до наших дней.

4 июня 1920 г. церковь закрыли, последовало административное решение расположить в здании Музей изящных искусств, позднее открыли кино клуб, а затем цирк. После этого здание передали спортивному обществу «Спартак», соответственно, часть прилегающей площади была названа площадью Спартака (название сохранилось до наших дней). Церковное здание занимал клуб краевого совета промысловой кооперации, магазины и прочие организации.

Соответственно, зданию наносились всевозможные увечья. Так, устроенная пристройка полностью исказила первоначальный облик ротонды. Варварское отношение привело к полной утрате интерьеров, в том числе и настенной росписи. Постепенно здание пришло в упадок и только в 1960 г. оно получило статус «памятника архитектуры федерального значения» [7]. Однако разрушение продолжалось и после этого. Так, в апреле 1991 г. сгорели остатки деревянных перекрытий, что привело к полному обрушению кровли и купола.

В 1994 г. остатки храма Дмитрия Ростовского были официально переданы православной епархии, что послужило отправной точкой для восстановления здания. В 1997 г. в пристройке к храму епископом Барнаульским и Алтайским Антонием был проведен обряд освящения.

Восстановление храма велось в габаритах имевшихся стен. Если обратиться к фотодокументам, связанным с ремонтно-реставрационными работами, то мы увидим полное восстановление ротонды и сохранение пристройки, которая по проекту реставрации должна быть разобрана. Был сочтен уместным, в силу «объективных» причин, перенос главного входа с правой стороны на левую. Внутренние работы выполнялись с применением современных материалов: стены обшиты гипсокартоном, установлены пластиковые окна, пол выложен кафельной плиткой и.д. В апреле 2009 г. завершено строительство кровли, был возведен купол. В ноябре 2012 г. восстановление храма официально завершилось [9].

В этом виде храм Дмитрия Ростовского является памятником архитектуры федерального значения.

Обратим внимание на богадельню, которая согласно первоначальному проекту должна была быть частью храма и нести гуманитарную функцию. Идея не была осуществлена: соединительный коридор не построили, и здание осталось отдельным корпусом, причем в нем располагалась не богадельня, а другие организации: Горное окружное училище, Алтайское горное правление, Алтайский губернский комиссариат, губернский Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1920 г. здание стало Рабочим дворцом, после чего было «разбито» на 14 квартир. Как известно, только центральная часть здания имела 2-й этаж, но впоследствии, в 1930-е гг., во время ремонта кровли, были внесены конструктивные изменения и возведен полноценный 2-й этаж (внешний вид сохранился до настоящего времени).

В 1948 г. здесь располагались Алтайские краевые конторы «Сельэлектро» и «Агролес». В 1950 г. в здании находилось краевое сельскохозяйственное управление, затем краевое объединение «Сельхозтехника».

Углубляясь в историю памятника, отметим, что только в 1992 г. здание передали на баланс комитету по культуре администрации Алтайского края. В 2002 г. НПЦ «Наследие» разработало проект реставрации и приспособления здания под универсальный магазин. Обновление фасадов заключалось в восстановлении центрального четырехколонного дорического портика с сохранением поздней надстройки (1930-х гг.) 2-го этажа и окрашивании фасада в вычурный желтый тон. В настоящее время арендаторы привели здание в полный упадок, фасад претерпел изменения, появился металлический козырек над вновь прорубленным входом. Между колоннами центрального входа возникли ларьки, над которыми установлена массивная вывеска «Мария-ра» и прочие мелкие рекламные вывески, штукатурка обваливается, в целом вид памятника архитектуры местного значения удручающий.

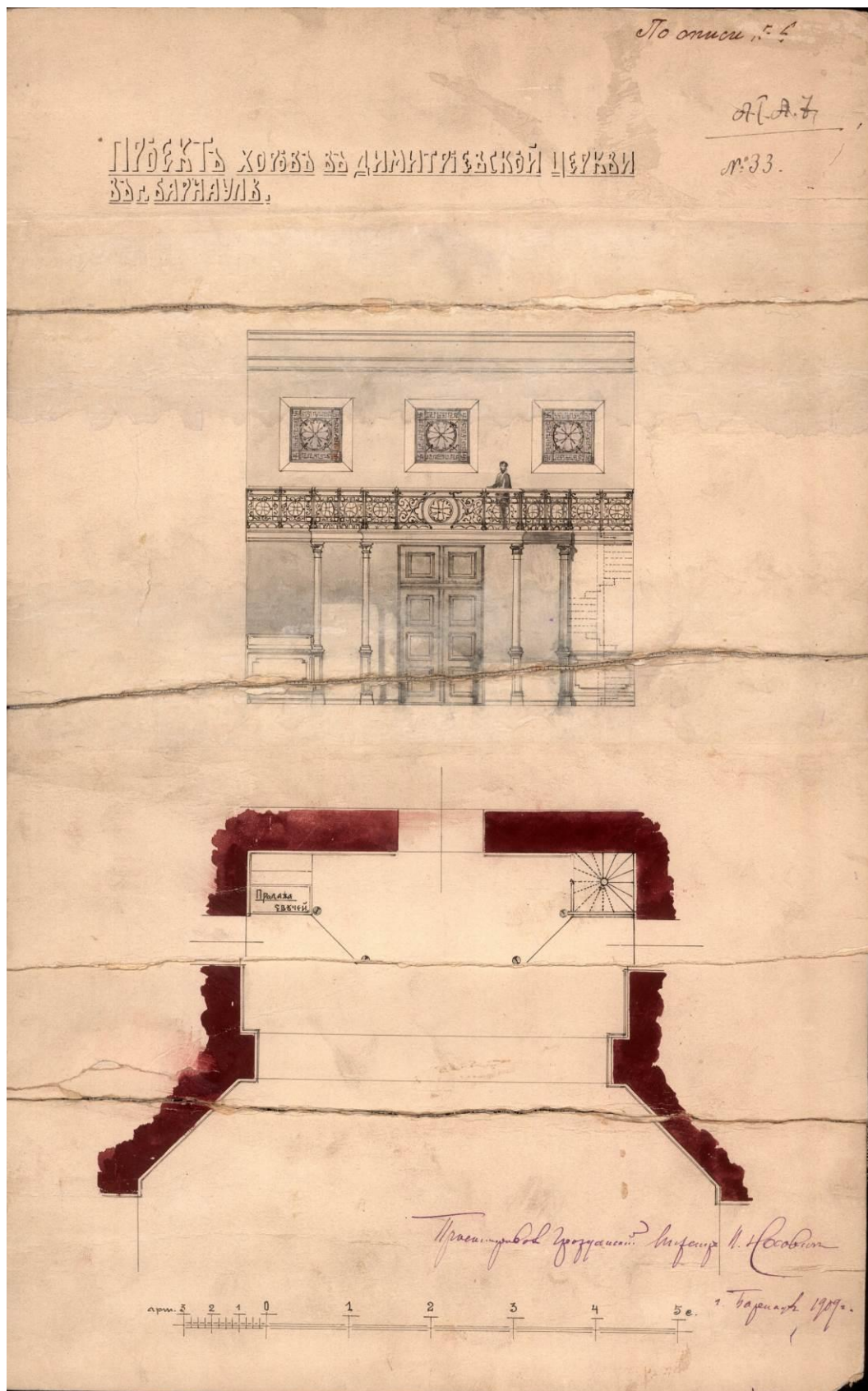
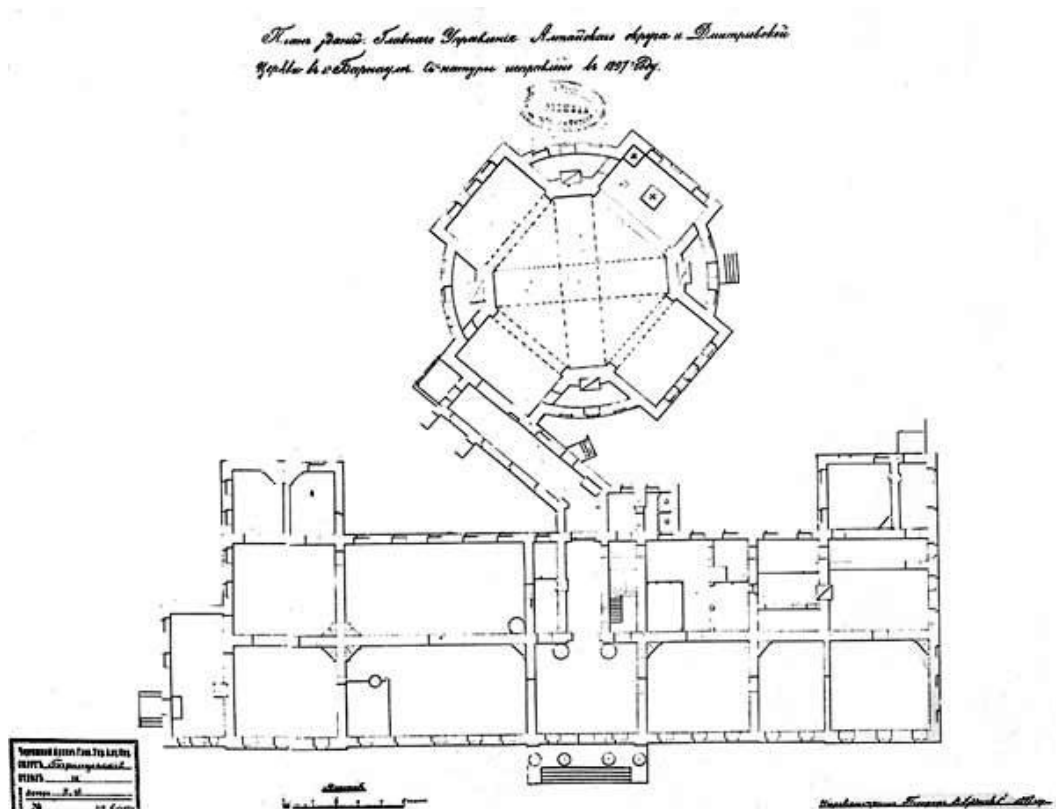

Рис. 1. Барнаул. Проект хоров в Димитровской церкви.
Автор – арх. И.Ф.Носович. 1909 г. [3, л. 1]

Рис. 2. Барнаул. План здания Главного Управления Алтайского округа и Димитровской церкви. 1897 г. [4, л. 2]

Рис. 3. Барнаул. Димитровская церковь. Фото 1970 г. [9]

Рис. 4. Барнаул. Часовня. Автор – арх. И.Ф. Носович. Фото начала XX в. [9]

Рис. 5. Барнаул. Храм Дмитрия Ростовского. Современный вид. Фото Н.Э. Михайлюк. 2015 г.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что история церкви Дмитрия Ростовского с момента строительства до наших дней переполнена тяжелыми событиями, которые отразились на внешнем облике храмового комплекса. Данный комплекс уникален тем, что включает в себя два объекта, непосредственно церковь и городскую богадельню, которые в настоящее время принято считать отдельными памятниками архитектуры, причем с разным уровнем сохранности. Несмотря на финансовую сторону вопроса реставрации, мы считаем, что внесенные изменения искажают памятник до неузнаваемости. Соответственно, возникает вопрос о правильном контроле над эксплуатацией и содержанием объектов наследия. Статус памятника любого значения обязывает наше общество изучать и полноценно сохранять историко-культурное наследие.

Список литературы

1. *Гришаев В.Ф.* Барнаульский печальник. Документальная повесть о В.К. Штильке. – Барнаул: БГПУ, 1999. – 147 с.
2. Барнаул: Энциклопедия / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та., 2000. – 408 с.

Список источников

3. Краевое государственное управление Государственный архив Алтайского края (КГУ ГААК). Ф. 50. Чертежная горного округа (1822–1917 гг.). Оп. 11. Д. 11.
4. КГУ ГААК. Ф. 65. Томское Губернское Управление (1822–1917 гг.). Оп. 1 доп. Д. 9.

Список интернет-источников

5. Информационный портал «Алтайская правда» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ap22.ru/paper/paper_5596.html
6. НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края «Наследие» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nasledie-altai.ru/spisok-pamyatnikov>
7. Управление Алтайского края по культуре и архивному делу [Электронный ресурс]. – URL: http://www.culture22.ru/kultura_altaja/kulturnoe_nasl/
8. *Метельницкий К.* История строительства старейшего на сегодняшний день храма в Барнауле – Дмитриевской церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://dering.ru/novosti/istoriya-stroitelstva-starejshego-na/>
9. Барнаульский Дмитриевский храм [Электронный ресурс]. – URL: <http://drevo-info.ru/articles/17169.html>

Ростовцева И.Л.
i.rosto@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
ББК: 85.113

НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ СЕЛА МАСЛЯНИНО: УТОЧНЕНИЕ ДАТ

Аннотация. Рассматриваются особенности архитектуры и история создания храма во имя Святителя Николая в селе Маслянинском Барнаульского уезда Томской губернии. Уточняются даты возникновения православного прихода и строительства храма. Установлено, что храм построен по типовому проекту № 9 из альбома проектов храмов, Высочайше одобренных для строительства в Сибири. Впервые вводятся в научный оборот сведения о храмах, построенных по этому проекту. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: история архитектуры и строительства, православие, храм, культовая архитектура, типовый проект, Маслянино.

Введение. До сих пор датой строительства храма в Маслянино считался 1896 г., эти сведения почерпнуты из Справочной книги по Томской епархии. В четырех выпусках этого издания, вышедших после постройки храма (в 1898–1899, 1902–1903, 1909–1910 гг. и 1914 г.), повторяется информация о том, что в селе Маслянинском построен деревянный однопрестольный храм во имя Святителя Николая Мирликийского [7, с. 269; 8, с. 279; 9, с. 724–725; 10, с. 498–499]. В выпуске Справочной книги за 1902–1903 гг. встречается фраза о служивших в храме: младшем священнике Сергее Ивановиче Краснове – «на сем месте с 1892 г.» и псаломщике Дмитрие Максимовиче Конусове – «на настоящем месте с 1890 г.» [7, с. 724]. То есть до постройки здания в 1896 г. приход и храм уже существовали. О том же свидетельствуют хранящиеся в ГАНУ метрические книги Никольского храма, начинающиеся с 1859 г. [2, л. 2], а по сведениям архивной службы Маслянино, в селе с 1829 г. существовал молитвенный дом [5]. История создания православного прихода и строительства храма в селе Маслянинском Барнаульского уезда Томской губернии потребовали пересмотра и дополнений, поскольку найденные в последнее время архивные документы отодвигают дату строительства с 1896 г. на 1863–1866 гг.

Материалы и методы. Источником исследования послужили: типовые проекты и вновь найденные документы по истории строительства Никольского храма, хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), обмерные чертежи, данные натурных обследований, а также старая (рис. 1) и современные фотографии здания (рис. 4).

Результаты. «Первый храм в деревне Маслянинской был построен тщанием прихожан, на их средства в 1863 г. При строительстве был использован проект № 3» [3, л. 7], но из какого именно альбома – точно не указано. Если имеется в виду «Атлас Священного Синода», то храм был деревянным и совсем маленьким, рассчитанным всего на 80 человек [1, с. 3]. Освящение построенного храма состоялось в 1866 г., [3, л. 2об.], а уже в 1886 г., 15 июня, прихожане просили епархиальное начальство разрешить им расширить храм, «используя проект № 5 из планов, Высочайше утвержденных для Западной Сибири». К этому времени в селе насчитывалось прихожан мужского пола 2 414 человек и женского пола – 2 532 человек [3, л. 7]. Пока шла переписка с Томской духовной консисторией, жители

Маслянино собрались на сход и решили, что присоединение нового леса к обветшавшей церкви нецелесообразно, а потому составили новое прошение о разрешении им строить новый храм [3, л. 8].

В 1890 г. благочинный 16-го округа священник Петр Митропольский подает в консисторию рапорт с приложением прошения прихожан о строительстве новой, деревянной на каменном фундаменте церкви по плану № 9. С момента строительства первого храма прошло всего 30 лет. Любопытно, как за 30 лет церковь могла настолько обветшать, что названа именно «ветхой». Скорее всего, дело в том, что расширить здание, не прекращая богослужения, было невозможно, потому что план позволял расширение только по периметру или с разборкой внешних стен и материала понадобилось бы больше, чем на постройку новой церкви. Если считать, что выбранный окончательно проект № 9 взят из альбома Святейшего синода, то рассчитан он всего на 300 прихожан и особенностью его композиции является восьмигранная форма центрального объема-кафоликона [1, л. 9].

В июне 1892 г. причт храма сообщает благочинному, что постройка до сих пор не начата, поскольку нет билета на вырубку бесплатного леса. В сентябре 1893 г. Лесная часть уведомляет Духовную консисторию о том, что отпуск леса разрешен и распоряжение отдано Салаирскому лесничему [3, л. 9].

Когда 20 сентября 1893 г. «благочинный церковью № 35 округа Томской епархии, священник Павел Соколов, Маслянинской Николаевской церкви старший священник Василий Туберовский, псаломщики Иван Крестовоздвиженский и Дмитрий Козусов, сельский староста Бубенщиков с прихожанами, осматривали местность, избранную сходом прихожан под постройку в селе Маслянинском новой деревянной церкви во имя Святителея Чудотворца Николая, оказалось, что местность эта находится от самой ограды старой церкви с западной стороны, грунт земли крепкий, от жилых домов с одной только стороны в расстоянии 50–70 сажен, а с другой никакого жилья нет, от реки в $\frac{1}{2}$ версты. Нашли, что это место для возведения храма Божьего есть совершенно удобное, что и удостоверяем подписями» [3, л. 12]. Выбранное под строительство место примыкало к ограде старой церкви с запада, значит, с восточной стороны от современного храма можно попытаться обнаружить старый фундамент.

Из дальнейшей переписки о строительстве храма узнаем, что крестьяне на сходе решили еще увеличить размеры выбранного ими и утвержденного Епархиальным начальством плана храма, заказав лес на 2 аршина длиннее, чем предусмотрено проектом. За этим последовало прошение в Томскую духовную консисторию о разрешении такого изменения типового проекта. Оправдывая свои противозаконные действия, крестьяне пишут, что возврат к прежним размерам леса потребует много времени для его обработки, хранения и приведет к серьезной задержке строительства. В качестве аргумента для скорейшего начала строительства храма названо сильное влияние раскольнического движения в Маслянино и возможность ухода части прихожан из православия в раскол, если и дальше медлить с началом строительства [3, л. 13].

Консистория обратилась к епархиальному архитектору В. Хабарову с просьбой разрешить внести коррективы в проект, вызванные изменением размеров строительного материала. Хабаров ответил согласием, при условии, что, кроме периметра здания, пропорционально будет увеличена и его высота.

Во всей этой переписке нигде не упомянута сложная форма кафоликона, а сам построенный храм, сохранившийся до нашего времени, имеет простые пря-

моугольные очертания плана кафоликона, трапезной, притвора и пятигранную форму алтарной абсиды, т.е. совершенно не похож на проект № 9 из Синодального альбома. Возвращаясь к фразе о выборе проекта № 9 из Высочайше одобренных планов для Западной Сибири, понимаем, что речь идет не о «проектах деревянных церквей для постройки в селениях Томской и Тобольской губерний» из часто использовавшегося в то время «Атласа планов и фасадов церквей», именуемого атласом Священного синода [1, л. 2, 3, 9], а о каком-то другом альбоме.

В процессе работы в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) в Барнауле, где сохранились копии чертежей храмов, возведенных на территории Барнаульского округа, подвергавшихся переделкам и расширению, нами были обнаружены проекты № 5 (по которому первоначально предполагалось расширение Никольского храма) и № 9 (по которому должен был строиться храм в Маслянино). Оба проекта из Высочайше одобренных чертежей [11; 12].

При внимательном изучении сохранившейся фотографии Никольского храма с. Маслянино рубежа XIX–XX вв. и сравнении ее с проектом церкви Казанской иконы Божией Матери в деревне Шиловой, составленным по проекту № 9, обнаруживаем полное сходство в очертаниях верхнего яруса колокольни и восьмигранного купола с люкарнами на низком глухом барабане, водруженном на четверик. Даже мелкие детали точно воспроизводят проект – купола храма и колокольни завешены маленькими главками, в основании которых восемь треугольных кошников.

Видимые различия в облике храма и проекта № 9 обусловлены увеличением церкви на «2 аршина во все стороны» с пропорциональным увеличением высоты. Архитектура храма претерпела при этом существенные изменения. Расширенный четверик центрального объема стал основанием для более широкого, чем в проекте, восьмерика, увенчанного тяжеловесным куполом, а увеличение высоты кафоликона повлекло за собой устройство второго уровня окон, так что объем оказался двусветным. В нижнем уровне, на северном и южном фасадах, окна раздвинуты от оси и между ними вставлены входные двери, в верхнем уровне расположены три окна. В увеличенную на 2 аршина трапезную пришлось тоже добавить по одному окну на северном и южном фасадах (рис. 3). В очертаниях западного фасада, не разработанного в чертежах типовых проектов, появился непропорционально высокий и пустой треугольный фронтон на слишком широком притворе под колокольней, над открытым крыльцом-папертью устроен навес (рис. 1). С юга к притвору и трапезной примыкает пристройка-придел, появившаяся позже строительства основного объема. До недавнего времени сохранялась деревянная обшивка горизонтально расположенной доской-шалавкой с крупным рустом, имитирующим каменную кладку на углах здания.

Никольский храм был закрыт по распоряжению Облисполкома № 1703 от 21 октября 1939 г.: здание приспособили под театр, а купол и колокольню уничтожили. Приходская жизнь возобновилась только в 1985 г., когда собралась православная община и началась молитва. В 1990 г. здание храма вернули церкви, а в 1993 г. были возведены новые купол и колокольня [13], не имеющие ничего общего (кроме местоположения) с первоначальным проектом храма. В 2016 г. проведен ремонт здания, в процессе которого внешние стены были обшиты сайдингом.

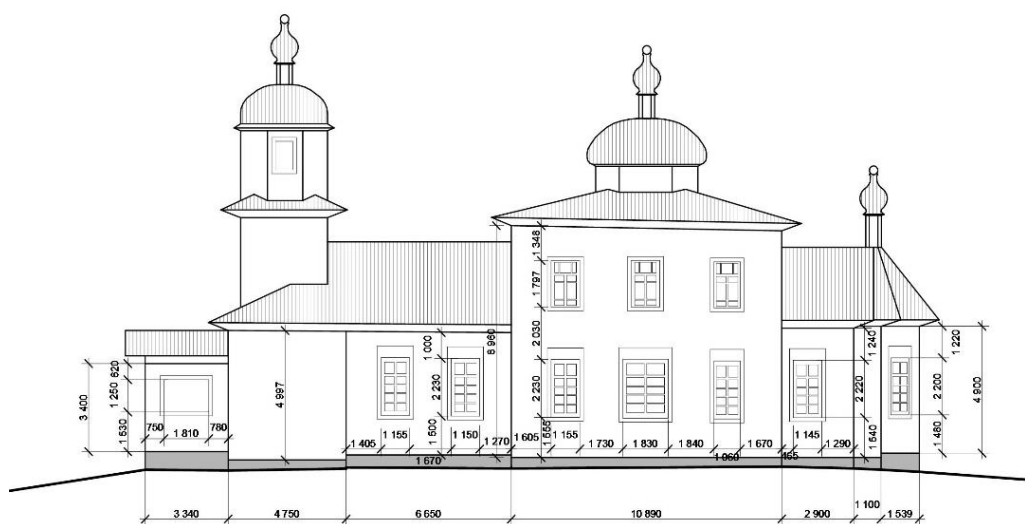

Рис. 1. Старая фотография Никольского храма в с. Маслянино [4]

Рис. 2. Фасад № 9 предполагаемой к постройке церкви в честь Казанской иконы Божией Матери в деревне Шиловой Шадринской волости Барнаульского округа Томской губернии [11]

Рис. 3. Обмерный чертеж северного фасада Никольского храма. Обмер выполнен студентами НГАХА в 2013 г., рук. И.Л. Ростовцева [6]

Рис. 4. Западный фасад Никольского храма в с. Маслянино. Фото И.Л. Ростовцевой. 2015 г. [6]

Выводы. Выявленные нами первоисточники позволили понять логику построения архитектурной композиции здания храма во имя Святителя Николая Мирликийского пос. Маслянино и восстановить историю его создания. Результаты анализа рассмотренных материалов дали возможность утверждать, что приход Никольского храма в Маслянино на 30 лет старше, чем было принято считать, а его архитектура сильно отличается от типового проекта № 9 из Высочайше одобренных, по которому строился храм. При сохранении общей структуры плана трапезного храма здание претерпело изменения в композиции фасадов. Никольский храм является наглядным примером того, как в процессе строительства мог измениться типовый проект храма под воздействием требований заказчика.

Список источников

1. Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. Издание Святейшего Синода. – М.: Синодальная типография, 1899. – 55 с.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Д-156. Оп. 1. Д. 2454. Метрические книги Николаевской церкви с. Маслянино. 1859–1862 гг.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 4. Д. 276.
4. Из истории храма Святителя Николая Чудотворца [Электронный ресурс]. – URL: www.mikm08.narod.ru/index8.htm (дата обращения: 29.09.2018).
5. Отдел архивной службы Маслянинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д.-58-а. № 96.
6. Ростовцева И.Л. Личный архив.
7. Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. – Томск: Тип. епарх. братства, 1900. – 458 с.
8. Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год / сост. под ред. секретаря Томской духовной консистории Д.Е. Березова. – 1903. – 531, LVI с.
9. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. – Томск: Тип. Приюта и Дома Трудолюбия, 1911. – XVIII. – 810 с.
10. Справочная книга по Томской епархии / Сост. служащими консистории под рук. В.А. Каргашева в янв.-марте мес. 1914 г. – Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – VIII, 594 с.
11. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 455.
12. ЦХАФ АК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 459. Расширение церкви, построенной по № 5 Высочайше одобренных чертежей в деревне Битковской Чингисской волости Барнаульского округа Томской губернии. 2 января 1895 г. Епархиальный архитектор В. Хабаров.
13. *Шабунин Е.А.* Юго-Восточное благочиние Новосибирской епархии. Часть 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.orthedu.ru/kraeved/ugo_vost_blagochin/1.htm (дата обращения: 29.09.2018).

Марьясова М.К.
 Mar98asova@gmail.com
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия
 Научный рук.: канд. арх. Туманик А.Г.

УДК: 7 (74)
 ББК: 85.128

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКЦЕНТЫ НЕОКЛАССИЦИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЬЕРА ПАРЛАМЕНТА В СТОРМОНТЕ (СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ)

Исследование выполнено в рамках диссертационной работы

Аннотация. В статье представлен британский опыт применения неоклассицизма в общественном интерьере как средства оттенить достоинства ремесленного производства, подчеркнуть роль и значимость сельско-хозяйственной культуры, лён в декоративном орнаменте. Проведены сравнения работы архитектора сэра Арнольда Торнли с аналогичными зданиями в США. В качестве специфической черты отмечена связь белфастского варианта ар-деко и неоклассицизма с георгианским стилем, характерным для Великобритании в формате мировой истории архитектуры.

Ключевые слова: неоклассицизм, Арнольд Торнли, общественный интерьер, лен, Северная Ирландия, Стормонт.

Введение. В настоящее время актуален вопрос сохранения советского неоклассицизма. Ввиду смены политических формаций декоративное убранство советских лет порождает многочисленные дебаты как в отношении своей эстетической ценности, так и по вопросам целесообразности реставрации и последующего содержания. Если в формате Москвы ответ на вопрос «реставрировать или нет» очевиден – реставрировать, то на уровне регионов, к сожалению, ответ определен не настолько.

Вместе с тем именно творческое освоение классического наследия в свое время вдохнуло в советскую архитектуру не только интерес к древним орнаментальным традициям и техникам обработки материалов союзных республик, породило новые и неожиданные композиционные приемы, но и зафиксировало значимую роль сельского хозяйства, развития науки и техники и для современности. Ни в одной стране мира, кроме СССР, возвеличивание труда не было столь массовым в архитектурной практике. В композициях капителей и декоративном убранстве фасадов, принятых в царской России (не имеется в виду Россия допетровская), не было стремления локализовать капитель (за исключением традиционных грузинской, армянской или азербайджанской). Заслуга архитекторов СССР состояла в придании своеобразия ордерным формам и, в частности, декоративной пластике капители, в том числе и за счет включения в ее состав символов, прославляющих отечественное сельское хозяйство – опору Российской экономики и по сей день. Суть подобной практики не уникальна для СССР, что мы и попытаемся показать на примере детального анализа неоклассицистического интерьера Ассамблеи региона, долгое время сохранявшего преимущественно аграрный профиль и являющегося частью Соединенного Королевства Великобритании – Северной Ирландии.

Материалы и методы. Материалы видео- и фотофиксаций, семантический анализ декоративной пластики [1–11].

Результаты. Стормонтский замок и здание Ассамблеи Северной Ирландии – это не одно и то же. Существует баронский замок в усадьбе Стормонт, и используется он в качестве резиденции Кабинета министров Северной Ирландии. Здание Ассамблеи Северной Ирландии было специально спроектировано архитектором-уроженцем графства Чешир сэром Арнольдом Торнли в неоклассицистическом стиле. Любопытно, что Торнли, получивший рыцарское звание, творил в основном в Ливерпуле и в стиле, близком к барокко (рис. 1, 2), кардинально отличном от ар-деко, активно применявшегося для финансовых учреждений и других зданий общественного назначения в Белфасте (рис. 3).

*Рис. 1. Творчество сэра Арнольда Торнли.
Здание Ливерпульского порта. 1907 г. (необарокко) [7]*

*Рис. 2. Творчество сэра Арнольда Торнли.
Здание Ассамблеи в Стормонте. 1932 г. (неоклассицизм) [5]*

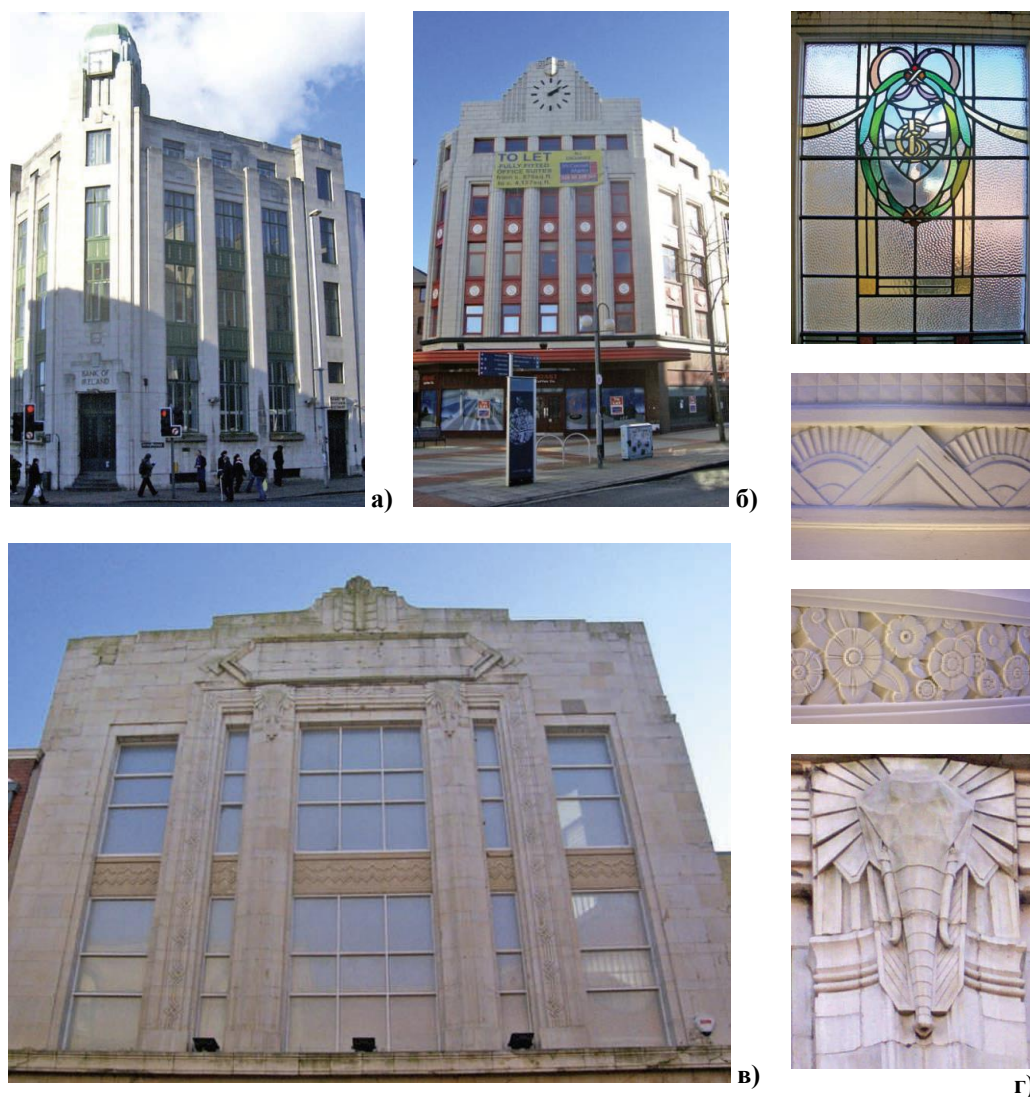
Несмотря на интерес к ар-деко в его климатически приемлемой версии, в качестве императивного при строительстве здания органа народной воли был выбран именно неоклассицизм с характерными для него акцентами на поверхности и цвета, что визуально сближает здание внешне с лаконичными образцами американской архитектуры (Белый дом, Томас Джефферсон). Во внутреннем убранстве Торнли к пуризму склонности не проявил, и это мы можем увидеть, совершив виртуальную экскурсию по залам Ассамблеи.

Подобный подход, в принципе, характерен для Ирландской и Британской архитектуры, поскольку морской и прохладный климат позволял заимствовать, но в то же время требовал адаптировать практики итальянских зодчих. Вместе с тем интерьеры как парламента в Дублине, так и парламента в Белафасте характеризуются пышностью. Обычно обильная ирландская лепнина являет собой предмет гордости и государственной охраны. Парламент в Белфасте изнутри кажется, что схвачен камнем. Характерной чертой убранства холла являются заимствованные из георгианского стиля (как и викторианского, являющегося традиционным, типично британским стилем) кессонированные потолки. Они украшены голубым (лазурь) и алым (червлень) цветами, а также рельефами с геометризованным греческим орнаментом, сухариками, иониками (овами), кустообразными пальметтами и вариациями на тему стилизованного цветка.

Любопытно, что в похожих цветовых и декоративных вариациях данное решение потолка присутствует в интерьере американских зданий общественного назначения, например в здании суда Аллен Каунти (Allen County Courthouse, Fort Wayne Indiana USA) (рис. 4).

Холл Ассамблеи Северной Ирландии украшают тяжелые золоченые люстры в георгианском стиле. Искусно исполненные в технике скальола каннелированные пилоны, подчеркивающие торжественность помещения, в своей капители содержат пальметту и ионический завиток, поданный на манер ростка за счет вытянутости в виде стебля. Нам остается только догадываться, какую именно символику заложил в капитель автор, поскольку здание претерпело еще и реконструкцию после того, как его интерьеры были большей частью разрушены в результате бомбежек нацистами. В том виде, что сейчас, она, возвеличивает роль льна, являющегося одной из основ аграрного сектора экономики Северной Ирландии. Обработка

льна – один из видов традиционного многовекового ремесла, обеспечивающего мир не только высококачественным полотном, но и изделиями из него, передающимися по наследству, что является средством популяризации кельтской культуры.

*Рис. 3. Образцы Белфастского ар-деко (1920–1930-х гг.):
а – Банк Ирландии; б – бывший магазин Бартона. Энн стрит; в – магазин «Синклэр», Норф
стрит; г – Детали [5]*

У этого растения, в античном мире считавшегося символом света, чистоты и верности, очень позитивная сила, поэтому выбор его цветков в качестве символики несет в себе положительное начало. Ирландцы сделали лён не только частью своей мифологии, но и топонимики. Поскольку обработка этого сырья велась на севере Ирландии на протяжении всего Средневековья, Нового времени и не прекращается сейчас, территория между реками Бэнн (Bann) и Лэгэн (Lagan), где размещается основной объем промышленности, известна как Ленные Земли (the Linen Homelands). Часть знаний и умений была привезена в Ирландию гугенота-

ми, в конце XVII в. бежавшими из Франции, и в настоящее время льняное волокно импортируется в Ирландию из северной Франции. Стилизация цветков льна использована в качестве графической части логотипа Ассамблеи Северной Ирландии, однако из официальных источников также известно, что их характерный голубой цвет определил и акценты в отделке внутренних помещений (рис. 5).

Настенные панели обеих палат Ассамблеи выполнены в золотистом цвете изо льна с рисунком «дамаск», представляя предмет гордости ирландцев не только непосредственным посетителям, но и смотрящим телевизионные трансляции. Любопытно, что особенностью британского ар-деко является его происхождение от георгианского стиля. Несмотря на то что интерьер Ассамблеи характеризуется как неоклассицистический, в нем очевидны четкая симметрия и выведение оригинальной графической символики в элементы оформления интерьера (к примеру, накладной элемент на основной трибуне в зале для заседаний). Лён и ионикоподобные спирали в данном случае имеют четкую историческую взаимосвязь с архаической традицией, поскольку отсылают нас к пониманию символизма спирали еще и как средства предугадывания убывающей и возрастающей лун, что определяло у друидов выбор времени, благоприятного для посадки сельскохозяйственных культур. Для кельтской традиции в целом характерно понимание символизма спирали как отображения метаморфоз, развития, космогонии; двух или более спиралей, соединенных вместе, – как способа отобразить смену состояний. Исследованию этого явления и проведению параллелей, в том числе и с восточной культурой, посвящена одна из недавних статей автора [1].

Рис. 4. Холл здания суда Аллен Каунти (форт Вэйн, Индиана, США). 1902 г. [11]

Assembly Round Up

Рис. 5. Цветки и цвет льна в качестве официальной символики здания Ассамблеи Северной Ирландии [6; 8]

Выводы. В целом мы склонны трактовать образцы подобной архитектуры как проявления федералистского стиля, поскольку в первые десятилетия XX в. и для британских колоний, и для окраинных территорий (так называемой кельтской ойкумены) наибольшую политическую важность имел именно вопрос обозначения границ и политической традиции, нежели доказательств эффективности и незатратности региональной власти, в общественных интерьерах современности. К современной российской практике данная тематика имеет непосредственное отношение, так как позволяет обратить внимание на то, что в XX в. за рубежом развивались стили общественных интерьеров, в то время как в советском зодчестве длительное время не существовало типологии общественных интерьеров. Поэтому современная российская практика «неомодернизма» и «неоклассицизма» складывается из творческого осмысления разнообразных стилей, развивавшихся за рубежом.

Список литературы

1. *Марьясова М.К.* Традиционные ремесла в деталях интерьеров и экстерьеров современных британских зданий общественного назначения // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН.* – 2017. – № 4 (35). – С. 87–92 [Электронный ресурс]. – URL: http://uniip.ru/images/stories/4_2017/16_4_2017.pdf (дата обращения: 22.02.2018).
2. *Чурсин Д.В.* Монументальная живопись в интерьерах современных общественных зданий: автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Урал. гос. архит.-худ. акад. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.
3. *Baden-Powell C.* Architect's pocket book. Second Edition. Architectural Press. 321 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://197.14.51.10:81/pmb/ARCHITECTURE/Architects%20Pocket%20Book.pdf> (дата обращения: 22.02.2018).
4. Crafts and Council. Making it local: what does this mean in the context of contemporary craft? Dr. Julie Brown. 25 p. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.craftscouncil.org.uk/content/files/Crafts_Council_Local_Report_Web_SinglePages.pdf (дата обращения: 22.02.2018).

Список источников

5. Архитектура Ирландии XX века. Здание парламента Стормонт [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/collections/card/58f21c3310829b52da788592/> (дата обращения: 06.11.2017).
6. Down by the Dougie [Электронный ресурс]. – URL: <https://greatacre.wordpress.com/2016/09/08/stormont/> (дата обращения: 09.08.2017).
7. Feature: Belfast's forgotten art deco [Электронный ресурс]. – URL: http://www.craftni.org/downloads/May10_ABOUTArt_Deco_Belfast.pdf (дата обращения: 06.11.2017).
8. Northern Ireland Assembly. Archive Site [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.niassembly.gov.uk/io/logo.htm> (дата обращения: 09.08.2017).
9. On-line Tour – The Northern Ireland Assembly [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.niassembly.gov.uk/visit-and-learning/visiting/online-tour/> (дата обращения: 06.11.2017).
10. Sir Arnold Thornley [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.worldarchitecturemap.org/architects/sir-arnold-thornley/> (дата обращения: 06.11.2017).
11. URL: <http://girlsiniwhitedressesblog.com/2015/09/15/be-a-tourist-in-your-own-hometown-fortwayne-indiana/> (дата обращения: 09.08.2017).

Вахитов Т.Р.
timmythefirst@gmail.com
 МАрхИ, г. Москва, Россия

Научный рук.: канд. архитектуры, профессор Явейн О.И.

УДК: 72.01

ББК: 85.113

ПРИЕМЫ ПРОЕКТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И.А. ГОЛОСОВА

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать проекты И.А. Голосова, выполненные с 1924 по 1929 г. с точки зрения проектирования как процесса, основанного на взаимодействии множества факторов: функциональных, пространственных и геометрических, конструктивных и вспомогательных инструментов проектирования (сеток и модулей).

Ключевые слова: проектная модель, советская архитектура, конструктивизм, теория архитектурных организмов.

Введение. Цель данной статьи – провести исследование проектов до 1931 г. с точки зрения взаимодействия факторов, влияющих на проект как систему [2, с. 34, 38]. В задачи статьи входит выявление логики, в которой увязывались друг с другом разнообразные функциональные, конструктивные и графические элементы [2, с. 36].

Материалы и методы. Анализ архитектурных проектов производится на основе уже опубликованных работ И.А. Голосова. Новизна подхода заключается в том, что впервые к архитектуре конструктивизма применяется понятие проектной модели, выработанное Б.Г. Бархиным [2, с. 39, 42]. Ранее проектная модель как сложный организм изучалась в первую очередь для разработки педагогического процесса в работе «Методика архитектурного проектирования». Фундаментом для Б.Г. Бархина в данном случае послужило наследие архитекторов XX в.; об этом прямо упоминается в начале книги [2, с. 4]. Таким образом, избранная методология адекватна предмету исследования и понятию, используемые в вышеуказанной работе, применимы к архитектуре конструктивизма в особенности.

Многоуровневость проектной модели конструктивизма в целом опирается на функцию. Функция, в соответствии с теорией этого движения, является основополагающим элементом архитектуры, своего рода отправной точкой всего проектного процесса [4, с. 72, 73]. Если предпринять выход за рамки терминологии конструктивизма, обнаруживается, что сама функция может приобретать различный вид и выражение в разных архитектурных системах. В текстах идеолога конструктивизма М.Я. Гинзбурга функциональное начало понимается прежде всего как конкретный процесс, подразделенный на стадии и переведенный в вид графиков и диаграмм [4, с. 71]. Этот процесс, как правило, происходит в плане, что нередко считается общим для всего конструктивизма. Рассмотрение планов проектов И.А. Голосова показывает, что и здесь функциональное зонирование производится в плане, но с тем отличием, что это не диаграммы и графики, а просто зоны или области. Через несколько десятилетий подобное прочтение функции появится в проектах Луиса Кана.

Как примеры конструктивистского творчества И.А. Голосова наиболее известны проекты середины 1920-х гг.: Русгерторг, Электробанк, жилой дом Новкомбыта, клуб им. Зуева. Об этих проектах С.О. Хан-Магомедов писал, отмечая

их развитую объемную структуру и сложность пластики [5, с. 442]. Попробуем раскрыть систему пластического решения в этих работах и его взаимосвязь с функциональным решением. Объемная структура вышеперечисленных проектов действительно тяготеет к единству и цельности, часто с использованием тел вращения; если же сопоставить объемно-пластическое решение с проекциями плана и разреза, окажется что это системы, работающие не за счет связи, а скорее за счет противопоставления. План в проектах И.А. Голосова – самодостаточная графическая система, где линия и пятно формируют группы; функциональной зоне-области может соответствовать одна и более таких графических групп. Еще в ранних текстах начала 1920-х гг. И.А. Голосов писал о том, что в его теории архитектурных организмов «...разработан вопрос об архитектурном построении как отдельных масс, так и организмов их, то есть построение групп» [3, с. 415]. Привязка перегородок в плане к колоннам каркаса производится, как видно из чертежей, всеми возможными способами. В данном случае привязки перегородок по центру опоры, по краю или же на расстоянии от нее является еще и средством отделить одну функциональную зону от другой. Внутреннее пространство плана отделяется от ограждающей конструкции, что проявляется и в способе привязки внутренних стен к колоннам. В чисто графическом смысле колонны отображаются в плане как пятна, перегородки – как линии.

Таким образом, объемное решение, опирающееся на понятие плоскости поверхности, существует в определенной степени независимости от плана, передающего информацию за счет разницы между линией и пятном, замкнутой и открытой группой элементов. Если проанализировать объемное решение и проекцию плана на более глубоком уровне, общий элемент все же обнаружится – это модульная сетка. Явным образом все объемные элементы – выносы балконов и эркеров, все углубления и выступы на таких проектах, как Электробанк или клуб им. Зуева, берут свое начало в равномерной сетке [7, р. 79]. Рассмотрение чертежей фасадов клуба им. Зуева, синек к проекту подтверждает эту особенность – все элементы, в объеме работающие как пластические, в проекции, благодаря схожим габаритам и пропорциям, выглядят единой сетчатой поверхностью. То же самое видно в проекте Электробанка – цилиндрический объем, вмещающий лестницу, и остальной, почти кубический объем здания, в объеме существуют отдельно; в проекции видно не просто схожее пропорциональное членение этих частей, поверхность тела вращения в проекционном чертеже воспринимается как плоскость [6, с. 56]. Пластические элементы объема укладываются в систему – степень их выноса кратна модулям сетки. Стоит особо отметить то, как два типа конструкции – несущая и опирающаяся соотносятся с рельефной системой, пластическим телом здания. Вынос фасада, который может служить галереей, эркером, лестничным узлом, как правило вмещает в себя оба типа конструкции, однако в объеме работает как совершенно единый, почти монолитный фрагмент. Плита перекрытия и легкая стена фасада нередко находятся в одной плоскости. Остекление реже ставится в одну плоскость со стеной. В этом смысле критические замечания М. Охитовича по поводу расположения стекла заподлицо со стеной для образования целого неприменимы к проектам И.А. Голосова. Яркий пример использования объемных фрагментов, не выявляющих различий в работе конструкции, – жилой дом общества «Новкомбыт» и клуб им. Зуева. Утраченная остекленная галерея и есть тот объемный элемент, который включал в себя все типы конструкции, но работал как исключительно объемный [1, с. 36]. Проектируя Народный дом

Ленина в 1924 г., автор уже начинает подходить к зданию как к крупной объемной форме. Пластические элементы пока что выражены слабо, общий объем доминирует над выступами и заглаблениями [7, р. 78]. Выставочный павильон 1925 г. демонстрирует заметную разделенность слоев рельефа, и здание почти что распадается на отдельные объемы. Когда в конце 1920-х гг. И.А. Голосов проектировал жилищные комбинаты, принцип рельефной разработки поверхности перешел в другой слой, и высотность корпусов приобрела тот же характер, что и слои рельефной структуры [6, с. 68, 69].

Результаты. К концу 1920-х гг. пластическое тело в проектах И.А. Голосова нивелируется, стремится к упрощению. Проявляются те факторы, которые роднят советский авангард с европейским модернизмом, в особенности работами Корбюзье. Выходят на первый план те факторы, которые в итоге послужили поводом к критике конструктивизма – частое употребление ленточного и витражного остекления, объемы здания как система параллелепипедов [5, с. 444].

Выводы. В итоге вышеописанные приемы проектирования лишь частично соответствуют теории построения архитектурных организмов. Перед нами, вне всякого сомнения, архитектурная система, выработанная внутри рамок конструктивизма, но не поддающаяся описанию в терминах функционального метода. Дальнейшее исследование способов проектирования может показать определенную степень родства проектов И.А. Голосова 1930-х гг. с проектами 1920-х. Предположительно, работы двух периодов имеют больше общего, нежели проекты И.А. Голосова в целом с конструктивистским движением вообще. Система проектирования, разработанная И.А. Голосовым, основана в первую очередь на особом отношении к неотъемлемым составляющим проекта: проекциям плана, разреза, фасада, перспективным и аксонометрическим изображениям. В его прочтении план, как за счет способов зонирования, так и за счет графических средств, существует отдельно от других проекций. Деление конструкции на каркас и заполнение активно выявляется в планах; в перспективе автор стремится скрыть это различие, представив нам только рельеф, составленный из объемных фрагментов. Каждый объемный фрагмент состоит из несущей конструкции и навесных частей, но внешне воспринимается как нерасчлененный монолит.

Список литературы

1. Архитектура клубного здания. 10 рабочих клубов Москвы / Д.М. Аранович [и др.]. – М.-Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. – 108 с.
2. Бархин Б.Г. Методика архитектурного проектирования: учеб.-метод. пособие. 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Стройиздат, 1982. – 224 с.
3. Мастера советской архитектуры об архитектуре: Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: сб. В 2 т. Т. 1 / сост. Г.Б. Бархин, Ю.С. Яралов. – М.: Искусство, 1975. – 544 с.
4. Хазанова В.Э. Из истории советской архитектуры. Документы и материалы. 1926–1932 гг. Творческие объединения / отв. ред. К.Н. Афанасьев; сост., авт. ст. и прим. В.Э. Хазанова. – М.: Наука, 1970. – 211 с.
5. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
6. Хан-Магомедов С.О. Илья Голосов. – М.: Архитектура-С, 2007. – 104 с.
7. Cook Catherine Architectural drawings of the Russian architectural avant-garde / Essay by Catherine Cooke. – New York: The Museum of Modern Art, 1990. – 143 p.

Духанов С.С.
 ssd613@ngs.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
 ББК: 85.113

МОНГОЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АВАНГАРД 1920–1930-х гг.

Аннотация. В статье представлены результаты изучения новых источников по архитектуре Монголии первой половины XX в. Их анализ показал наличие в застройке столицы страны, города Улан-Батора, целого ряда объектов, принадлежащих к архитектурному авангарду. Это опровергает традиционную точку зрения. До сих пор считалось, что Монголия 1920–1930-х гг. была изолирована от мировых центров архитектуры и такие новаторские течения, как архитектурный авангард, просто не могли здесь появиться.

Ключевые слова: история архитектуры XX в., архитектурный авангард, архитектура стран Востока, Монголия.

Введение. Одним из «белых пятен» в истории архитектуры Монголии XX в. является архитектурный авангард. В историко-архитектурных работах монгольских и отечественных исследователей достаточно подробно изучены архитектурные течения предшествующего и последующего периодов, в частности монгольская неоклассика 1940–1950-х гг. Напротив, авангард и в целом 1920–1930-е гг. рассматривались очень сжато и схематично. Как правило, назывались лишь несколько построек без указания авторов проектов, обстоятельств проектирования и строительства [4–10]. Могло сложиться впечатление, что в Монголии архитектурный авангард не был представлен как явление. Однако это противоречит историческим реалиям того времени: масштабному гражданскому и промышленному строительству в Монголии и той активной поддержке, которую в этом оказывал один из мировых центров авангарда – СССР. Советский авангард, что называется, по определению, должен был обозначить себя в Монголии.

Происходящая сегодня цифровая революция в источниковедении привела к введению в общедоступный оборот огромного массива редких, ранее неизвестных текстовых и графических источников по истории архитектуры XIX – XX вв. Одним из важнейших и наиболее информативных источников по изучению повседневной жизни советского периода стала фотография [1–3].

Материалы и методы. Материалами исследования послужили фотографии столицы Монголии – города Улан-Батора – 1920–1950-х гг.: «портреты» отдельных зданий, фрагменты застройки и панорамы [11–15]. Метод исследования: сравнительный анализ архитектурно-планировочных приемов монгольского и советского авангарда.

Результаты. Большой массив фотографических материалов позволило выявить в застройке Улан-Батора 1920–1950-х гг. целый ряд объектов, имеющих черты советского архитектурного авангарда. Наиболее информативны фотографии 1930-х гг., зафиксировавшие первоначальный облик зданий. Благодаря характерному, хорошо узнаваемому облику, они эффектно выделяются на фоне застройки предшествующих периодов: традиционных построек и юрт, деревянных

и каменных зданий российской архитектуры второй половины XIX – начала XX вв.

Наиболее значимые объекты монгольского авангарда, несомненно, были запроектированы советскими архитекторами и построены специализированными строительными организациями с использованием современных для того времени строительных материалов и технологий. Фотографии фрагментов и деталей зданий 1930-х гг. свидетельствуют о высоком качестве строительных и отделочных, в том числе штукатурных и столярных, работ.

Из назначения зданий следует, что их заказчиками выступали крупные государственные учреждения – гражданские и военные комитеты страны. Объекты авангарда 1920–1930-х гг. сосредотачивались в новом центре города (вокруг площади Сухэ-Батора и по проспекту Мира), а также в консульском поселке, военном городке и на территориях промышленных комбинатов и фабрик. Наиболее ярко авангард представлен в архитектуре общественно-культурных, административных и промышленных зданий; менее эффектны на фотографиях многоквартирные жилые дома, образующие фрагменты строчной и квартальной застройки.

Выявленные на фотографиях объекты можно связать со следующими направлениями советского авангарда.

1. Объекты, облик которых сложился под влиянием идей революционного романтизма и так называемого «пилоного» авангарда середины – второй половины 1920-х гг.: клуб имени В.И. Ленина, клуб Монгольской народно-революционной армии и др. (рис. 1–3). Для этих зданий характерны широкие пилястры, парапеты и горизонтальные поэтажные «полосы» на фасадах, рассчитанные на взаимодействие с элементами политической агитации: транспарантами, фигурными щитами, флагами и т.д. Образ зданий, сформированный разнообразными башнями и выступами, характерен для советского авангарда 1920-х гг.: это «крепости осажденного пролетариата».

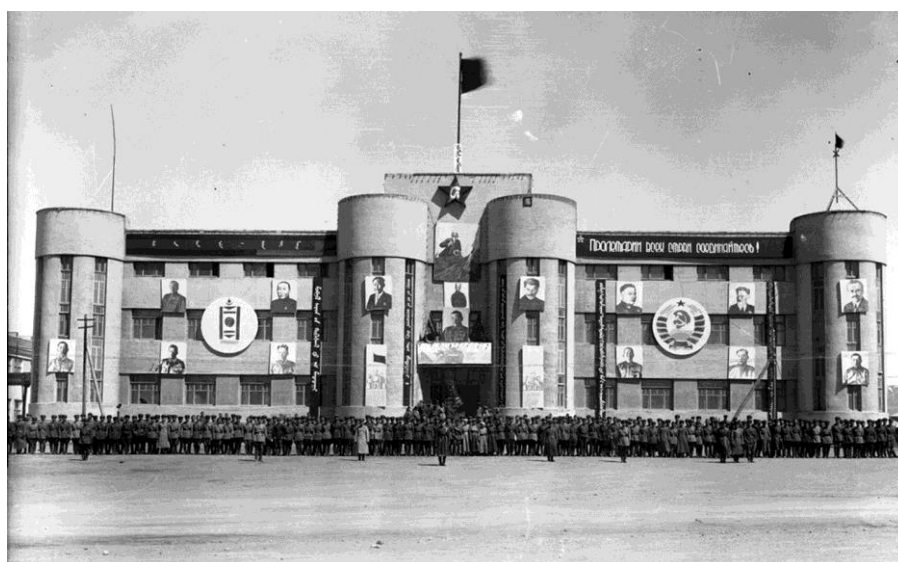
2. Объекты, облик которых сложился под влиянием идей функционализма, конструктивизма и, возможно, рационализма: здания Комитета связи, Управления внутренних дел, главной конторы Монголтранса и советского консульства, электростанция и корпуса промышленного комбината и др. (рис. 4–6). Для них характерны простые формы параллелепипедов с гладкими стенами, расчлененные объемно-планировочные композиции, ложные ленточные окна, витражи, фонари верхнего света, а также включение в архитектуру инженерных элементов (ажурных металлических мачт, часов, вентиляторов) и информационных надписей.

Интересно здание Управления внутренних дел, которое отличается лентами окон и динамичной, словно бы устремленной вперед, горизонтальной композицией. Благодаря асимметрии, разнообразным башням, ризалитам и закругленным углам, здание имеет живописное силуэтное и пластическое решение (рис. 5). Судя по современным фотографиям, при помощи цвета выявлялась объемная и функциональная структура здания.

В связи с монгольской архитектурной спецификой представляет интерес здание Комитета связи. Угловая объемно-планировочная композиция с башней, простые формы параллелепипедов, вертикальные витражи и синтез архитектуры с инженерными элементами – черты авангарда. Монгольский колорит зданию придают праздничное цветовое решение и детали угловой башни: трактовка вентилируемой кровли, решетка витража с часами, резной картуш и др. (рис. 4).

Рис. 1. Клуб имени В.И. Ленина. Фото 1931 г. [14, фото 9]

*Рис. 2. Клуб Монгольской народно-революционной армии (МНРА).
Фото 1938 г. [13, фото 3]*

Рис. 3. Застройка в районе клуба МНРА. Фото 1930-х гг. [12]

Рис. 4. Здание Комитета связи. Фото 1930-х гг. [14, фото 6]

Рис. 5. Административное здание. Фото 1930-х гг. [14, фото 12]

Рис. 6. Промышленный комбинат. Фото 1930-х гг. [11]

Рис. 7. Выставочный павильон Монгольского торгово-промышленного банка (Монголбанка). Фото 1930-х гг. [14, фото 32]

3. Объекты «деревянного авангарда», как правило, представлены временными сооружениями, формообразование которых велось на основе деревянных каркасных конструкций, обшитых досками. В советской архитектуре наиболее яркими примерами этого направления являются выставочные павильоны архитектора К.С. Мельникова. В Монголии тема деревянного каркаса соединялась с формами традиционной мобильной архитектуры. Так, в выставочном павильоне Монголбанка объединены объемы юрты и параллелепипедов, а в архитектуру введены яркие надписи, традиционные флаги и орнамент (рис. 7).

Судя по фотографиям, в целом объекты авангарда достаточно органично вошли в историческую застройку монгольской столицы. С одной стороны, этому способствовали приемы самого авангарда: здания не имели «чужеродных» по стилистике декоративных деталей и получили близкое к традиционному яркое цветовое решение. С другой стороны, на это влияла специфика монгольских условий: в отделке применялись местные строительные материалы, а высота была ограничена 2-3 этажами, благодаря чему здания получили человеческий масштаб.

Выводы. Таким образом, анализ новых источников по истории архитектуры Монголии XX в. позволил выявить наличие такого исторического феномена, как монгольский архитектурный авангард, и предположить, что ведущую роль в его развитии играли архитектурные связи Монголии с СССР. Объекты монгольского авангарда были выполнены на достаточно высоком проектно-строительном уровне и отражают несомненное стремление заказчиков и проектировщиков сформировать новый, современный облик монгольской столицы. Особый интерес вызывают приемы адаптации архитектуры зданий к местным условиям, благодаря чему она получила монгольский колорит.

Список литературы

1. Абилова Р.О. Основные направления источниковедческой работы с фотодокументами из музейных коллекций в современной российской историографии // *Филология и культура*. – 2015. – № 2 (40). – С. 287–292.
2. Абилова Р.О. Проблемы изучения фотодокумента как объекта архивоведения в российской историографии (2000-е годы) // *Ученые записки Казанского университета*. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – № 3. – С. 89–97.
3. Абилова Р.О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Р.О. Абилова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2017. – 26 с.
4. Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории / Д. Майдар. – М.: Стройиздат, 1971. – 244 с.
5. Нарантуяа Н. Планировка и застройка Улан-Батора // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2016. – № 4 (19). – С. 177–189.
6. Ткачев В.Н. История монгольской архитектуры / В.Н. Ткачев; МГСУ. – М.: Изд-во Ассоц. строит. вузов, 2009. – 288 с.
7. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века / Н.-О. Цултэм. – М.: Изобразительное искусство, 1982. – 231 с.
8. Чутчева К.А. Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы: автореферат дис. ... канд. искусств. (17.00.04) / К.А. Чутчева; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 26 с.
9. Щепетильников Н.М. Архитектура Монголии / Н.М. Щепетильников. – М.: Госстройиздат, 1960. – 245 с.
10. Wu H., Liu D. Architecture history of Ulaanbaator: architecture style and form in different time period // *Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ*. – 2012. – Т. 1. – С. 222–227.

Список источников

11. Монголия. Интересное о Монголии. Ulaanbaatar (1910s–1940s) // Форум ветеранов ордена Ленина Забайкальского военного округа. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zabvo.su/showthread.php?199-Интересное-о-Монголии/page244> (дата обращения: 07.10.2018).
12. Монголия. Интересное о Монголии. Киностудия // Форум ветеранов ордена Ленина Забайкальского военного округа. Монголия. Интересное о Монголии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zabvo.su/showthread.php?199-Интересное-о-Монголии/page657> (дата обращения: 07.10.2018).
13. Монгольская Народно-Революционная Армия в 1920–1930 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dambiev.livejournal.com/900925.html> (дата обращения: 08.10.2018).
14. Улан-Батор 1930-х гг. Часть 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://humus.livejournal.com/3638578.html> (дата обращения: 03.10.2018).
15. Улан-Батор 1930-х гг. Часть 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://humus.livejournal.com/3640467.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Блинов Е.Н.
1041954@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 711.036 (571.14)
ББК: 85.113

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ НОВОСИБИРСК КАК ПАМЯТНИК ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Аннотация. В статье анализируются критерии, позволяющие оценить проект планировки левобережного Новосибирска как выдающийся памятник градостроительного искусства XX в.

Ключевые слова: история архитектуры, градостроительство, социалистический город, левобережный Новосибирск.

Введение. Несмотря на то, что, по словам Иржи Грузы, «никогда ни в одной стране не было создано столько градостроительных проектов, опубликовано столько статей и организовано столько дискуссий по строительству и реконструкции городов, как это было на рубеже 20–30-х гг. в Советском Союзе» [2, с. 154], проект так называемого левобережного Новосибирска эффектно выделяется на общем фоне. Наряду с Магнитогорском, Нижегородским Автостроем, Большим Запорожьем он явился одним из первых удачных опытов создания генеральных планов городов в период индустриализации СССР.

Результаты. В принятом в 1930 г. экономическим советом РСФСР постановлении застройка Новосибирска предусматривалась в виде комплекса «отдельных городов»: левобережного, правобережного и «в районе нового железнодорожного моста на основе крупного Инского железнодорожного узла». Уже вскоре стало очевидно, что увязка «всех этих планов, составление единого плана строительства города» должна рассматриваться как «наиболее животрепещущая задача, стоящая перед коммунальными органами Новосибирска и Гипрогором» [1, с. 155].

Проект планировки Большого Новосибирска был закончен к осени 1930 г. Как его неотъемлемая часть, нуждавшаяся «в увязке с целым», рассматривался проект планировки социалистического города на левом берегу Оби. Авторы проекта планировки – архитекторы Д.Е. Бабенков, А.В. Власов, Н.А. Поляков. Проект был разработан на основе Пятилетнего плана капитального строительства по социалистическому Новосибирску (утвержден Сибкрайисполкомом и СНК РСФСР), и Операционного плана Новосибирсоцстроя на 1929/30 год.

В соответствии с Постановлением ЭКОСО РСФСР от 18 января 1930 г. левобережный Новосибирск рассматривался «как город социалистического типа, где труд найдет себе место только на обобществленных предприятиях, где полностью будет обобществлен и быт населения». Исходя из этой установки, жилая застройка – жилые комбинаты – предусматривалась двух типов: дома с обычными квартирами (30 %) и дома-коммуны (70 %).

По замыслу проектировщиков, воспользовавшихся принципами «строчной застройки», жилые корпуса ориентировались меридионально, «без образования замкнутых дворов», территория, свободная от застройки, отводилась под «внутриквартальную зелень, площадки и партер». Внутриквартальная планировка состояла «из достаточной зеленой площади, цветников, детских площадок, гимнастических устройств». Решенные в виде бульваров «поперечные улицы между

жилыми корпусами», не имеющие «грузового и пассажирского» значения, рассматривались авторами проекта как пешеходные.

Авторами была тщательно проработана система городских улиц, дифференцированных на магистральные, «второстепенные» магистрали и «жилые улицы с относительно тихим движением», имеющие значение «подъездов к жилым комбинатам».

Особое значение придавалось двум основным, взаимно перпендикулярным магистралям, располагавшимся «в диагональном направлении». Они должны были соединить – «одна правобережный Новосибирск через проектируемый мост через Обь с левобережным городом и, выходя за пределы города... с ближайшими сельскохозяйственными пунктами», вторая – «город с вокзалом и промрайоном и с населенными пунктами левобережья вверх по течению Оби». Проектом намечалась «основная продольная магистраль, начинавшаяся у пищевого комбината и кончавшаяся у главной общественной площади», формировавшейся на пересечении трех означенных направлений. Все перечисленные улицы предназначались «исключительно для автобусного, автомобильного и экипажного пассажирского движения». Улицы «с грузовым движением для подвоза продуктов и полуфабрикатов пищевого комбината» проектировались вдоль «зеленых полос» двухсотметровой ширины, «прорезывающих город» в направлении запад-восток.

Использование при организации уличной сети левобережного Новосибирска элементов диагонально-прямоугольной планировочной системы было созвучно передовым разработкам современных архитекторов, например проекту города на 3 млн жителей архитектора Ле Корбюзье.

Весь город располагался «в кольце зеленых насаждений», выполнявших «функции защитной зоны... от вредного влияния промышленного района, района коммунальных предприятий, железнодорожных устройств и т.д.» и служивших «проводниками чистого и свежего воздуха из окружающих сельскохозяйственных районов, водных бассейнов и лесных массивов». Авторами проекта была принята «установка... использовать все зеленые площади города под общественно-политические устройства и общественные учреждения города». В партерном парке, рассчитанном на обслуживание всего населения Новосибирска, намечалось размещение «ипподрома, центрального стадиона на 40–60 тыс., Дворца спорта, открытого театра, водного стадиона, водной станции на берегу р. Оби, нормального спортивного ядра и ряда подсобных физкультурных устройств». Защитная полоса зелени шириной 500–600 м между селитьбой и промышленностью «частично» отводилась под районные физкультурные сооружения. С запада на восток город прорезывали два зеленых массива, шириной по 200 м, имевшие «поперечное направление к большинству господствующих ветров». Суммарная площадь общегородской зелени «общественного назначения» составляла по проекту 248 га, или 30 % площади города. Учитывая, «что в предложенной типовой застройке открытого характера с большими дворами внутри жилых секций будет иметь место внутриквартальная зелень, авторы проекта утверждали, что «проектируемый город с упомянутыми выше насаждениями будет являться городом-садом» [3, л. 35].

Часть функций общественного обслуживания города, не охватываемая общественным сектором жилкомбинатов, корреспондировалась в районный и общегородской центры. Как указано в документе о районных центрах: «Районные дома культуры в непосредственной связи с зелеными насаждениями и физкультурными устройствами... почта, телеграф, телефон, аптеки, районные административные

учреждения» формировали районные центры. Об общегородском: «В конце осевой магистрали города, над крутым склоном к пойме реки Оби», были намечены «центральный дворец культуры, музеи и гостиницы», оформлявшие «площадь массовых собраний и демонстраций»; «общегородские деловые и административные учреждения», а также универмаги концентрировались «на узле магистралей».

Сеть школ размещалась в пронизывающих город широких зеленых полосах, создающих перспективу ее дальнейшего развития. Руководствуясь тем, чтобы «радиус обслуживания школ» не превышал 700 м, авторы располагали их на генплане равномерно – с «возможной территориальной близостью к обслуживаемому району [3, л. 35]. Медицинские учреждения в проекте были представлены тремя районными диспансерами, находившимися в лесу на берегу Оби, домом санитарных учреждений, дезинфекционной станцией, городской больницей на 700 коек, родильным домом на 800 коек, Домом матери и ребенка.

Численность населения на 15 лет устанавливалась в 120 000 чел., территория в 800 га, плотность населения – 150 чел./га в целом по городу и 250 чел./га «в застроенных кварталах». После рассмотрения проекта планировки левобережного Новосибирска на заседании научно-технического совещания Картоиздательства НКВД РСФСР 27 августа 1930 г. присутствовавшими на нем консультантами, архитекторами и инженерами В.А. и Л.А. Весниными, Б.П. Дмитриевым, С.Е. Чернышевым, А.В. Щусевым и В.Н. Поморцевым были даны письменные заключения. Единственным отзывом, в котором внимание было уделено лишь недостаткам проекта, являлся отзыв С.Е. Чернышева. Остальные рецензенты, выявляя наличие отдельных спорных или требующих, по их мнению, исправления положений проекта, дали ему достаточно высокую оценку. А.В. Щусев отмечал у авторов «серьезность подхода к проблеме социалистического города и достаточную углубленность обследовательской работы». В.А. Веснин писал: «в очень короткой, но бурной и богатой идеями истории социалистических городов настоящий проект является, безусловно, вкладом. Он подытоживает пройденный путь – все ценное, интересное, что было в проектах социалистических городов, – нашло отражение в данном проекте» [3, л. 38].

Выводы. Авторы проекта «Левобережного Новосибирска» стремились создать здоровую и комфортную среду обитания. Это проявилось в четкой пространственной организации городской территории, рациональном решении уличной сети, передовых принципах функционального зонирования, обилии зелени. Все это позволяет утверждать, что Д.Е. Бабенков, А.В. Власов, Н.Х. Поляков не просто создали один из хрестоматийных образцов социалистического города, но и внесли серьезный вклад в развитие отечественного градостроительного искусства, заложив одновременно основу планировочной структуры левобережного Новосибирска.

Список источников

1. Город Новосибирск и район: Экономический справочник. – Новосибирск: Новосибирский горплан и Зап.-Сиб. управление нархозучета, 1932. –VIII. – 185 с.
2. *Груза Иржи*. Теория города / сокр. пер. с чеш. Л.Б. Мостовой; науч. ред. [и авт. предисл.] д-р ист. наук О.А. Швидковский. – М.: Стройиздат, 1972. – 247 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1914.

Старостенко Ю.Д.
ystarostenko@yandex.ru

НИИТИАГ (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
г. Москва, Россия

УДК: 72.013:711(47+57)«1937»
ББК: 85.113:85.118(2)

ПРОБЛЕМА АНСАМБЛЯ В ДОКЛАДЕ Л.А. ИЛЬИНА НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ В 1937 г.

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.4.3./ 1.1.17»

Аннотация. В статье на основе анализа материалов фонда Союза советских архитекторов (РГАЛИ) впервые детально рассматривается включение проблемы ансамбля в повестку дня Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов. Особое внимание уделяется анализу текста доклада Л.А. Ильина «Планировка Ленинграда и вопросы городского ансамбля».

Ключевые слова: советское градостроительство, ансамбль, Л.А. Ильин, Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов.

Введение. Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов, состоявшийся в 1937 г., уже неоднократно становился объектом исследования. Однако в фокусе внимания специалистов оказывались, как правило, лишь процесс подготовки съезда, растянувшейся на пять лет, и основной круг вопросов, освещавшихся в докладах [1; 3; 4]. Детальный анализ докладов практически не проводился, а доклады по вопросам градостроительства и вовсе оказывались вне поля их зрения.

Между тем доклады С.Е. Чернышева «Генеральный план реконструкции Москвы и планировка городов» и Л.А. Ильина «Планировка Ленинграда и вопросы городского ансамбля» представляют безусловный интерес для тех, кто изучает советское градостроительство 1930-х гг. и становление советской теории градостроительства. Как и все доклады съезда, они в сильно сокращенном виде были опубликованы в «Архитектурной газете» уже во время самого съезда [7; 17]. Однако в виде отдельной брошюры еще накануне съезда был опубликован только доклад С.Е. Чернышева [18]. Доклад Л.А. Ильина по сей день известен лишь в виде краткой выдержки из «Архитектурной газеты», в которой была изложена лишь часть доклада, посвященная проблемам реконструкции Ленинграда. Другая часть доклада, посвященная проблеме ансамбля, не была пересказана в газете, хотя Л.А. Ильин был признанным специалистом в этом вопросе, автором докладов и публикаций по проблеме ансамбля, автором концепции реконструкции центра Москвы, предложенной в 1936 г. в рамках детализации схемы Генплана 1935 г. [5, с. 342–352]. Именно поэтому анализ стенограммы доклада Л.А. Ильина, хранящейся в двух разных копиях в фондах Союза советских архитекторов [15, л. 2–71] и Академии архитектуры СССР [16, л. 131–151об.], предпринятый в настоящей статье, представляется важным для расширения уже имеющихся знаний о становлении советской градостроительной теории, а прояснение истории появления этого доклада в повестке Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов – важным дополнением уже имеющихся знаний об этом событии.

Материалы и методы. Источниками исследования в первую очередь являются материалы Союза советских архитекторов, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 674), и материалы Академии архитектуры, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ. Ф. 293), а также специализированные периодические издания, выпускавшиеся во время подготовки и проведения Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов. Методика исследования основана на систематизации и комплексном анализе всех выявленных материалов в контексте уже накопленных знаний о проблеме ансамбля в СССР в 1930-е гг., а также организации Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов.

Проблема ансамбля при подготовке Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов. Первое обсуждение задачи проведения съезда архитекторов зафиксировано в протоколе заседания Правления Союза советских архитекторов (ССА) в октябре 1932 г. Тогда в ориентировочном порядке дня съезда значились два доклада, связанных с градостроительством, – «Опыт социалистической реконструкции Москвы» и «Доклад Ленинграда» [8, л. 19]. Однако более или менее регулярные упоминания о подготовке к съезду начали появляться в документах ССА лишь с лета 1934 г. Тогда после обсуждения в ЦК ВКП(б) «положения архитектуры и архитектурных кадров» была пересмотрена организационная структура руководящих органов ССА и возникла идея создания Всесоюзного Оргкомитета ССА [10, л. 33]. Претворение этой идеи в жизнь началось в октябре 1934 г. Вслед за Оргкомитетом были образованы специальные комиссии по подготовке докладов съезда. Предполагалось, что пленарный доклад «Планировка и реконструкция городов» будет сопровождаться четырьмя содокладами по Москве, Баку, Магнитогорску и Сталинабаду [11, л. 110], но эта концепция была довольно быстро пересмотрена. Согласно обращению к членам Оргкомитета ССА, разосланному 29 ноября руководством ССА, помимо пленарного доклада «Планировка городов и городских поселений», вопросы градостроительства на съезде предлагалось обсудить в рамках трех секций – Секции Генплана, Секции ансамбля и Секции архитектуры зелени [9, л. 12]. На Секции ансамбля намечалось три доклада: «Городской ансамбль», «Вода в планировке городов» и «Организация застройки и архитектура жилого квартала». Таким образом, в ноябре 1934 г. проблема ансамбля была официально включена в повестку дня съезда архитекторов как одна из ключевых и актуальных проблем советского градостроительства.

Предложенная концепция организации съезда довольно быстро начала терпеть изменения, о чем свидетельствует тот факт, что в протоколах заседаний Секретариата Оргкомитета ССА за январь 1935 г. среди потенциальных докладчиков значились В.А. Лавров и Варенцов, а название их доклада было «Проблема архитектурного ансамбля в планировке города» [9, л. 78–78об.]. Между тем подготовка Генерального плана реконструкции Москвы, начавшаяся в феврале 1935 г., привела к тому, что созыв съезда был отложен на неопределенный срок, а подготовка к нему приостановлена. После принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК «О Генеральном плане реконструкции Москвы» 10 июля 1935 г. вся подготовка к съезду началась фактически заново. Ключевую роль стали играть вопросы реконструкции столицы, что нашло отражение во всех мероприятиях, организованных ССА. В контексте настоящей статьи наиболее значимым из них представляется совещание по архитектурно-планировочным ансамблям, состоявшееся 21 августа 1935 г. Значение этого совещания во многом обусловлено тем фактом, что на него

было вынесено два доклада – главного архитектора столицы С.Е. Чернышева «Перспективная планировка и застройка Москвы» и главного архитектора Ленинграда Л.А. Ильина «Основные требования, предъявляемые к ансамблю» [9, л. 150; б, с. 2].

Через месяц после этого совещания вышло постановление СНК СССР, согласно которому открытие съезда было намечено на 1 марта 1936 г. [2, с. 250]. Однако решение, принятое на столь высоком уровне, не помешало отодвигать дату созыва съезда еще несколько раз, пока постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) созыв съезда не был назначен на 15 июня 1937 г. [2, с. 358–359]. И хотя в тексте этого постановления от апреля 1937 г. значился только доклад С.Е. Чернышева «О генеральном плане реконструкции Москвы и о планировке городов», на протяжении всего этого этапа подготовки съезда проблема ансамбля никогда не исключалась из повестки дня. Доклад по ней всегда рассматривался как секционный, вплоть до того момента, когда весной 1937 г. в соответствии с установками «комиссии при ЦК ВКП(б)» под председательством А.И. Стецкого организаторы съезда не отказались от секционных докладов. В результате доклад Л.А. Ильина «Планировка городов на опыте Ленинграда», включавший и «проблему ансамбля в планировке», получил статус пленарного содоклада [13, л. 60–61].

Особенности подготовки докладов для Первого Всесоюзного съезда советских архитекторов. Исследователи уже неоднократно отмечали, что подготовка докладов к съезду не была только делом самих докладчиков. Она велась «политически грамотными» архитекторами под контролем руководителя соответствующей комиссии. Так, за подготовку доклада Л.А. Ильина с осени 1935 г. отвечал организатор секции «Планировка городов» А.М. Заславский [12, л. 108об.]. И он весьма своеобразно выражал свою обеспокоенность за судьбу докладов на заседании партгруппы ССА в феврале 1936 г. из-за переносов срока созыва съезда: «Возьмите тов. Шкварикова, он успокоился, также и другие товарищи. Они не болеют за доклады. Вот Шквариков не болеет за доклад Ильина». Обеспокоенность А.М. Заславского была вызвана тем, что написанные доклады, в подготовке которых «огромное количество народа участвовало», не только теряли свою актуальность по мере отдаления созыва съезда, но и тем, что в них могли обнаруживаться политические ошибки [14, л. 47об.–48]. И хотя установить имена всех, кто работал над конкретным докладом, невозможно, в документах ССА удалось обнаружить имена рецензентов доклада Л.А. Ильина. В начале 1937 г. ими стали Г.П. Гольц и Н.Х. Поляков [13, л. 2об.]. И это столь активное участие «огромного количества народа» во многом позволяет понять, почему же доклад Л.А. Ильина, а точнее его часть про проблему ансамбля, столь разительным образом отличается как от более ранних, так и от более поздних публикаций архитектора по этой проблеме.

Доклад Л.А. Ильина на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов в контексте его авторской теории ансамбля. Безусловно, без авторских черновигов Л.А. Ильина любой анализ текста его доклада, прозвучавшего на съезде, будет неполным и крайне гипотетическим. Тем не менее анализ полного текста доклада показывает, что, с большой степенью вероятности, наименее правленными были вводная часть доклада и части, посвященные описанию особенностей ансамблей Ленинграда и Москвы. Заключительная часть доклада «Общие условия образования и признаки ансамбля современного города», в которой была предпринята попытка сформулировать принципы создания ансамбля социалисти-

ческого города, представляется наиболее отредактированной. И, с одной стороны, это обстоятельство можно рассматривать, как утрату яркой и индивидуальной концепции автора, но с другой – как одну из первых попыток вывести универсальную теорию ансамбля, к созданию которой так стремились советские архитекторы в 1930-е гг.

Это часть доклада была разделена на несколько разделов. В первом речь шла о плане города как первом факторе создания ансамбля, при работе над которым должны учитываться рельеф и размеры города, намечаются основные магистрали, т.е. задается каркас будущего ансамбля. Во втором разделе рассматривалась архитектурная композиция отдельных комплексов города и давались рекомендации по проектированию ансамблей кварталов и площадей. В третьем разделе внимание уделялось принципам создания ансамблей магистралей, отдельные отрезки которых соединяются через ансамбли площадей. Четвертый раздел был посвящен ансамблю системы зеленых пространств, а пятый – ансамблю микрорайона города, который определялся как своего рода город в городе. В дополнение ко всем этим разделам отдельно рассматривались задачи архитектурного и цветового решения отдельных зданий, составляющих все рассмотренные выше ансамбли. И если эти разделы были попыткой создания единой стройной теории ансамбля, то финальный раздел этой части доклада – «Средства и пути создания ансамбля советских городов» – был попыткой предложить схему воплощения запроектированных ансамблей. Ведь именно этот аспект оказался самым слабым звеном советского градостроительства, и к 1937 г. это было уже очевидно на примере реконструкции Москвы. В докладе Л.А. Ильина особо отмечалось, что «комплексное архитектурно-планировочное проектирование должно перейти в систематическое», что «общее архитектурное руководство города должно явиться той режиссурой, которая подготавливает или осуществляет ответственную [и] умелую расстановку творческих архитектурных сил при проектировании и осуществлении в натуре отдельных составляющих город ансамблей» [15, л. 63]. Иными словами, задача создания ансамбля сводилась не к изучению образов прошлого или изучению закономерности их построения, что было более или менее достижимо, а к необходимости поставить задачу создания ансамбля города выше интересов отдельных ведомств, ведущих застройку города. В докладе речь также шла о необходимости устранения финансовых причин, которые способствуют растягиванию строительства во времени и приводят к консервации строек. Таким образом, впервые центр тяжести проблемы ансамбля сводился к необходимости поиска путей воплощения на практике того, что рождалось в стенах архитектурных мастерских.

Выводы. Результаты проведенного анализа показывают, что проблема ансамбля, ставшая актуальной для советского градостроительства после провозглашения в 1932 г. курса на «освоение исторического наследия», была включена в программу съезда советских архитекторов еще в 1934 г., а с 1935 г. в качестве основного докладчика по этой теме рассматривался Л.А. Ильин. Материалы ССА свидетельствуют, что доклад Л.А. Ильина, как и все другие доклады съезда, подвергался редактированию и корректировкам. И хотя эти материалы не дают возможности оценить масштаб вмешательства в авторский текст Л.А. Ильина, при сопоставлении с другими публикациями автора именно часть доклада, посвященная проблеме ансамбля, представляется наиболее сильно отредактированной. Однако это ни в коей мере не умаляет ее значения, поскольку эта часть дает возможность составить представление о том, как именно видели

пути решения проблемы ансамбля советские архитекторы в 1937 г. И анализ этой части доклада Л.А. Ильина показал, что причины неудач в деле создания ансамбля для советских архитекторов крылись не в невозможности запроектировать ансамбль, а в невозможности его полноценного и планомерного осуществления под влиянием обстоятельств, от архитекторов не зависящих.

Список литературы

1. *Астафьева М.И.* Формирование проблематики теории и истории советской архитектуры, 1917–1954 гг. Опыт историографического исследования: дис... д-ра архитектуры. – М., 1990. – Т. 1. – 349 с.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. / сост.: А. Артизов и О. Наумов; под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 1999. – 872 с. (Россия. XX век. Документы).
3. *Меерович М.Г.* Союз советских архитекторов СССР. Предыстория создания и начальный период существования [Электронный ресурс] // *Архитектон: известия вузов.* – 2017. – № 58. – URL: http://archvuz.ru/2017_2/8 (дата обращения: 25.04.2018).
4. *Селиванова А.Н.* Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов: дис. ... канд. архитектуры. – М., 2009. – 252 с.
5. *Старостенко Ю.Д.* Проблема ансамбля в советском градостроительстве 1920–1930-х гг. в теории и на практике // *Советское градостроительство, 1917–1941.* Кн. 1 / отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – С. 327–385.

Список источников

6. Ансамбль социалистической столицы. Совещание в Оргкомитете Союза советских архитекторов // *Архитектурная газета.* – 1935. – № 48 (27 авг.). – С. 2.
7. *Ильин Л.А.* Планировка Ленинграда и вопросы городского ансамбля // *Архитектурная газета.* – 1937. – № 46 (190). – С. 2.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 7.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 12.
10. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 1.
11. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 7.
12. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 12.
13. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 17.
14. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 18.
15. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 36.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 7.
17. *Чернышев С.Е.* Генеральный план реконструкции Москвы и планировка городов // *Архитектурная газета.* – 1937. – № 46 (190). – С. 1–2.
18. *Чернышев С.Е.* Генеральный план реконструкции Москвы и планировка городов. – М.: Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1937. – 42 с.

Кузеванов В.С.
kuzevanovvs@omsu.ru
ОмГУ, г. Омск, Россия

УДК: 908+ 321.74
ББК: 63.3(2)6-7

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОМСКА 1950-х гг.

Аннотация: В статье рассматриваются основные градостроительные проекты г. Омска 1950-х гг. Проводится анализ архивных источников с опорой на печатные издания для выделения этапов проектирования центра города. Предпринимается попытка установления списка архитекторов, задействованных в разработке схем комплексной застройки города.

Ключевые слова: генплан Омска, градостроительство 1950-х гг., Гипрогор, города Сибири, градостроители.

Введение. Генеральный план застройки города – один из базовых градостроительных документов, позволяющих городским властям выполнять стратегически важные задачи развития территории и промышленности, в том числе строительной отрасли, социально-культурного проектирования. Первый советский генплан Омска разрабатывался в середине 1930-х гг. Новосибирским отделением Горстройпроекта, но из-за низкого качества и отсутствия возможности подвести финансирование проектно-сметной реализации генплан использовался как сетка «красных линий».

После Великой Отечественной войны наступил период реконструкции исторических городов и восстановления разрушенных. Города европейской части страны, подвергшиеся оккупации и уничтоженные врагом, были удостоены внимания ведущих архитекторов. Исторические исследования реконструкции этих городов притягивают громкие имена архитекторов.

Исторические города, куда были эвакуированы предприятия, также нуждались в реконструкции стихийных кварталов, но процесс схемы застройки затягивался на десятилетия. Послевоенные генпланы сибирских городов, таких как Омск, оставались в тени масштабных градостроительных преобразований. Генеральный план Омска середины прошлого века в современной историографии слабо представлен. В отечественной историографии данной теме уделялось крайне мало внимания, так как в основном информация о генпланах Омска 1950-х гг. встречается в трудах, посвященных общей истории градостроительства Сибири: Б.И. Оглы [4], С.С. Духанова [1]. Также лаконично описывают работу по разработке главного градостроительного документа свидетели событий: Е.А. Степанов [5], В.И. Кочедамов [3]. В связи с этим появляется необходимость провести комплексное исследование процесса проектирования генплана в 1950-е гг.

Цель: анализ трансформаций проектных решений генерального плана города Омска 1950-х гг.

Задачи:

- 1) выделить основные этапы проектирования градостроительного плана;
- 2) определить состав групп, участвовавших в разработке генплана города;
- 3) проанализировать основные предложения застройки центра города.

Методология: сопоставительный анализ архивных материалов и печатных источников, содержащих информацию о градостроительных идеях развития Омска 1950-х гг., который дает возможность определить недостатки столичных моделей развития города. Метод исторической реконструкции позволяет определить задачи, поставленные архитекторами в процессе составления генплана.

Нормативно-правовые проблемы управления территориями. Разработка генеральных планов и схем развития территорий городов началась сразу после их освобождения от захватчиков. Постановление СНК РСФСР от 9 августа 1945 г. №488 «О проектах планировки городов и поселков РСФСР» закрепляло требование к строительству городов: «...производить на основе утвержденных проектов планировки» [14].

Небольшое отступление, важное для данной работы: приложение к Постановлению включало «список городов, генеральные планы которых рассматриваются Советом народных комиссаров РСФСР и утверждаются, за исключением тех генпланов, которые подлежат представлению на утверждение в Совнарком СССР». На территории Омской области был обозначен только административный центр – г. Омск.

Постановление также определяло две стадии проектно-планировочных работ: первая – генеральный план; вторая – проект детальной планировки первой очереди. Каждая стадия имела свой состав и порядок утверждения. Пункт 21 постановления возлагал ответственность за осуществление строительства и освоение территорий на главных архитекторов городов и местные органы Государственного архитектурно-строительного контроля Управления по делам архитектуры. Произошла корректировка одной из функциональных обязанностей Управления, которая определялась Постановлением СНК РСФСР от 21 декабря 1945 г. № 996 «Об образовании Управления по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР» (п. 3, пп. «е»).

Разработка генеральных планов – это одна из стратегических задач градостроительной политики государства. Однако решение этой задачи осуществлялось различными путями. Ведущий историк архитектуры Ю.Л. Косенкова, анализируя общегосударственный уровень, приходит к выводу: «Сложившаяся в стране централизованная схема управления застройкой городов, состоявшая из двух дублирующих друг друга, но при этом разнонаправленных по смыслу своей деятельности частей – гражданской и промышленно-отраслевой...» [2, с. 128].

Г.А. Капустин, главный архитектор города Омска, на совещании в Управлении по делам архитектуры (Москва, 3 февраля 1953 г.) [8, л. 37–47] обращал внимание на несовершенство законодательства. «Союзные» министерства для своих предприятий разрабатывают целостный проект, после этого застраиваемую территорию делят на участки так, чтобы сметная стоимость не превышала 5 млн руб. Такой проект утверждается по упрощенной схеме:

1. Утверждает местный орган архитектуры (главный архитектор города).
2. Утверждает министерство.

В этой цепочке исключено важное звено – само Управление по делам архитектуры. Каждая часть разделенного ансамбля утверждается отдельно, поэтому и качество застройки, и сроки реализации, и композиция могут быть различными. Проведение экспертизы было затруднительным процессом из-за финансовых и квалификационных проблем, поэтому они заменялись общественными слушаниями. Эту возможность «замены» предоставили в годы войны.

В Положении о государственном архитектурно-строительном контроле (утв. Постановлением СНК СССР от 16 августа 1944 г. № 1110) предоставлялось право проводить экспертизу в «необходимых случаях». Развитие города осуществляется за счет ведомственного финансирования, поэтому не утверждать новые проекты главному архитектору было не выгодно.

Решение правовых проблем сильно затягивало развитие, местные органы самостоятельно решали вопросы с руководством предприятий – главных застройщиков города. Коренное изменение произошло в середине 1950-х в связи с выходом Постановления СМ СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое определяло конструктивно-планировочную экономию выше идеологически-монументального воплощения. Окончательное утверждение курса на жесткую планомерность и массовость развития пространств города было закреплено Постановлением СМ СССР от 12 июня 1957 г. № 608 «О мероприятиях, связанных с упразднением Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры». Этим же постановлением Гипрогору было передано здание Госстроя РСФСР, что символически определило статус ведущего проектного института.

Творческие поиски столичных проектировщиков и застройка города. В послевоенные годы город нуждался в качественной перестройке городской сетки, но работа затягивалась из-за нехватки кадров и ресурсов. Отдельные части города (даже не районы) имеют непроработанные схемы застройки, составленные в 1940-х гг., не выдерживающие критики. Первые видимые сдвиги начали наблюдаться в начале 1950-х гг.

В пояснительной записке к годовому отчету о принятых в эксплуатацию объектах строительства за 1950 г. начальник инспекции Госархстройконтроля по городу Омску Н.Л. Эйхлер отмечал: «Ген. план г. Омска в стадии разработки. Имеется схема, разработанная Гипрогором и одобренная исполкомом Омского городского совета и комитетом по делам архитектуры РСФСР» [9, л. 26].

В отчете названа причина основных градостроительных неудач. Строительство осуществляется заводами, которые возводят жилкварталы рядом с предприятием на свободных территориях без сноса селитьбы и без учета линий застройки. Решение Горисполкома возводить на главных магистралях заводам не выгодно, так как их задача – как можно быстрее получить жилплощадь без согласования с главным архитектором города. Из отчета: «Заводы в большинстве случаев расположены на окраинах города, а потому и возникли городки, поселки: Восточный, Палаточный городок, рабочий поселок, городок Кордной фабрики, поселок им. Будённого. Застроилась целая улица окраины – 10 линия, 2-х, 3-х, 4-х этажными домами» [9, л. 27]. Эта улица (с 1954 г. носит имя Б. Хмельницкого) застраивалась несколькими предприятиями, которые привлекали исключительно ведомственные силы с 1949 г. [11]. Натурные исследования показывают, что эти «городки» и «рабочие поселки» имеют разноплановую застройку (финские дома, индивидуальные, многоэтажные, капитальные частные) и до сих пор не дают полноценно развивать территорию этих районов.

Необходимо подчеркнуть, что это была системная проблема, которая усложняла работу в целом над самим генпланом и, в частности, не давала возможности определить «красные линии», ширину магистралей.

В юбилейном альбоме Гипрогора указывались имена сотрудников, которые занимались градостроительными проблемами Омска: «Проект планировки и застройки г. Омска разработан в 1950 г. в мастерской № 2 Гипрогора под руководством арх. Ратько И.Н. Основные авторы проекта – Ратько И.Н., арх. Чернокозов К.К., инж.-экон. Отарова Н.А.». Разработчики основывали свои предложения на «сухих цифрах»: в 1949 г. общая численность городского населения составляла 434 тыс. чел., жилой фонд – 1427 тыс. кв. м, 75,6 % одноэтажной застройки. Проектная численность населения Омска принята разработчиками 650 тыс. чел. [6, с. 140].

Старейший архитектор института Владлен Петрович Пастнов отмечал: согласно этому плану московские архитекторы предположили, что Омск перешагнет рубеж в 800 тыс. чел. только в 1980-х гг., поэтому схема была рассчитана на планомерный рост населения. Однако расчеты были неточными. 27 декабря 1975 г. родился миллионный житель города, а в 1980 г. «насчитывалось 13,3 миллиона квадратных метров жилой площади». Концепция и проекты имели ряд недоделок из-за дистанционного проектирования. Московские проектировщики не учли ни социальные, ни производственные факторы застройки. Однако на заседании коллегии Управления по делам архитектуры при СМ РСФСР 22 августа 1950 г. (пред. В.А. Шквариков) сотрудник Гипрогора Ю. Траутман отстаивал противоположную точку зрения: «Мне кажется... что проектные организации должны быть в городах территориально, обеспечивающие все интересы исполкомовских ведомств... в том числе и планировку, потому что без этого работать на местах невозможно» [7, л. 240]. Отдать право на проектирование генпланов крупных городов «на места» означало регионализацию градостроительной политики.

В 1953 г. был представлен глубоко переработанный генплан. Авторы предлагаемого генплана Ю.А. Траутман, Б.С. Маркус и Т.З. Вахвахишвили уделяли внимание планировке центра города, постановке ключевых зданий и высотных акцентов. Новосибирский историк градостроительства и истории архитектуры дает оценку, опираясь на графические источники: «В проекте реконструкции исторического центра Омска архитекторы Гипрогора пытались учесть природно-историческую специфику города» [1, с. 282].

Сложно не согласиться с ученым: эспланада к р. Иртыш, магистрали определены с учетом топографии. Недостатки местными градостроителями были выявлены в композиционном плане. Масштаб застройки был огромен для провинциального города, поэтому снос исторических зданий и расширение существующих капитальных зданий было воспринято негативно. Найденные С.С. Духановым развертки этой детальной планировки центра города в РГАНТД являются единственной обнаруженной графической частью. Примечательно, что под начертаниями проектируемых зданий карандашом нанесены заметки. Под графикой фасада жилого дома Шинного завода надпись: «Проектируемый жилой дом шинного завода». Этот дом возводили в несколько очередей, а угловая часть, выходящая на ул. Лермонтовскую и пр. К. Маркса, в проекте архитекторов А.И. Юмакаева, Д.С. Бутырина отличалась более массивными пропорциями, архитектурно-художественными элементами, масштабом и монументальностью (рис. 1).

Г.А. Капустин на упомянутом выше совещании соглашался, что проектирование Гипрогором идет медленно и требует немалых человеческих ресурсов, поэтому призывал предоставить городу «если не детальный проект, то хотя бы проект в кранных линиях, <в> принципиальных планировок на 1953 год» [8, л. 41].

Рис. 1. Проект жилого дома Омского шинного завода. Авторы: арх. А.И. Юмакаев, инж. Д.С. Бутырин. Омскоблпроект, 1951 г. [13]

Омские архитекторы продолжали руководствоваться своим опытом и общим пониманием концепции города в процессе проектирования точечной застройки города. Работа над генпланом затянулась еще на два года. Изменялись условия и решения городских органов. Например, на стрелке р. Иртыша и р. Омь столичные архитекторы предполагали разместить речной вокзал. Спустя год, на совещании начальника Ниже-Иртышского пароходства, было принято решение возвести пассажирский вокзал по проекту Красноярского вокзала взамен ранее предлагающегося (не на стрелке) Казанского с привязкой оси по ул. Штабной [10, л. 32].

28 июля 1955 г. на заседании архсовета (пред. Б.В. Антипов) один из авторов, К.Н. Созиашвили, представила переработку и корректировку первого варианта проекта, разработанного в 1953 г. [10, л. 1–6] (рис. 2).

Омский архитектор В.И. Пентман, выступая с экспертным заключением, отметил, что Мастерская № 9 Гипрогора внесла изменения: сократила ширину зеленой эспланады, частично сохранила существующую капитальную застройку, отказалась от пробивки ул. К. Либкнехта восточнее Мопра и от прорезки сквера на пл. Дзержинского, заменила район речвокзала реальными объектами, оставив Казанский проект пассажирского корпуса. Дискуссий по поводу нового проекта было очень много, но в основном они сводились к отсутствию в разработчиках местных архитекторов. Значение административного центра устанавливалось в силуэте города высотным акцентом, тем самым сохранялась идея возведения Дома Советов на главной площади города.

Ряд проблем, которые предстояло решить принятием генпроекта, оставались без внимания столичных проектировщиков.

Рис. 2. Проект детальной планировки центра Омска. Эскиз застройки.
 Авторы: арх. К.Н. Созиашвили и др. Гипрогор, 1955 г. [15]

В.И. Кочедамов отмечает, что в 1956 г. Гипрогор представил новую концепцию «реконструкции городского центра, но и он не дал приемлемого решения» [3, с. 80].

В 1957 г. под руководством омского архитектора Е.А. Степанова разрабатывается «проект детальной застройки центра города Омска – район между улицами К. Маркса – рекой Иртыш и ул. Маяковского – рекой Омь» [5, с. 62]. Эта версия стала основной для руководства строительством в центре города. В 1958–1960-х гг. использовали ДП центра для развития схемы размещения нового строительства всего города [12, л. 79].

Выводы. Результаты эвристических исследований показывают, что архивных данные и музейные материалы содержат уникальный материал по проектированию города. Разработка генерального плана развития города Омска на протяжении десятилетия велась не планомерно. Сотрудники Гипрогора не всегда вели изыскания и проектирование, учитывая местные интересы, историческую застройку города и архитектурную специфику. После неоднократных попыток омские архитекторы взяли на себя инициативу проектировки города, начав с детального проекта Омска.

В ходе исследования были определены этапы разработки генплана города, а также участники проектирования городской застройки. Таким образом, задачи статьи были выполнены, а цель работы достигнута.

Список литературы

1. Духанов С.С. Общественные центры городов западной Сибири в послевоенное десятилетие // *Архитектурное наследие*. – 2018. – № 68. – С. 280–292.
2. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 440 с.
3. Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. – 114 с.
4. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – 272 с.
5. Степанов Е.А. Омскгражданпроект / сост. Е.А. Степанов, А.М. Курносенков, Г.Е. Чиркин – Омск: Омскгражданпроект, 1985. – 78 с.

Список источников

6. Гипрогор-85: Исторический экскурс. – М.: Гипрогор, 2014. – 148 с.: ил. [Электронный ресурс]. – URL: <https://drive.google.com/file/d/0B7GEA-M58qzPYVvk4MS1tUTJEa2M/view> (дата обращения: 09.12.2017).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А-150. Оп. 2. Д. 405.
8. ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 724.
9. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 477. Оп. 1. Д. 3.
10. ИсАОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71.
11. Музей имени М.А. Врубеля. Фонд Современной графики. Юмакаев А.И. Профили. 1949 г. Картон, карандаш, акварель, кисть. 58,4×82,2 см. – ВХ-35799.
12. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 2.
13. Музей истории института Омскгражданпроекта. Папка архитектора А.И. Юмакаева.
14. Постановление СНК РСФСР от 9 августа 1945 г. №488 «О проектах планировки городов и поселков РСФСР» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20346#03381224026810654> (дата обращения: 12.05.2018).
15. Текущий архив Омского отделения ВООПИК. Фонд О.Е. Беллана.

Беспалова Д.А.
sagaan09@yandex.ru
 ТГУ, г. Томск, Россия

Научный рук.: д-р. ист. наук Черняк Э.И.

УДК: 711.01/.09

ББК: 85.113

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ТОМСКА 1930–1960-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики проектов генеральных планов города Томска 1939, 1947, 1959 гг.: процентное соотношение разноэтажной застройки и направленность развития селитебной территории. Графически проанализирована основная градостроительная структура города и ее изменения. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: генеральный план, история советской архитектуры и градостроительства, историческая застройка, Томск.

Введение. Градостроительная ситуация каждого населенного пункта зависит от многих факторов: от политики и экономики государства, вектора развития строительных технологий (внедрения новых строительных материалов, разработки и внедрения новых типовых и специальных проектов зданий повышенной этажности), господствующего архитектурного стиля, проекта генерального плана. В период 1930–1960-х гг. для Томска были разработаны несколько генеральных планов. В исследованиях, посвященных генеральной планировке Томска в XX в., были рассмотрены градостроительные идеи генпланов и особенности архитектурно-планировочного развития города в этот период [1; 2]. Рассмотрим основные характеристики и показатели проектов генерального планирования.

Материалы и методы. Источниками данного исследования являются пояснительные записки к проектам генеральных планов и переписка отдела архитектуры города, которые хранятся в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Для публикации применялись графический и описательный методы и сравнительный анализ проектов генерального планирования города Томска.

Результаты исследования. В материалах ГАТО нами были выявлены следующие показатели генпланов 1939–1965 гг. (*табл. 1*).

В пояснительной записке к генеральному проекту 1939 г. отмечается неувязка жилых и промышленных районов с общей композицией города. Данную проблему предполагалось решить с помощью строгого функционального зонирования селитебной территории и тем самым достичь преобразования исторического Томска в социалистический город. В северной и южной частях города было запроектировано строительство промышленных предприятий и жилых кварталов для рабочих, занятых на этих предприятиях. Планировалось устройство нового проспекта путем обустройства оврагов в конце ул. Елизаровых. Новому проспекту предполагалось присвоить имя И.В. Сталина. Общегородской центр проектировался на пересечении главных магистралей города (проспектов Ленина и Сталина) в устье р. Ушайки. В этом месте должны были построить Дом Советов, обустроить вокруг него площадь, а также сохранить уже имеющийся городской сад [3, л. 16–29].

Таблица 1

Сравнительные показатели генеральных планов Томска 1939–1965 гг.

Генеральный план	Проектная организация	Многоэтажная застройка, этажей		Индивидуальное строительство
		4–5	2–3	
1939 г.	Забсибпроект (г. Новосибирск)	...	...	...
1947 г.	Гипрогор (Ленинградское отделение)	20%	60%	30%
1955 г.	Отдел архитектуры (г. Томск)	80%	10%	10%
1959–1965 гг.	Гипрогор (г. Москва)	65%	20%	15%

Генеральный план	Жилая площадь на одного жителя, кв. м		Число жителей города, тыс. чел.	Площадь города, га
	Существующая	Расчетная		
1939 г.	4,54	8–9	...	3000
1947 г.	...	6	230	5000
1955 г.	...	...	370	...
1959 – 1965 гг.	7,40	12	325	...

В проекте генерального плана 1947 г. также предлагалось строительство диагональной магистрали, но уже более масштабное: пр. Сталина должен был соединить пл. Ленина с площадью перед вокзалом Томск I. Планировалась подсыпка набережной в районе устья р. Ушайки, строительство Дома Советов и снос на этой территории рынка. Новое строительство, так же как и в плане 1939 г., планировалось вести в северной и южной частях города. Спортплощадку «Динамо» (ныне стадион «Труд») на пл. Революции (ныне Ново-Соборная) предлагалось убрать и построить здесь театр. На пересечении проспектов Сталина и Кирова планировалось возвести Строительный институт и аэродром. Предполагалось уничтожить жилые дома на заболоченных территориях «Монастырские луга» и «Болото» и на этом месте создать парк (сейчас многие из сохранившихся там жилых домов являются объектами культурного значения). Парковую зону запланировали на месте закрытого кладбища в районе Каштак (сегодня березовая роща) и на берегах р. Ушайки [5, л. 16–25].

В 1955 г. главный архитектор города И. Егоров составил рекомендации относительно дальнейшей разработки генерального плана Томска, в которых критически анализируется проект генерального плана 1947 г. Во-первых, Егоров отклоняет идею диагональной магистрали, обосновывая тем, что Томск – это старый город с исторически сложившейся градостроительной структурой и застройкой. Возведение диагонального проспекта исказит прямоугольную сетку дорог и улиц и затруднит подбор типовых проектов жилых домов для трапециевидной формы кварталов. Во-вторых, Егоров рассматривает дальнейшее развитие городской структуры с позиции сохранения сложившейся градостроительной системы. В рекомендациях предлагается перепроектировать диаметры мощностей инженерной сети, водопровода, канализации, теплофикации, энергоснабжения, так как они уже не справляются с нагрузкой [4, л. 95–99].

Проект генерального плана 1959 г. был выполнен проектным институтом «Гипрогор». В пояснительной записке к проекту сказано, что генеральный план 1947 г. устарел, так как не учитывает изменившейся демографической ситуации. Новый проект основывался на исторически сложившейся структуре города и на том, то было воплощено по генеральным планам 1939 и 1947 гг. Предполагалось развитие города в южном направлении (по Коларовскому тракту, дороге на Богашево) и на юго-восток, к селу Степановка (ныне район города). Появилась идея застройки левого берега р. Томи промышленными предприятиями, жильем и зданиями культурно-бытового назначения, а также возведение нового моста через р. Томь. Планировалось дальнейшее использование существующих инженерных сетей и транспортных коммуникаций для новой застройки. Был запроектирован жилой массив в районе ипподрома (в южной части города) [6, л. 26–28].

Отличительные и сходные характеристики генеральных планов Томска 1939–1965 гг. можно суммировать следующим образом.

А) Отличительные характеристики генеральных планов:

- В генеральных планах 1939 г. и 1947 г. было запроектировано изменение основной градостроительной схемы с прямоугольного разделения улиц на диагональное разделение, тогда как в дальнейшем было принято решение не изменять исторически сложившуюся сетку улиц (рис. 1.1, 1.2).

- В каждом последующем проекте увеличивается процент многоэтажной застройки, уменьшается процент одноэтажной застройки.

- Многоэтажная застройка повышается в этажности: в 1939 г. – четырех-пятиэтажная, в 1947 г. – пяти-шестиэтажная, в 1959 г. – шестиэтажная.

- В генеральных планах 1939 г. и 1947 г. историческая застройка не играет значительной роли, ее рассматривают как жилой фонд. В генеральном плане 1959 г., в отличие от предыдущих планов, предполагается сохранение исторической застройки.

Б) Сходные характеристики генеральных планов:

- Генеральные планы основаны на уже сложившейся застройке.
- Увеличение жилой площади на одного человека.
- Возведение Дома Советов в устье р. Ушайки.
- Освоение незастроенных территорий в северной и южной части города.
- Высокий процент капитального жилищного строительства.
- Многоэтажные здания планируется возводить на главных городских магистралях.

- Увеличение зеленых насаждений в виде парковых зон.
- Расширение инженерных сетей (водоотведения, водоснабжения и электросети и т.п.).

- Освоение незастроенных территорий в северном и южном направлении и в направлении Иркутского тракта (в восточном), а также горы Каштак.

На генпланах 1939–1965 гг. и современной карте города автором нанесены основные магистрали Томска (рис. 1.3, 1.4).

1.1. Проект генерального плана Томска
1939 г. [3, л. 20]

1.2. Проект генерального плана Томска
1947 г. [7]

1.3. Проект генерального плана Томска
1959–1965 гг. [6, л. 12а]

1.4. Современная схема г. Томска 2018 г. [8]

Рис. 1. Основные магистрали Томска 1939–2018 гг.
Графический анализ и фото – Д.А. Беспалова

Заключение. Генеральные планы для города Томска разрабатывались в 1939, 1947 и 1959 гг. В 1955 г. были разработаны рекомендации по улучшению градостроительной ситуации главным архитектором Томска И. Егоровым.

В генпланах 1939 и 1947 гг. проектировалось изменение основной градостроительной схемы введением диагональных магистралей, в последующих проектах от этих идей отказались и ничего подобного не реализовали. Все генеральные планы предполагали развитие города в северном и южном направлениях и увеличение этажности жилых зданий. Как и предусматривалось генпланами 1939–1965 гг., в устье р. Ушайки возвели здание областной администрации, но позже, в 1970-х гг. Вводились типовые проекты для квартальной застройки территорий. Историческая застройка в проектах 1939 и 1947 гг. не имела большого значения, в рекомендациях 1955 г. и проекте 1959 г. отношение к исторической архитектуре изменилось в лучшую сторону: ее предполагалось сохранить. Ни один из проектов не был реализован в полной мере.

В XXI в. развитие города Томска в общих чертах продолжается в том же направлении, что и в рассмотренных проектах генеральных планов XX в.

Список литературы

1. Воронина О.С. История градостроительного развития города Томска в XVII–XX вв. // *Вестник ТГАСУ*. – 2016. – № 1. – С. 91–106.
2. Духанов С.С. Роль градоведческого подхода при разработке генерального плана Томска в 1930-е гг. // *Вестник ТГАСУ*. – 2016. – № 2. – С. 34–43.

Список источников

3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-430. Оп. 1. Д. 728.
4. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 1. Д. 1312.
5. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 7. Д. 44.
6. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 7. Д. 51.
7. ГАТО. Ф.Р-1711. Оп. 1. Д. 15.
8. 2ГИС. Томск [Электронный ресурс]. – URL: <https://2gis.ru/tomsk> (дата обращения: 20.03.2018).

Духанов С.С.
 ssd613@ngs.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия
 Литвинова О.Г.
 litvinovaolga1982@gmail.com
 ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК: 72.036

ББК: 85.113

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ В МОНГОЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВВ.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Аннотация. В статье на материале Монголии рассматривается отечественный опыт международного архитектурно-градостроительного сотрудничества. Результаты обзорных экспедиций и изучения архивных материалов показали, что во второй половине XIX – XX вв. между Россией и Монголией существовали активные архитектурно-градостроительные связи. Пик сотрудничества пришелся на советский период. Однако, как показал анализ литературы, роль отечественных подходов и специалистов в архитектурно-градостроительном развитии Монголии до сих пор остается слабо изученной.

Ключевые слова: история архитектуры и градостроительства, история советской архитектуры, Монголия.

Введение. Сегодня уже позабыто, что в конце XIX – XX вв. Россия была одним из важнейших архитектурных партнеров для целого ряда зарубежных стран. Наиболее ярко эта роль генератора архитектурно-градостроительного развития проявилась в советский период, когда наша страна занимала одно из ведущих мест в социалистической системе. В этот период архитектурно-градостроительное сотрудничество с зарубежными странами имело мировой масштаб, и было особенно интенсивным и всеобъемлющим. Был накоплен уникальный опыт решения вопросов безопасного расселения человека в различных типах природной среды.

Очевидно, что изучение отечественного архитектурно-градостроительного наследия в странах, имеющих принципиально иные природно-климатические и историко-культурные характеристики, актуально для формирования современных архитектурно-градостроительных концепций и комплексного представления о специфике отечественной архитектуры и градостроительства в целом.

Одним из ярких примеров такого сотрудничества является наш ближайший сосед – Монголия (в 1924–1992 гг. – Монгольская народная республика). Советско-монгольские связи были одними из наиболее крепких. Специфика природно-климатических и историко-культурных условий Монголии предопределяла неизбежные трансформации привносимых сюда извне архитектурно-градостроительных идей. Изучение и осмысление процесса и результатов российско-монгольских архитектурно-градостроительных взаимосвязей представляет интерес для специалистов обеих стран.

Материалы и методы. Статья в основном опирается на материал, собранный О.Г. Литвиновой: результаты натурных обследования монгольских поселений и выявленные в российских архивах новые документальные источники. Метод исследования – сопоставление данных архивных документов и натурных обследований со сведениями научной литературы.

Результаты. Двадцатый век стал поворотным этапом в истории Монголии и необратимо изменил ее облик. Становление Монголии как независимого государства тесно связано с революционными преобразованиями начала XX в.: Синьхайской революцией в Китае (1911–1913 гг.), а также революцией и гражданской войной в России (1917–1922 гг.).

С момента обретения Монголией независимости в 1921 г., РСФСР принимал непосредственное участие в развитии страны. Советские специалисты – архитекторы и инженеры – работали в Монголии и принимали активное участие в разработке проектов районных планировок, генеральных планов городов и поселений, промышленном и гражданском строительстве. Благодаря этому, в течение XX в. был накоплен огромный опыт интеграции и трансформации привнесенных архитектурно-градостроительных идей в местных природно-климатических и социально-экономических условиях.

Однако, как показывает анализ научных трудов, этот опыт фактически не изучался. Сама история военно-политических и экономических взаимоотношений изучена вполне исчерпывающе, однако материальное наследие второй половины XIX – XX вв. в виде градостроительных, инженерных и архитектурных объектов, разбросанных практически по всем малым и средним населенным пунктам, осталось без должного внимания историков, географов, архитекторов и градостроителей. Дореволюционный опыт архитектурных взаимоотношений двух стран, по сути, игнорировался. Может сложиться впечатление, что в архитектуре и градостроительстве страны во второй половине XIX – начале XX вв. не происходило заслуживающих внимания новых явлений и тенденций, поскольку Монголия находилось на далекой периферии мировых архитектурных центров и в ней имело место лишь традиционное культовое и народное зодчество. Это может быть связано с тем, что исследователи изучали главным образом традиционную, в основном, культовую архитектуру, а также кочевую культуру и взаимосвязи последней со средой жизнедеятельности [3; 7; 9].

Исследователей архитектуры Монголии 1920–1980-х гг., прежде всего, интересовали проблемы формирования национального стиля, взаимосвязи с общесоветскими тенденциями, стилистическими направлениями и этапами советской архитектуры и изобразительного искусства [6; 8; 10]. При этом рассматривались отдельные, как правило, наиболее эффектные, архитектурно-градостроительные проекты и постройки. Проблемы адаптации и трансформации привнесенного опыта в местных условиях, как правило, не изучались. В целом же, роль и место, плюсы и минусы советских архитектурно-градостроительных концепций в процессе интеграции и трансформации среды жизнедеятельности Монголии не получили должного освещения.

В центре внимания современных исследователей, как монгольских, так и отечественных, как правило, оказывается не изучение историко-архивного материала, а актуальные вопросы наших дней – главным образом, градостроительные проблемы столицы страны Улан-Батора: урбанизация, экология и т.п. [1; 2; 4; 5].

Таким образом, анализ литературы показал, что внимание исследователей, как правило, было сосредоточено не на процессах взаимодействия и интеграции, а на двух крайних, противоположных, позициях. Одни изучали традиционное зодчество, олицетворявшее неизменность монгольской архитектурной среды, другие – наиболее яркие примеры новой архитектуры, формирующие образ развитой со-

временный страны. Как этот подход соотносится с архивными и обследовательскими данными?

Предварительные историко-архивные исследования, а также натурные обследования в ходе двух обзорных экспедиций в Монголию в 2017 и 2018 гг. показали, что масштабы российско-монгольских архитектурно-градостроительных связей были значительно шире и охватывали территорию практически всей страны.

В Российском государственном историческом архиве, в фонде № 1424 «Карты, планы и чертежи учреждений, ведавших промышленностью и торговлей», были выявлены карты судоходных рек, которые в 1913 г. относились к Томскому округу путей сообщения [13, л. 5]. Эти источники меняют представления о водно-сухопутных путях сообщения между Россией и Монголией в конце XIX – начале XX вв.

Во-первых, это материалы работавших в Монголии исследовательских партий инженеров Томского округа путей сообщения: они изучали водные и сухопутные пути и фиксировали сложившуюся систему расселения. Сопроводительные записки инженеров и отчеты исследовательских партий содержат описания не только приграничных поселений с Монголией, но и кратко характеризуют российские торговые фактории в районе современного Улан-Батора и в других монгольских населенных пунктах.

Во-вторых, это картографические материалы Военно-топографического управления Генерального штаба Российской императорской армии. Так, на карте верховьев реки Енисея 1887–1891 гг. зафиксированы сложившиеся к этому времени русско-монгольские речные и сухопутные торговые пути и система возникших на них оседлых поселений.

Из этих документов следует, что на рубеже XIX–XX вв. российское Министерство путей сообщения активно исследовало судоходные возможности Урянхайского края (современная Республика Тыва) с целью организации транспортной инфраструктуры на путях сообщения с Китаем. В 1900-х гг. Томский округ путей сообщения направлял исследовательские партии в верховья Енисея, Селенги, Тэса, Орхона, Лены, Зеи и Амура. Картографические материалы, составленные в этот период, наглядно демонстрируют, что в 1907 г. границы Томского округа путей сообщения включали судоходные реки на территории Монголии. Анализ этих материалов позволил выдвинуть гипотезу о том, что система русских поселений на Обь-Енисейском водном пути не ограничивалась современными геополитическими границами в районе Кяхты, а имела логическое продолжение в направлении к границам Китая. Это логично вытекает из географического положения Монголии на путях сообщения между Россией и Китаем.

Роль таких путей в формировании системы расселения страны очевидна. Однако, как ни парадоксально, сегодня отсутствуют углубленные исследования в области истории градостроительства Монголии, где бы изучалась взаимосвязь системы расселения и путей сообщения.

Еще больше материала оставил советский период. Обзорные экспедиции 2017 и 2018 гг. и анализ современных картографических источников (рис. 1–6) позволили наглядно убедиться в том, что система населенных пунктов Монголии по-прежнему локализуется на исторически сложившихся путях сообщения, а архитектурно-планировочное развитие оседлых поселений Монголии в советский период, несомненно, заслуживает отдельного изучения.

Рис. 1. Центральная часть г. Сайншанд. Фото из космоса, 2018 г. [11]

Рис. 2. Центральная часть г. Бор-Ундер. Фото из космоса, 2018 г. [11]

Рис. 3. Административное здание, г. Ульгий. Фото Литвиновой О.Г., 2017 г. [12]

Рис. 4. Типовые жилые дома, г. Даланзадгат. Фото Литвиновой О.Г., 2018 г. [12]

Рис. 5. Здание школы, г. Улаангом. Фото Литвиновой О.Г., 2017 г. [12]

Рис. 6. Административное здание, населенный пункт при угольном разрезе Хотгорын-Нурский-Урхай. Фото Литвиновой О.Г., 2017 г. [12]

Эти поселения имеют характерный архитектурно-градостроительный облик и, как правило, состоят из двух принципиально отличающихся по характеру застройки и планировки частей (рис. 1–2):

- а) Центральная часть – капитальная застройка 1940–1980-х гг., организованная в кварталы и микрорайоны с регулярной системой улиц. Приемы планировки и типовые проекты зданий свидетельствуют о несомненном влиянии советских архитектурно-градостроительных подходов.

- б) Периферия – система так называемых юрточных кварталов, застроенных объектами традиционного народного зодчества (дворами-загонами и юртами); имеет свободную, привязанную к ландшафту, «ленточную» планировку.

Типовая застройка советского периода (с жилой, административной, хозяйственно-бытовой и культурно-развлекательной функциями) присутствует практически в каждом среднем и малом населенном пункте (рис. 3–6). На пути следования также встречались руины бывших животноводческих и сельскохозяйственных комплексов. Налицо масштабные преобразования, которые охватили территорию практически всей страны и имели свою специфику.

В отечественном архитектуроведении этот интереснейший и поучительный опыт реализации советского архитектурно-градостроительного проекта в специфических природно-климатических и историко-культурных условиях Монголии до сих пор не получил должного освещения.

Выводы. Несмотря на то, что Монголия занимает центральное положение на карте Азии, история ее архитектуры и градостроительства конца XIX – XX вв. еще во многом остается «белым пятном».

1. Происходившие во второй половине XIX – XX вв. масштабные преобразования архитектурно-градостроительной среды охватили территорию практически всей Монголии, причем российско-монгольское сотрудничество сыграло в этом процессе значимую, если не ведущую роль. Однако до сих пор исторический материал этого периода остается во многом неизученным. Не раскрыта роль и не определено место русско-советского архитектурно-градостроительного наследия в истории архитектуры и градостроительства Монголии.

2. Проблема интеграции и трансформации среды жизнедеятельности Монголии в период активного сотрудничества с Россией не была предметом специального комплексного исследования. Затрагивались лишь отдельные аспекты этой проблемы. В результате отсутствует анализ ключевых аспектов архитектурно-градостроительного развития населенных пунктов Монголии в XX в. Не определено влияние привнесенных архитектурно-градостроительных идей на эволюционные процессы в архитектуре и градостроительстве страны. По-прежнему открыт вопрос о том, насколько корректны были те или иные архитектурно-планировочные решения.

Список литературы

1. Батболд Б.М., Корнев В.И. Развитие зеленого строительства в городе Улан-Баторе (Монголия) // *Избранные доклады II Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Молодежь, наука, технологии: новые идеи и перспективы (МНТ-2015)»*. – Томск: ТГАСУ, 2016. – С. 367–368.
2. Бреславский А.С. Улан-Батор и «пригородная революция» // *Азия и Африка сегодня*. – 2017. – № 1 (714). – С. 53–56.
3. Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. Очерки по истории / Д. Майдар. – М.: Стройиздат, 1971. – 244 с.
4. Нарантуяа Н. Планировка и застройка Улан-Батора // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. – 2016. – № 4 (19). – С. 177–189.
5. Нарантуяа Н. Три проблемы планировки и застройки города Улан-Батора // *Архитектура и дизайн: история, теория, инновации*. – 2018. – № 3. – С. 16–20.
6. Ткачев В.Н. История монгольской архитектуры / В.Н. Ткачев; МГСУ. – М.: Изд-во Ассоц. строит. вузов, 2009. – 288 с.
7. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века / Н.-О. Цултэм. – М.: Изобразительное искусство, 1982. – 231 с.
8. Чутчева К.А. Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы: Автореф. дис. ... канд. искусств. (17.00.04) / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 26 с.
9. Щепетильников Н.М. Архитектура Монголии / Н.М. Щепетильников. – М.: Госстройиздат, 1960. – 245 с.
10. Wu H., Liu D. Architecture history of Ulaanbator: architecture style and form in different time period // *Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ*. – 2012. – Т. 1. – С. 222–227.

Список источников

11. Картографические данные Google, Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.google.ru/maps/> (дата обращения: 15.09.2018).
12. Литвинова О.Г. Личный архив.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1424. Оп. 5. Д. 20.

Духанов С.С.
 ssd613@ngs.ru
 НИИТИАГ (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
 г. Москва, Россия

УДК: [72.036+711.4.03](571.1)
 ББК: 85.113

АРХИТЕКТУРНАЯ РЕФОРМА КОНЦА 1950-х – НАЧАЛА 1960-х гг. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ

Аннотация. Как свидетельствуют архивные материалы, уже в конце 1950-х гг., на начальном этапе проведения архитектурной реформы, в Западной Сибири вспыхнула ожесточенная идейная борьба между сторонниками универсального и регионального подходов. Причиной борьбы стало то, что внедряемые сверху универсальные приемы и типовые решения противоречили региональной специфике Западной Сибири. Ранее считалось, что в Западной Сибири начало реформы было воспринято местными архитекторами исключительно позитивно, а негативные стороны проявились и были осознаны проектировщиками лишь позднее, в 1970–1980-х гг.

Ключевые слова: история советской архитектуры и градостроительства, жилищная реформа Н.С. Хрущева, Западная Сибирь, региональные особенности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.18.

Введение. Одним из ключевых моментов в истории советской архитектуры была архитектурная реформа второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. [1; 4; 5; 11; 12; 14]. Возникшая в ходе реформы идейная борьба рассмотрена на общесоюзном уровне и материале национальных республик СССР [2; 3; 13; 15]. На историко-архивном материале Западной Сибири изучалась идейная борьба более позднего периода – середины 1960-х – 1980-х гг. [7–10]. Сама же реформа связывалась, прежде всего, с положительными примерами новой архитектуры, такими, как Академгородок СО АН СССР [6, с. 170–175, 178–182]. Из этого могло сложиться впечатление, что в Западной Сибири «борьба идей» началась уже после окончания реформы, как реакция на ее негативные последствия. Однако первоисточники опровергают такие рассуждения.

Материалы и методы. Материалы творческих совещаний и публикаций конца 1950-х – начала 1960-х гг. свидетельствуют о том, что в Западной Сибири именно начало реформы привело к ожесточенной борьбе среди архитекторов. Сопоставительный анализ помогает выявить основные вопросы идейной борьбы и ее наиболее активных участников.

Результаты. Из анализа источников следует, что своеобразной «точкой отсчета» борьбы стало творческое совещание в Новосибирске в январе 1958 г. [18]. Озвученные на нем проблемы и «линии разлома» оставались ведущими в течение последующих десятилетий, вплоть до конца 1980-х гг.

Наиболее активными участниками идейной борьбы стали две группы архитекторов – сторонники универсального и регионального подходов.

Сторонниками универсальных принципов проектирования и внедрения готовых приемов из зарубежного опыта были в основном архитекторы, работавшие

в центрально-европейской части страны: руководители центральных управлений и отделений Союза советских архитекторов, главные архитекторы ряда городов.

Сторонниками регионального подхода были архитекторы, имевшие опыт проектирования в районах со сложными природно-климатическими условиями. В Западной Сибири их ядром были местные архитекторы, работавшие в городских и региональных (так называемых «зональных») проектных организациях, главные архитекторы городов (Новосибирска, Омска, Сталинска и др.).

1. Градостроительные вопросы. Сторонники обоих подходов смотрели на сложившиеся к этому времени города Западной Сибири с разных позиций. Сторонники универсального подхода считали, что развитие города подчиняется исключительно генеральному плану. И если в Западной Сибири компактные генпланы были нарушены, то главная причина этого явления – недостаток «проектной воли» архитекторов [18, л. 38–39, 41–42, 99–100]. Сторонники регионального подхода, напротив, исходили из объективных факторов градоформирования. Разбросанность застройки была следствием изначального разбросанного размещения промышленных предприятий в 1920–1950-х гг., которое, в свою очередь, обуславливалось расчлененным характером западносибирского ландшафта. Соответственно, города Западной Сибири в конце 1950-х гг. не «распадались», подобно западноевропейским, а наоборот, еще не начали «срастаться» [18, л. 7, 9, 59–60, 90–91, 145].

Противоположное понимание реальных градостроительных процессов закономерно привело к столкновению и по вопросу о дальнейшем развитии западносибирских городов и размещении новых микрорайонов.

Сторонники универсального подхода отстаивали концепцию «компактного города». Они считали, что города надо объединять вокруг их «естественного композиционного стержня» – долины крупной реки. Поэтому в городах Западной Сибири новые микрорайоны необходимо размещать на свободных приречных территориях – по берегам Иртыша, Оби и Томи. Это позволит сформировать «компактный город» и его эффектный «речной фасад», а главное – буквально выполнить правительственное постановление 1957 г., требовавшее размещать новое строительство только на свободных территориях и запретившее застройку со сносом [18, л. 45–46, 49–50, 54, 62–63, 84–85, 88, 101–103].

Напротив, местные проектировщики считали, что в реальных условиях Западной Сибири того времени такой подход приведет не к объединению городов, а к их дальнейшему рассредоточению. Долины крупных рек находились на далекой периферии сложившихся районов; их предстояло осваивать «с нуля». Это требовало огромных затрат на инженерную подготовку и создание инфраструктуры, стоимость которой составляла до 60% стоимости гражданского строительства. При остром дефиците государственного финансирования наиболее экономичным решением была реконструкция существующих районов с ветхой застройкой. Здесь имелись необходимые сети и культурно-бытовые учреждения, территории не требовали инженерной подготовки и располагались вблизи мест приложения труда [18, л. 14–16, 28–33, 35, 77, 92, 116–118, 133–134; 17, л. 68–70; 19, л. 113, фото 1–5].

Сторонники универсального подхода отстаивали широкое применение в Западной Сибири приемов свободной застройки, широко заимствованных из зарубежного опыта. Для них на первом месте были инженерно-технические факторы, позволявшие снизить стоимость строительства: открытая свободная застройка

упрощала решение вопросов инженерной подготовки, инсоляции, коммуникаций, благоустройства и в целом планировочной организации микрорайонов [18, л. 51, 140–141]. Однако сторонники регионального подхода уже с конца 1950-х гг. выступали против открытой застройки. Они доказывали, что не меньшее значение имеют условия проживания (микроклимат). Поэтому в Западной Сибири жилые здания и дворовые пространства обязательно нужно защищать («закрывать») от господствующих юго-западных ветров, пылевых и снежных заносов при помощи особых приемов застройки и озеленения [18, л. 65–66, 95; 19, л. 113, фото 1–5; 21, с. 277–278; 20, с. 36, 43–45]. Об ожесточенности борьбы по этому вопросу свидетельствует тот факт, что, например, приемы застройки Академгородка в течение 1957–1960 гг. авторы проекта были вынуждены перерабатывать трижды [18, л. 51, 52; 19, л. 97, фото 1, л. 96, фото 2].

2. Архитектурные вопросы. Ожесточенная борьба развернулась вокруг принципов типового проектирования гражданских зданий.

В типовом проектировании доминировал универсальный подход, который проводился в жизнь центральными инстанциями и проектными институтами. Этот подход основывался на универсальных же принципах проектирования: инсоляции и температурном режиме. По этим критериям, на основе усредненных показателей, территория СССР была тщательно разделена на множество климатических подрайонов. Для каждого из них назначались свои серии типовых проектов. Различия между этими проектами состояли, прежде всего, в инженерно-технических параметрах: ориентации и высоте помещений, толщине стен, мощности отопительных систем и т.д. [21, с. 277; 22, с. 47, 49; 23, с. 3, 9, 11, 15–19]. Этот универсальный, почти механистический, подход был удобен с точки зрения централизованного управления проектно-строительной инфраструктурой в масштабе всей страны.

Местные архитекторы оспаривали такой умозрительный подход и доказывали, что он вступает в противоречие с реальными условиями региона. Универсальный подход, основанный на опыте, полученном в районах с умеренным климатом, игнорировал наличие в Западной Сибири целого комплекса очень специфичных, крайне суровых и дискомфортных для проживания человека климатических факторов. Так, в Западной Сибири, из-за господствующих юго-западных ветров и яркого летнего солнца, юго-западное, наиболее инсолируемое, направление, было наименее благоприятным как в зимний, так и в летний периоды [21, с. 277; 20, с. 3–4, 27–29, 35–36; 23, с. 25–26]. Поэтому, например, изрезанные планы типовых проектов детских учреждений, служившие для обеспечения норм по инсоляции и сквозному проветриванию, в Западной Сибири способствовали снежным заносам зданий и ухудшению микроклимата помещений – переохлаждению зимой и перегреву летом [22, с. 47–48, 49].

Универсальный подход игнорировал социально-экономическую специфику Западной Сибири. В проектировании жилища он опирался на типовые проекты «однодневки» и предполагал их непрерывную смену: создание все новых, еще более разнообразных, типов секций, и, соответственно, дальнейшее дробление сил проектных и строительных организаций. Однако для Западной Сибири были характерны острый дефицит вложений в гражданское строительство и крайняя неразвитость проектно-строительной базы. Поэтому местные архитекторы предлагали не разделять, а напротив, объединять наличные ресурсы. Прежде всего, максимально сократить число типов секций для Западной Сибири (в идеале – до

одной в каждом городе). Для этого брать за основу «долгоиграющие», «на вырост» типы секций, которые бы имели конструктивный потенциал для долговременной модернизации и адаптации к западносибирским условиям. Выявлять лимитирующие факторы, общие для смежных подрайонов Западной и Восточной Сибири. Все вместе это позволило бы унифицировать конструктивные параметры секций (высоты помещений и т.д.) и сократить чрезмерное число типов секций на основе объективных, а не умозрительных факторов. Чем меньше будет типов секций, тем больше сил и времени будет вложено в их эффективную адаптацию к местным условиям. Тем большей будет и кооперация домостроительных предприятий, что создаст условия для увеличения объемов производства собственно архитектурных деталей, которыми и определяется разнообразие архитектурной среды [22, с. 43–45, 48–49; 16, л. 64, 185].

Выводы. Таким образом, материал по Западной Сибири конца 1950-х – середины 1960-х гг. свидетельствует о том, что ожесточенная идейная борьба развернулась вместе с началом реформы, а одной из важнейших линий этой борьбы стало столкновение сторонников универсального и регионального подходов. Первые ставили во главу угла умозрительные схемы, делали ставку на новаторство и понимали реформу как разрыв с предшествующим периодом. Для вторых, напротив, на первом месте были объективные факторы, прежде всего, специфика Западной Сибири. Они стремились к преемственности, к объединению «старого» и «нового», будь то проектный опыт, застройка или инфраструктура.

Не менее интересен архитектурно-градостроительный «срез» полемики. До сих пор реформа связывалась с немедленным и безоговорочным подчинением архитектора инженеру-строителю. Однако, как следует из материалов дискуссий конца 1950-х – начала 1960-х гг., в это время идейная борьба во многом велась в категориях предшествующего периода («компактный город» и т.п.), а основное внимание архитекторов было приковано к собственно архитектурным и градостроительным вопросам. Для архитекторов экономические показатели были не целью, а следствием тех архитектурно-градостроительных подходов, которых они придерживались. Отсюда и разное понимание этих показателей. Если сторонники универсального подхода обосновывали свои архитектурно-планировочные и пространственно-композиционные решения узкими, чисто строительными затратами, то сторонники регионального подхода – расчетами всего комплекса затрат.

Список литературы

1. Долголюк А.А. Индустриализация и рост технической оснащенности строительного производства в Сибири в 1946–1990-е годы // *Вестник ВЭГУ*. – 2013. – № 3 (65). – С. 87–93.
2. Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды / Ю.Л. Косенкова // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2009. – № 5. – С. 15–19.
3. Косенкова Ю.Л. Долгий путь к городу. К постановке проблемы изучения советского градостроительства 1950-х – начала 1980-х гг. [Электронный ресурс] / Ю.Л. Косенкова // *Интернет-вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Политематическая*. – 2011. – Вып. 3 (17). – URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Kosenkova-2011_3\(17\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Kosenkova-2011_3(17).pdf) (дата обращения: 30.11.2018).
4. Косенкова Ю.Л. Советский город 1950–1960-х годов: в поисках новых концепций / Ю.Л. Косенкова // *Градостроительство*. – 2012. – № 4 (20). – С. 80–83.
5. Меерович М.Г. От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущева / М.Г. Меерович // *Вестник ТГАСУ*. – 2016. – № 2. – С. 28–33.

6. *Невзгодин И.В.* Архитектура Новосибирска / И.В. Невзгодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 204 с.
7. *Стась И.Н.* Дискуссия о строительстве городов нефтяников Западной Сибири (по материалам конференции 1966 г. в г. Тюмени) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* – 2015. – № 2. – С. 13–23.
8. *Стась И.Н.* От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.) / И.Н. Стась. – Сургут: Дефис, 2016. – 258 с.
9. *Туманик Г.Н.* Тобольск: Поиск концепции градостроительного развития исторического города / Г.Н. Туманик. – Новосибирск: НГАХА, 2005. – 124 с.
10. *Туманик Г.Н., Колпакова М.Р.* Мы проектируем город. Новосибиргражданпроект: 1970-е – 1980-е годы / Г.Н. Туманик, М.Р. Колпакова. – Новосибирск: НГУАДИ, 2018. – 238 с.
11. *Хан-Магомедов С.О.* Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс] / С.О. Хан-Магомедов. – URL: <http://niitiag.ru/publications/biblio/52-hruschevskiy-utilitarizmplyusy-i-minusy.html> (дата обращения: 20.12.2015).
12. *Хмельницкий Д.С.* Реформы Хрущева. Что случилось с советской архитектурой в пятидесятые годы? [Электронный ресурс] / Д.С. Хмельницкий. – URL: <http://gefter.ru/archive/21563>; (дата обращения: 20.09.2018).
13. *Хрутин К.Г.* Градостроительная проблематика в деятельности Академии строительства и архитектуры СССР (1955–1963 г.г.) // *Градостроительство.* – 2012. – № 4 (20). – С. 89–94.
14. *Хрутин К.Г.* Участие Академии строительства и архитектуры СССР в реализации жилищной реформы в 1950–60-е годы // *Архитектура и строительство России.* – 2012. – № 10. – С. 24–30.
15. *Якушенко О.* Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция западного опыта в советской архитектуре конца 1950-х – 1960-х годов // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* – 2016. – № 2. – С. 76–102.

Список источников

16. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91.
17. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 155.
18. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 168.
19. Музей истории архитектуры им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5.
20. *Ливкин В.М.* Архитектурно-планировочная организация застройки в условиях Сибири. (Науч.-техн. обзор). – М.: Центр науч.-техн. информации по гражд. строительству и архитектуре, 1967. – 98 с.
21. Планировка и застройка жилых районов и микрорайонов в городах Кузбасса / Под общ. ред. В.И. Зарецкого. – Новосибирск, 1961. – 438 с.
22. Роль архитекторов в формировании жилой среды городов Сибири и Дальнего Востока: VIII Пленум Правления СА СССР, Красноярск, 7-8 июня 1979 г. / Союз архитекторов СССР; Отв. ред. И.В. Шишкина. – М.: Б.и., 1980. – 143 с.
23. *Храненко Н.Ф.* Городская квартира в условиях центральной зоны Сибири (на примере г. Новосибирска): Автореф. дис. ... канд. арх. / Н.Ф. Храненко; НИСИ им. В.В. Куйбышева. – Новосибирск, 1970. – 28 с.

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Зайкова Т.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 372.874
ББК: 74.48

«НАШ ОБЩИЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ»

Аннотация. В статье на примере жизни и деятельности профессора Императорской Академии художеств художника П.П. Чистякова рассматривается роль личности учителя в процессе обучения изобразительному искусству. Исследование основано на воспоминаниях его современников и учеников.

Ключевые слова: П.П. Чистяков, художник, учитель, письма, воспоминания, педагогическая система.

«Учитель, который бродит, окруженный своими последователями, в тени храма, делится не своей мудростью, но скорее своей верой и своей способностью любить».

Джебран Халиль Джебран

Павел Петрович Чистяков (1832–1919 гг.) – легенда (*рис. 1*). Великий преподаватель Императорской Академии художеств, не оставивший после себя трудов по методике своей деятельности, и блестящий художник, не оставивший после себя огромного творческого наследия. Но результатом жизни и деятельности этого человека стало творчество его великих учеников, тех, кто почитал его за своего единственного учителя, любил его и верил ему. Это удивительная love story – история о взаимной любви, плодами которой стали великие произведения искусства, созданные русскими художниками той эпохи, будоражащие сердца и умы всех, кто соприкасается с этими творениями. Было создано искусство, которое не является красивой картинкой, а способное изменить человека к лучшему.

Те, кто учился у Павла Петровича, называли себя чистяковцами. Его великими учениками, ставшими славой и гордостью русского искусства, были художники Репин, Серов, Врубель, Суриков, Полenov, Нестеров, Савинский, Борисов-Мусатов... [1–5]. Сотни учеников прошли чистяковскую школу и лучшие из них дополнили сокровищницу национального искусства своими произведениями, несущими отпечаток гениальности учителя.

«Всеобщий педагог русских художников» – будто отлитый в слове монумент звучит сегодня стасовская оценка деятельности Павла Петровича Чистякова. Современники сумели воздать должное учителю, его «живому чисто русскому уму, из которого столько поколений русских художников черпали ценные советы, как художественные, так и чисто жизненные», по выражению пейзажиста Н.Н. Дубровского [5, с. 6].

Рис. 1. Репин И.Е. Портрет художника П.П. Чистякова. 1878 г. [6]

Он не оставил после себя мемуаров – все, что мы знаем об этом великом человеке, мы знаем из воспоминаний и писем его учеников и современников, а они писали о нем так:

- «Наш общий и единственный учитель» – И.Е. Репин.
- «Павел Петрович всегда открывает новое, толкает идти вперед» – В.Д. Поленов.
- «Я любил его оригинальный ум и самобытную образную речь и такую русскую, русскую душу его» – М.В. Нестеров.

- «Вы первый заставили смотреть меня на искусство как на дело самое важное, как на дело, требующее самого серьезного и нравственного к себе отношения и самых больших жертв» – В.Э. Борисов-Мусатов.
- «... Чем больше работаем и учимся мы, тем более понимаем, что у Вас одного люди учились в Петербурге» – И.Э. Грабарь, Д.Н. Кардовский.
- «Желал бы называться Вашим сыном по духу» – В.М. Васнецов [5, с. 70].

Вся жизнь и деятельность Павла Петровича была связана с Императорской Академией художеств. Почти 12 лет учебы, более двух десятилетий преподавания и столько же – руководство мозаичным отделением. Чистяков был историческим живописцем и портретистом (*рис. 2*), автором, хотя и не многих, но прозвучавших в свое время произведений. Как педагог он создал оригинальную систему подготовки художников, соединившую достижения классической русской художественной школы с заветами реализма второй половины XIX в. Система Чистякова, о которой постоянно вспоминали то с надеждой, то с сомнением, вызывала и будет вызывать неизменный интерес уже потому, что попала в историю изобразительного искусства, дав миру великие имена русских художников.

Многогранную натуру Чистякова, помимо изобразительного искусства и художественной педагогики, интересовала классическая и народная музыка, театр и литература, наука, вопросы философии и религии. И.Е. Репин, которого с семьей учителя связывала многолетняя дружба, вспоминал: «П.П. Чистяков представлял собой экземпляр чистейшей классики. Огромный круглый череп мудреца, симпатичный голос и безукоризненная чистота в костюме внушали к нему решпект. Форма гения не заключалась в одной внешности. Эта философская голова всегда одержима была какой-нибудь идеей. Он, например, все время был полон летательным снарядом (в то время еще никому не удалось полететь). В речи его, при самом простом разговоре, постоянно вылетали афоризмы». Не удивительно, что при такой многосторонности интересов круг знакомых и друзей Чистякова не ограничивался исключительно художественной элитой. В него входили ученые (Д.И. Менделеев, А.Н. Коркин, Ф.Ф. Петрушевский), певцы и музыканты (В.В. Андреев, Н.Н. Буслов, В.Е. Савинский), писатели и поэты (О.Д. Форш, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский) [5, с. 8]. Многие из чистяковских учеников и добрых знакомых гостили в его доме.

Это лишь основные штрихи к портрету-образу П.П. Чистякова – человека, посвятившего себя служению – искусству, Отечеству, людям и тому, во что он свято верил.

Хотя я и художник, я не буду писать портрет Чистякова – его прекрасные портреты создали его современники. Ему не воздвигнут памятник, но признать заслуги человека – это не только назвать его именем улицу или установить памятник. Важнее, чтобы память была живая, а не мумифицированная. Чтобы что-то понять, мало увидеть портрет или изваяние – нужно сесть и почитать...

«Мы читаем книгу, – писал О.Э. Мандельштам, – чтобы запомнить, но в том-то и беда, что прочесть книгу можно, только припоминая». И вот что припомнилось мне, когда я читала и перечитывала воспоминания современников о П.П. Чистякове. Я вспоминала то, что говорил мне когда-то мой учитель, художник В.К. Колесников, и что он рассказывал мне про своего учителя, художника К.А. Черных. Они не были преподавателями, но остались те, кто почитает их за своих учителей.

Рис. 2. П.П. Чистяков. Портрет С.П. Чихачевой. Около 1860 г. [7]

Однажды, будучи еще студенткой, я показала свои рисунки одному человеку. Он посмотрел их, одобрил и спросил: «А кто твой учитель?» Этот вопрос поставил меня в тупик. Я не могла назвать конкретного человека и начала говорить, что у меня нет учителя, но я училась, разглядывая картины Врубеля, Серова, Репина, – они мои учителя. Тогда он закрыл папку с моими работами, отодвинул ее от себя и сказал: «Что ж... значит ты еще не художник. Ты просто человек, хорошо умеющий рисовать. А у художника должен быть живой учитель, тот, кто, уходя, вдохнет в него жизнь».

И именно обретя своего учителя, я впервые услышала от него фамилию – Чистяков. И узнала, что у всех моих любимых художников был один учитель. Когда нам преподавали историю искусств, то рассказывали о творчестве художников, но не об их учителях. Именно тогда я по крупицам начала собирать информацию об этом человеке, читать и пытаться понять, как и чему он учил моих ку-

миров. Читая толстые фолианты о педагогической системе Академии художеств, я приходила к выводам, что мои преподаватели учили меня рисовать именно по системе Чистякова. Меня учили трем основным цветам в живописи и методу анализа любой формы, обобщая ее до понятного геометрического тела. Я слушала своих преподавателей, но не слышала их, пользовалась этими методами, но не вникала в суть. Потому что это была лишь методика, научившая меня рисовать, но не сделавшая художником. И я поняла, что докопалась до сути, нашла сокровище, только почитав воспоминания современников о П.П. Чистякове. Его коллеги писали, что Чистяков говорил так: «Нужно умение эмоционально воспринимать изображаемое, то есть быть не бездушным регистратором события, не смотреть на него глазами полицейского, а глазами свидетеля, более того – живого непосредственного участника» [3, с. 258]. Поневоле врезались в память ставшие притчей во языцех его высказывания: меткое – «И верно, да скверно!», назидательное – «Чем ближе к натуре, тем лучше, а точь-в-точь – так нехорошо» или хлесткое – «И правда, кричащая не на месте, – дура!» [5, с. 18]. Тогда я поняла, чем учебная работа отличается от творческой, а также куда и как продвигаться дальше. Много раз за время своей учебы я слышала что-то подобное, но восприняла это как руководство к действию только тогда, когда прочитала живые слова человека, чьих учеников я безгранично люблю и чьим словам я безоговорочно поверила. Любовь и вера оказались сильнее мудрости и научили меня большому.

А еще, читая о Чистякове, о том, как внимательно он относился к смыслу слов, я припомнила, как однажды сказала своему учителю, Владимиру Климентьевичу Колесникову, что собираюсь идти на работу, а он поправил меня, сказав: «Ты преподаватель и ты идешь вести занятия в высшем учебном заведении – храме науки и искусства. В храме не работают, а трудятся – трудятся душой. Работа – это от слова “раб”, работает раб на своего хозяина и получает за работу пайку, а ты трудишься, и если будешь трудиться хорошо, то получишь за свой труд награду». Мы подзабыли, что, по известной классификации, преподаватели относятся не к рабочим или крестьянам, а к служащим. Мы ходим в университет не на работу, а на службу. А что есть служение? Служат в храме, когда стоят перед лицом своего Бога и внимают его учению. В храм приходят с прошением о помощи, поддержке и защите. В храме оставляют свои грехи и учатся пути праведному. В храм приходят с благодарностью за полученные дары. Приходят, когда рождаются, приходят всю жизнь и приходят, когда умирают. Приходят, чтобы получить жизнь вечную – бессмертие. А вечная жизнь – в бессмертных творениях, в учениках, которые усвоили урок жизни, применили полученные знания и передали их своим ученикам. За свою работу учитель получает зарплату – пайку, а за свой труд – награду. Лучшая награда для учителя – это достижения его благодарных учеников.

И я задумалась: а когда я в последний раз вспоминала, что служу в храме? Наверное, тогда, когда говорила своим студентам, пришедшим в аудиторию в головных уборах, что надо обнажить голову, ибо они находятся в храме – храме науки и искусства. И когда говорила своим студенткам, что не нужно одеваться на занятия так, как они не оделись бы, придя в храм. Всем нам, и преподавателям и студентам, нужно всегда помнить, что приходя в учебное заведение, мы приходим на службу в храм – по зову любви, с верой и надеждой на жизнь вечную. А иначе – и приходить не стоит.

Недавно я прочитала интересную надпись на мольберте в аудитории. На всех наших мольбертах с обратной стороны написано РЖС (это информация о том, что они принадлежат кафедре РЖС – рисунка, живописи и скульптуры). А кто-то из студентов дописал к этой аббревиатуре свою расшифровку: Рождение, Жизнь, Смерть. И я подумала о том, что иногда наши студенты мудрее нас и нам есть чему поучиться друг у друга. Ведь действительно, рисунок – это рождение, это когда линейный скелет обрастает плотью тона, потом появляется цвет – это живопись, когда жизнь вносит в мир свои краски, а скульптура – это нетленное в мире искусства, все великие скульптуры – это памятники умершим, богам и героям. Это цикл мироздания, но он не полный. Студенты поставили после слова «Смерть» точку, они еще не видят дальше этого, не отдают себе отчета в том, что с приходом смерти ничего не кончается, после каждой смерти следует новое рождение, что полный цикл выглядит так – рождение, жизнь, смерть и опять рождение. Это процесс творчества – вынашивание идеи, рождение, воплощение в жизнь и неминуемая смерть, когда все сделано и мастерская пустеет. Но именно в этой пустоте зарождается новая идея, появляется новая жизнь. Вот тому, как жить, понимая и принимая все это, надо учиться и надо учить. В этой школе жизни мы все ученики. И если продолжить задумываться над смыслом слов, то мольберт – это от слова «мольба». Стоя за мольбертом, как на молитве, художник трудится, учится творению и науке жизни. Но этому невозможно научиться, читая учебники или методические пособия. Это то, что передается из уст в уста, глядя в глаза. Для этого нужен живой учитель, живое общение. И личность учителя стоит впереди его знаний.

Читая о жизни и творчестве П.П. Чистякова, я поняла, что люди, которые его окружали, обожествляли его. Они внимали его словам и смотрели в его глаза так, как верующие смотрят на образ своего Бога – на икону. Боги не записывают своих учений, они учат примером своей жизни. А пишут их ученики, рассказывая о жизни учителя и описывая его учение. Это как Евангелие. Книги, которые нужно постоянно читать: читать, припоминая, чтобы запомнить.

Список литературы

1. Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л.: Искусство, 1976. – 383 с.
2. Гинзбург И. П.П. Чистяков и его педагогическая система. – Л.-М.: Искусство, 1940. – 203 с.
3. Молева Н.М., Белютин Э.М. Педагогическая система академии художеств XVIII века. – М.: Искусство, 1956. – 520 с.
4. Чистяков П.П., Савинский В.Е. Переписка 1883–1888 гг. Воспоминания. – Л.-М.: Искусство, 1939. – 332 с.
5. Чурилова Е.Б. «...Прочсть ... припоминая». П.П. Чистяков в Царском селе. – СПб.: Серебряный век, 2007. – 312 с. – (Прогулки по городу Пушкину).

Список источников

6. Портрет художника П.П. Чистякова [Электронный ресурс]. – URL : https://artchive.ru/artists/567~Цja_Efimovich_Repin/works/25910~Portret_khudozhnika_P_P_Chistjakova
7. Чистяков Павел Петрович – Галерея произведений (27 изображений) [Электронный ресурс]. – URL: <http://cultobzor.ru/2015/02/pavel-chistyakov-gallery/09-1180/>

Лукин А.Е.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 741/744
ББК: 74.46

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РИСУНКА ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕЛ ПО ВООБРАЖЕНИЮ АБИТУРИЕНТАМ НГУАДИ

Аннотация. В статье анализируется творческий опыт преподавания автором предмета «Рисунок» абитуриентам, желающим пройти вступительные испытания в творческие вузы архитектурно-дизайнерской направленности. Выявляются основные проблемы, стоящие перед поступающими в процессе освоения линейно-конструктивного рисунка. Предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: линейно-конструктивный рисунок, академический рисунок, модульная сетка, рисунок геометрических тел, линейная перспектива, методика обучения, рисунок по воображению.

Роль академического рисунка в подготовке современного дизайнера или архитектора трудно переоценить. Этот предмет, пожалуй, как никакой другой позволяет развить необходимые дизайнеру или архитектору, а уж тем более художнику, качества: пространственное воображение, точность и четкость движений (мелкую моторику), «чувство» пропорций, сравнительное восприятие тональных контрастов, навыки композиции и т.д., но главное – дает возможность с помощью простых подручных средств визуализировать свои мысли и идеи, сделать их понятными для других. Таким образом, можно сказать, что рисунок есть универсальный язык визуальной коммуникации. Именно поэтому экзамен по рисунку в той или иной форме входит в число вступительных испытаний для поступающих в вузы художественной или архитектурно-дизайнерской направленности.

Вступительное испытание по рисунку в НГУАДИ состоит из двух экзаменов: рисунок гипсовой головы с классической модели и линейно конструктивный рисунок композиции из заданных геометрических тел по воображению. Вот именно последний, по мнению автора, вызывает у начинающих рисовальщиков (а это, как правило, выпускники художественных школ и студий) наибольшее количество затруднений. Даже имея обобщенные теоретические сведения о законах линейной перспективы (что бывает отнюдь не всегда), абитуриенты, будучи лишены опыта рисования геометрических тел по воображению, зачастую оказываются совершенно беспомощны в практическом применении своих знаний.

Обобщая многолетний опыт работы с абитуриентами НГУАДИ и других похожих вузов, автор данной статьи пришел к выводу, что все основные ошибки при рисовании учащимися композиции из геометрических тел по воображению (далее просто «композиции») сводятся к трем типам:

1. Неумение построить на плоскости листа правильную линейную перспективу.
2. Неумение корректно изобразить относительные пропорции геометрических тел, четко заданных в экзаменационном билете.
3. Отсутствие представлений о геометрической форме сечений тел плоскостями при их врезках друг в друга, как следствие – неумение построить правильную линию врезки.

Попробуем вкратце разобрать эти ошибки и нащупать пути их решения.

1. Линейная перспектива (от лат. *perspicere* – «смотреть сквозь») техника изображения пространственных объектов в соответствии с искажением пропорций и формы изображаемых тел при их визуальном восприятии.

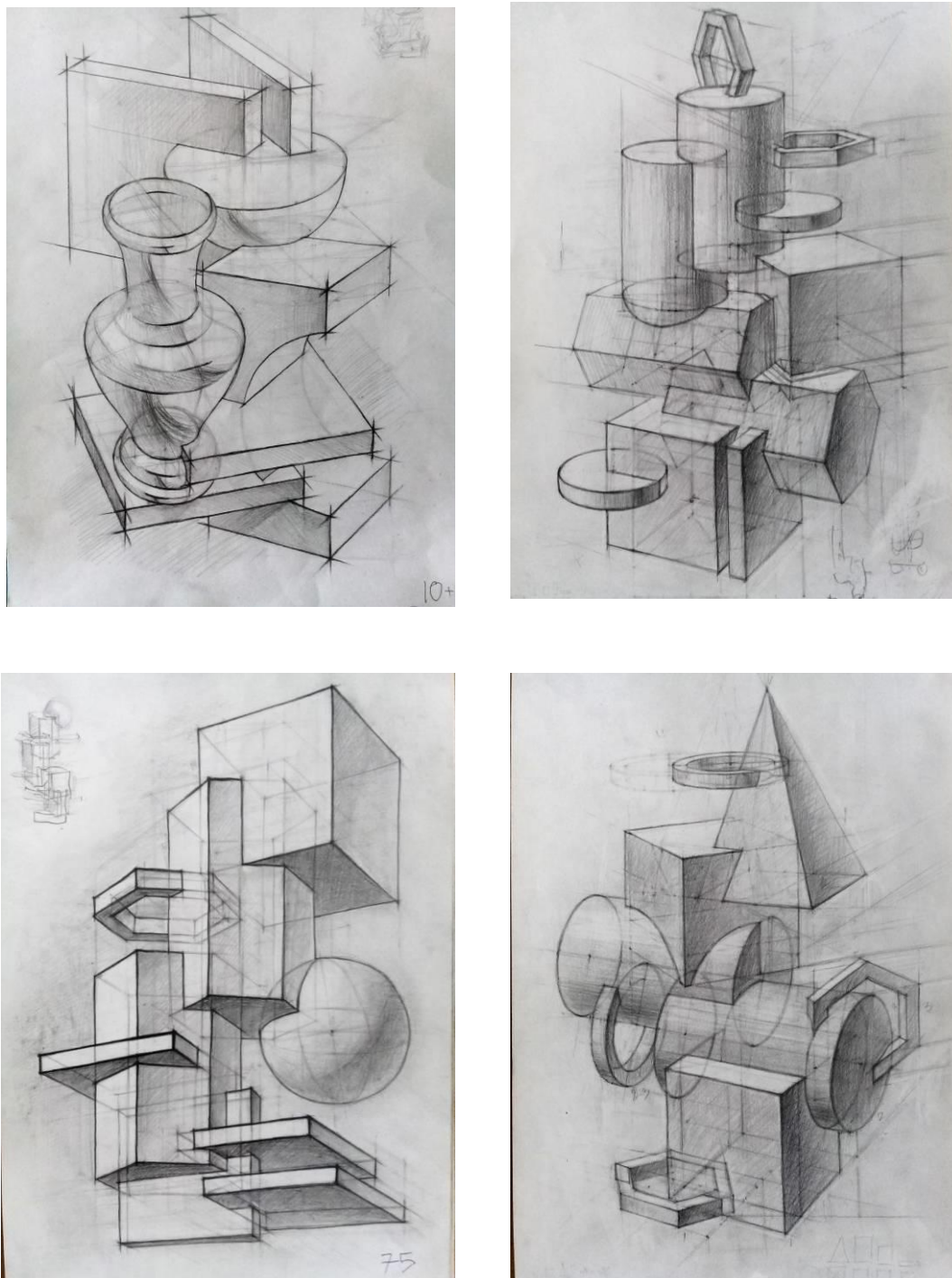
По-видимому, для того чтобы упростить для обучающегося освоение материала, необходимо вначале упростить и само задание. Следует начать знакомство с композицией и линейной перспективой с изображения простого геометрического тела, а именно – куба. Сама по себе эта идея не нова, однако часто она реализуется не очень эффективно. Порой учащиеся долго рисуют куб с натуры, чтобы «выучить» его, и слишком поздно переходят собственно к рисунку по воображению. Между тем изучение линейной перспективы нужно с первых моментов подкреплять практическими навыками изображения именно воображаемого куба. «Мало поставить куб и попросить учащихся изобразить его. Чаще всего такое “любовое” задание приводит к пропорциональным и перспективным ошибкам...», – пишет Ф.Н. Глущенко в своей книге «Рисунок по представлению»: «Не вызывает никаких сомнений, что эти ошибки вызваны непониманием законов линейной перспективы. Знание перспективы помогает не только предостеречь от грубых ошибок на самых первых этапах построения формы, но и стимулирует учащегося анализировать свою работу» [1, с. 13].

На сегодняшний день разработаны вполне точные, адаптированные для рисовальщиков алгоритмы построения куба в линейной перспективе и его самопроверки. Одна из таких методик была разработана автором, но рассмотрение ее лежит вне рамок данной статьи.

2. Анализ пропорций предметов. Далее, на базе освоения рисунка куба, можно приступить к построению так называемой модульной сетки. Суть ее сводится к тому, что мы изображаем на листе сеть из кубических модулей, в которую можем вписывать различные геометрические тела (подобно тому, как мы легко изображаем плоские геометрические фигуры на расчерченном в клеточку тетрадном листке). Поскольку оговоренные в экзаменационном задании пропорции тел кратны кубу, проблема передачи пропорций, как правило, решается сама собой.

3. Корректное построение врезок тел друг в друга. Для грамотного построения линий врезок пересекающихся тел, конечно, следует уделять большое внимание развитию у учащихся пространственного воображения, чему уже способствует изучение линейной перспективы. Однако наиболее короткий и эффективный путь к правильным линиям врезок – это изучение и построение сечений геометрических тел разнонаправленными секущими плоскостями. Когда учащиеся, благодаря предыдущему опыту построения модульной сетки, смогут грамотно изображать в пространстве различные тела в различных положениях, а также «сечь» их заданными плоскостями, можно переходить к врезанию тел друг в друга и, как кульминации процесса обучения, составлении из них (тел) композиций.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что данная методика была опробована на огромном количестве абитуриентов и студентов и показала высокую эффективность, позволяя значительно упростить, а значит и ускорить, процесс обучения, что немаловажно, особенно при работе с иногородними абитуриентами, которые обучаются короткими циклами (только в течение каникул), и сроки их непосредственного прямого обучения весьма ограничены.

Рис. 1. Примеры самостоятельных работ, выполненных абитуриентами НГУАДИ в рамках описанной методики (срок обучения от 3 до 6 месяцев)

Список литературы

1. Глуценко Ф.Н. Рисунок по представлению. Натюрморт и композиция из геометрических тел. Пошаговое руководство. – [Б.м.]: Издательские решения, 2016. – 209 с.

Самойлов В.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 741/744
ББК: 74.48

СТИЛИЗАЦИЯ ФОРМ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ АРХИТЕКТОРОВ И ДИЗАЙНЕРОВ

Аннотация. В статье показана значимость средств стилизации архитектурных форм в рисунке и живописи для профессиональной подготовки архитекторов и дизайнеров.

Ключевые слова: стилизация, художественная трансформация, декоративная композиция.

Развитие различных графических приемов стилизации в рисунке, формирование развитого воображения, способствует развитию творческих навыков у студентов в процессе обучения.

В начальной стадии проектирования, на уровне поисковых набросков, эскизов будущей композиции важнейшую роль для проектировщика играет как развитое воображение, так и умение грамотно стилизовать архитектурную форму. Вот почему необходимо широко внедрять культуру архитектурной графики в рисунок, вкус к разнообразным композиционно-графическим приемам изображения. Необходимо наряду с основами академической школы рисования и живописи ставить перед студентами задачи, направленные на развитие их творческих способностей, анализа формы и конструкции, отбора и формализации художественно-графических средств. Это способствует расширению навыков в области декоративной живописи, проектной графики, свободе в выборе и «подаче» архитектурно-дизайнерских решений.

Наряду с овладением студентами объемно-пространственным пониманием формы достаточно времени необходимо уделять развитию декоративного мышления, основам формализации образа, грамотному применению различных способов стилизации. На практике это позволяет осознанно подходить к выбору разнообразных графических приемов – от эскизирования на ранних стадиях проектирования до выполнения сложных зарисовок орнамента, антуража, цветовой подачи и т.п. [1–4]. «Графические способы изображения являются необходимым средством ясной графической передачи архитектурного замысла, помогают выявить образно-выразительные качества будущего сооружения» [1].

Так, методическая значимость стилизации в арсенале профессиональных средств архитектора и дизайнера обусловлена тем, что на ее основе осуществляется художественно-образное преобразование предметного мира в целостную, визуальную сгармонизированную форму. Сам принцип стилизации направлен прежде всего на соподчинение многообразных признаков предмета, выявление существенного содержания, художественно-композиционного обобщения предметного мира. Стилизация представляет собой процесс формообразования, основанный на творческой переработке, видоизменении объектов. В основе стилизации лежит такое понятие, как **обобщение**, т.е. процесс упразднения деталей и **выявления характерного** в данном объекте. Обобщенное видение позволяет выявить наиболее значимые особенности, создать полноценный художественный образ. Этот метод позволяет отказаться от излишних деталей, свойственных натурному изображению, придать объекту обобщенность и символизм. Высшей формой отказа от реалистических деталей является абстрактная композиция (рис. 1).

В основе метода стилизации лежит принцип художественной трансформации. Это прежде всего создание обобщенного образа с целью лучшего отображения глубинной сущности композиции (рис. 2).

Рис. 1. Кандинский В.В. «Чёрный и фиолетовый», 1923 г. [6]

Рис. 2. Работы студентов НГУАДИ [5]

В процессе стилизации необходимо:

- отобразить характерные особенности предмета;
- максимально отказаться от деталей;
- выделить один характерный признак объекта;
- соблюсти единство формы и стиля.

Графическая стилизация широко применяется в плакатах, орнаментах, шаржах, интерьерах, декоративных натюрмортах, дизайне одежды и т.п. Используют стилизацию не только для организации формы, но и цвета. Примером служат такие художественные стили, как кубизм и абстракционизм.

Задание по стилизации и декорированию присутствует в живописно-графической подготовке дизайнеров и архитекторов начиная со 2-го курса высшей школы. Студенты приступают к такого рода занятиям после натурной живописной постановки на листе формата А2. После краткой лекции об основах стилизации форм, изучения и осмысления будущей композиции приступают к выполнению декоративного натюрморта. Причем, как и любое другое задание, это упражнение начинается с эскизирования, поиска оптимального варианта. На вводной лекции преподавателем ставятся следующие задачи:

- на начальном этапе работы необходимо использовать линию и пятно, проанализировать и изобразить вариантную основу композиции;
- в процессе работы необходимо подключить ассоциативное мышление студентов, донести до зрителя логику и геометричность изобразительных форм и приемов;
- в работе широко использовать обобщенность и лаконичность изображаемых объектов;
- помнить, что декоративная работа, ее цветовая характеристика – это не копирование природы, а творческое переосмысление натюрморта, придание символичности цвету и форме предметов;
- на всех стадиях работы необходимо помнить о целостности и стилевом единстве композиции.

Принцип стилизации архитектурных форм служит для системной организации творческого процесса в подготовке архитекторов и дизайнеров, создания истинного стилевого единства в работе проектировщика.

Список литературы

1. *Зайцев К.Г.* Современная архитектурная графика. – М.: Стройиздат, 1970. – 204 с.
2. *Волков Н.Н.* Цвет в живописи. – М.: Искусство, 1984. – 320 с.
3. *Устин В.Б.* Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве: уч. пос. – М.: АСТ-Астрель, 2007. – 242 с.
4. *Буткевич Л.М.* История орнамента: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений, обучающихся по спец. «Изобразительное искусство». – М.: ВЛАДОС, 2008. – 267 с.

Список источников:

5. Самойлов В.В. Личный архив.
6. Язык формы и цвета Василия Кандинского [Электронный ресурс]. – URL: <http://styleinsider.com.ua/2016/12/vasilij-kandinskij/>

Галикберова А.В.
 anna-artdis@mail.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

ББК: 85.11

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития пропедевтического курса по объемно-пространственной композиции. Данный курс является фундаментальным для профессиональной деятельности современного архитектора, дизайнера, художника. Истоки курса берут свое начало в стенах ВХУТЕМАСа и созданы одними из лучших архитекторов-практиков и теоретиков XX в.

Ключевые слова: объемно-пространственная композиция, теория архитектуры, архитектурный авангард, формообразование, макет.

Введение. Статья посвящена истории возникновения курса объемно-пространственной композиции и является первой частью работы, направленной на отражение вопросов преемственности пропедевтических дисциплин по композиционному моделированию от их появления до настоящего времени.

Цель работы заключается в выявлении взаимосвязей между исторически сложившимися пропедевтическими дисциплинами, заложенными мастерами советского авангарда, и современным курсом по композиционному моделированию.

Результаты. Начало развития предмета «Объемно-пространственная композиция» в существующем и поныне виде было положено в начале XX в. Общемировые культурные процессы в архитектуре и искусстве того периода явились фундаментом для всего «здания» архитектуры и дизайна. В России этот период характеризуется появлением и развитием авангардных течений. «Пожалуй, трудно найти в прошлом такой период, когда за столь короткий срок появилось бы такое количество принципиально новых формообразующих идей... В нашей стране в те годы зародилось многое из того, что стало достоянием всей архитектуры (и искусства в целом) XX в., т.е. в нашем художественном наследии того этапа есть значительная доля первичных достижений в масштабах мирового искусства [1, с. 2]. И интерес к этому наследию в настоящее время стремительно возрастает. Вызвано это огромным потенциалом нереализованных идей и концепций, сгенерированных в этот период. По словам известного историка архитектуры С.О. Хан-Магомедова, «это небывалый по качественным результатам прорыв в новое, прорыв, в котором соединились новаторские поиски, как общие для развития мировой архитектуры и искусства, так и социальные (результат влияния Октябрьской революции). Это соединение новаторского для развития мировой архитектуры и социального, характерное в таком соотношении только для нашей страны, дало “искру”, которая дала сильный толчок далеко вперед советской архитектуре (и искусству в целом)...» [1, с. 9].

После Октябрьской революции, в первые годы становления советской власти, в стране начинаются коренные преобразования, затронувшие и профессиональное сообщество архитекторов, художников и в целом деятелей искусства.

Формируется структура государственных проектных и строительных организаций. Возникает целый ряд архитектурных сообществ. Происходит реформа образования. Осенью 1918 г. была реорганизована вся сеть художественного образования в стране. Вместо различного рода школ и училищ были созданы государственные свободные художественные мастерские (общего профиля и специальные), учащимся которых было предоставлено право выбора руководителя по художественным предметам.

При местных советах (в Москве, Петрограде), народных комиссариатах (Наркомпрос, Наркомздрав), при крупных строительных объединениях (Комгосор) создаются архитектурные мастерские. В конце 1920 г. в Москве создаются Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС, позднее переименован во ВХУТЕИИ – Высший художественно-технический институт), где в едином учебном заведении объединялись архитектурный, производственный и художественные факультеты.

Особое значение имеет зарождение в недрах ВХУТЕМАСа пропедевтического курса. Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, наряду с факультетами, разделявшими студентов по различным художественным профессиям, во ВХУТЕМАСе уже в 1920 г. стали формироваться общие художественные пропедевтические дисциплины, которые обязательно проходили все студенты на начальной стадии обучения. Эти дисциплины, включенные затем в Основное отделение, стали тем важнейшим элементом общей структуры ВХУТЕМАСа, который объединял и цементировал это уникальное художественное учебное заведение.

Важно отметить, «что пропедевтические дисциплины возникли и сформировались как один из результатов специфического взаимодействия различных видов искусств в процессе становления нового стиля» [1, с. 140].

Курс по пропедевтике был разделен на четыре блока. Архитектурный факультет (во главе с Н. Ладовским, Н. Докучаевым, В. Кринским – членами рабочей группы архитекторов ИНХУКа) разрабатывал дисциплину «Пространство», живописный факультет (лидеры – А. Родченко, Л. Попова и А. Веснин – конструктивисты) представлял курсы «Цвет» и «Графика», дисциплину «Объем» преподавали Б. Королев, А. Лавинский и А. Бабичев (скульптурный факультет).

Курс «Графика» внес вклад в развитие фронтальной композиции, курс «Объем», соответственно, в развитие объемной композиции. Задания по этим дисциплинам предполагали построение разных видов композиции по заданным условиям. В заданиях, как правило, использовались простые геометрические формы. С помощью определенного набора элементов необходимо было создать абстрактную композицию, вызывающую определенное ощущение у зрителя, например передать динамику. Студенты изучали основные композиционные категории: понятия «форма» (простая, сложная), «ось», «конструкция».

В своем курсе А. Родченко сформулировал задание следующим образом: используя черный фон, студенты должны были создать композицию, применяя различные композиционные приемы (развитие по диагонали, вертикали, горизонтали, крестообразное расположение частей). При этом работать следовало только с простыми геометрическими формами: прямоугольником, треугольником, кругом.

В основе следующего блока заданий фон предлагалось использовать белый, также применяя простые геометрические фигуры и линии на плоскости, которые должны были вписываться в определенную по конфигурации рамку (композици-

онную схему). Полученная сложная композиция должна была выявлять пространство. Далее шли упражнения на тектонику, динамику, зрительное равновесие формы.

Огромный вклад в развитие основ композиционного моделирования внес лидер рационализма Н. Ладовский и его курс «Пространство», в рамках которого был введен макетный метод проектирования. По его мнению, будущему архитектору необходимо выражать свои мысли не на бумаге, а непосредственно в объеме. И только после этого выверенную композицию изображать в графике. Н. Ладовский предлагал следующую последовательность действий: «предварительные эскизы на бумаге, затем основная работа в глине (с использованием картона, бумаги и т.д.) и, наконец, окончательный вариант макета обмерялся и по нему выполнялись чертежи» [2, с. 41]. Макетный метод стимулировал развитие объемно-пространственного воображения студента, помогал расковать фантазию.

Выводы. Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что совокупность пропедевтических курсов, заложенных в то время, является неоспоримым достижением педагогики советского периода. Именно в рамках этих дисциплин сформировались универсальные методы композиционного моделирования, свободные от атрибутики определенных стилевых течений, отвечающие базовым законам гармонии и организации пространства, что позволило использовать их художникам разной специализации. Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, чтобы добиться такого результата «пришлось обратиться к самым простым и всеобщим композиционным закономерностям, средствам и приемам выразительности, которые можно вынести за скобки конкретной художественной профессии и конкретного стиля. Это и было сделано создателями пропедевтических дисциплин с поразительной научно-фундаментальной глубиной и художественным блеском» [1, с. 147].

Богатое наследие этого периода успешно используется и в настоящее время и нашло отражение в пропедевтических курсах, осваиваемых студентами архитектурных вузов страны.

Список литературы

1. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
2. Хан-Магомедов С.О. Психодинамический метод Н. Ладовского во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИИне (Объединенные левые мастерские, Психотехническая лаборатория). – М.: Архитектура, 1993. – 200 с.

Галикберова А.В.
anna-artdis@mail.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
 ББК: 85.11

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ КУРСА «КОМПОЗИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ» ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НГУАДИ)

Аннотация. Исследуется влияние пропедевтических дисциплин архитектурных вузов начала XX в. на курс «Композиционное моделирование» (объемно-пространственная композиция), который реализуется в настоящее время в НГУАДИ. В предыдущей статье рассматривался исторический аспект возникновения дисциплин, затрагивающих вопросы архитектурной композиции. Настоящая статья посвящена современному наполнению курса по объемно-пространственной композиции (композиционному моделированию) и его развитию.

Ключевые слова: объемно-пространственная композиция, теория архитектуры, архитектурный авангард, формообразование, макет.

Введение. На сегодняшний день развитие объемно-пространственной композиции идет не только в столичных центрах, но и в региональных образовательных учреждениях страны. Особое место занимает сибирская архитектурная школа, ярким представителем которой является Новосибирск – молодой быстроразвивающийся город, для которого вопросы формообразования имеют немаловажное значение. В его архитектуре нашли отражения все стилевые направления XX в. Здесь и архитектура ар-деко, и сталинского периода, и современная архитектура.

Для создания качественной современной архитектурной среды города необходимо готовить квалифицированных специалистов, знающих и умеющих пользоваться всем богатым теоретическим материалом, заложенным мастерами архитектуры начала XX в.

Работа в этом направлении ведется в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ). Ярким последователем и популяризатором развития композиции как базового предмета в становлении будущих специалистов был В.И. Сазонов.

Результаты. Идеями создателей ВХУТЕМАСа был вдохновлен профессор Виктор Иванович Сазонов. В 1977 г. в журнале «Известия высших учебных заведений. Строительство и Архитектура» (издание Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева) была опубликована его первая статья «Универсальная геометрическая структура модульности архитектурного пространства». В дальнейшем вопросы гармонизации пространства стали лейтмотивом его научных исследований. Этой проблематике посвящено более 70 его статей, защищена диссертация на тему «Становление графоаналитической теории архитектурной гармонии».

В период выделения архитектурного факультета из НИСИ им. В.В. Куйбышева и организации Новосибирского архитектурного института как самостоятельного учебного заведения настроение преподавательского состава было творчески-революционным. Хотелось все изменить, проводить обучение студентов по новому. Группа преподавателей – В.И. Сазонов, Т.В. Гудкова и Е.Г. Назимко –

стали инициаторами создания углубленного курса, занимающегося вопросами теории архитектуры и объемно-пространственной композиции.

В сентябре 1994 г. была создана кафедра, получившая название «Архитектурная теория и композиция», которую возглавил профессор В.И. Сазонов. Ведущими преподавателями кафедры была разработана программа курса «Основы теории архитектуры и композиции (ОСТАК)», который преподавался с 1-го по 5-й курсы студентам-архитекторам и дизайнерам.

Организаторы поставили перед собой задачу: с помощью изучения объемно-пространственной композиции развивать в студентах аналитическое ассоциативное мышление. Понималось, что деятельность архитектора требует особого восприятия и понимания пространства: архитектор в процессе творчества все время отбирает, анализирует в воображении образы будущего сооружения. Поэтому на стадии начального обучения необходимо помогать студенту трансформировать зрительные образы, фантазии через макет, пока не сформировалось умение воплотить эти фантазии в графике. Задачей преподавателя является раскрепостить мышление студента – дать волю фантазии.

Архитектор эпохи Возрождения Леон Батиста Альберти писал: «Композиция есть строгая соразмерная гармония сверх частей, объединяемых тем, что ни прибавить, ни убавить, ни изменить ничего нельзя, не сделав хуже».

Следуя этому правилу, была разработана программа дисциплины «Объемно-пространственная композиция», которая включала работу со всеми видами архитектурной композиции: фронтальной, объемной и глубинно-пространственной. В дальнейшем название было изменено на «Композиционное моделирование», что позволило расширить список задач, решаемых в процессе изучения курса.

На сегодняшний день целями курса являются:

1. Развитие объемно-пространственного композиционного мышления с приоритетным решением художественно-образных задач посредством изучения основных видов композиции, свойств и закономерностей построения объемно-пространственных форм в процессе отвлеченного от функции макетно-графического, цвето-пространственного и частично цифрового моделирования.

2. Овладение первоначальными навыками композиционного анализа и гармонизации форм, умение выявлять композиционные связи в исторических и современных архитектурных объектах, а также адаптировать отвлеченные композиционные идеи к эскизным образам реальной архитектуры [1].

Курс состоит из нескольких блоков.

Первая часть – создание композиции с использованием такого приема, как организация. В рамках курса студентам предлагается выполнить организацию основных видов объемно-пространственной композиции (фронтальной, объемной, глубинно-пространственной).

Вторая часть – выявление основных видов объемно-пространственной композиции: фронтальной (рельефная поверхность), объемной, глубинно-пространственной (выявление формы площадки и объема).

Ранее студентами выполнялись такие работы, как выявление работы художественно оформленной конструкции, архитектурные интерпретации абстрактных композиций. На старших курсах изучались пропорциональные системы анализа и гармонизации.

Задания по курсу сопровождаются изготовлением макетов. Поисковые (рабочие) макеты студенты выполняют в пластилине или бумаге по упрощенному

варианту без «крышечек». Затем чистовые – из бумаги или картона. Последние годы появилась возможность использовать различные виды пластика.

Макет является важнейшим элементом в развитии объемно-пространственного мышления, так как объединяет в себе и ортогональные, и трехмерные проекции, что в совокупности с графикой дает полное и правильное восприятие объемной композиции.

За годы существования кафедры был накоплен огромный методический фонд, состоящий из графических работ и макетов в натуральном и электронном виде.

Основными энтузиастами формирования и сохранения методического фонда были:

Заведующий кафедрой Архитектурной теории и композиции (АТиК) профессор В.И. Сазонов, профессор Т.В. Гудкова, доцент О.Л. Кошеутова, доцент Е.Г. Иванова, старший преподаватель Е.Н. Клявиня.

Оцифровку методического фонда макетов выполняли:

Профессор В.И. Сазонов и доцент Е.Г. Иванова при технической поддержке документоведа Л.П. Залесской.

Наряду с традиционными образовательными методами в 2011–2016 гг. проектное эскизирование выполнялось при помощи компьютерной программы Sketchup, что давало очень хороший результат для осознания и создания объемной композиции студентом. Подобный опыт реализуется и в МАрхИ, также показывая отличный результат. Компьютерное моделирование не заменяет ручного проектирования и макетирования, а дополняет его.

В этой связи Д.Л. Мелодинский отмечает следующие преимущества динамического характера виртуального моделирования перед реальным макетированием: «Макетная практика отслеживает статическое состояние формы на разных стадиях ее генерации. Все промежуточные стадии во временном процессе существуют лишь в сознании проектировщика как следы памяти. У неопытного учащегося чаще всего отсутствуют навыки отследить весь этот процесс как целостное явление, у него возникают неизбежно разрывы. Виртуальные приемы динамического формообразования наглядно раскрывают все стадии рождения образа, связно, как единый поток» [2, с. 120].

Выводы. Подводя итог, можно констатировать, что на сегодняшний день НГУАДИ обладает богатейшим фондом студенческих работ по курсу композиционного моделирования. Бесспорно, это фундаментальный курс, имеющий непосредственное значение для развития необходимого для современных архитекторов и дизайнеров объемно-пространственного мышления, курс, основы которого были заложены признанными мастерами советского авангарда.

В заключение автор выражает особую благодарность документоведу кафедры Л.П. Залесской за помощь в подготовке материалов данной для статьи.

Список литературы

1. РПД «Композиционное моделирование». НГУАДИ, 2018–2019 гг.
2. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика: История, теория, практика. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Либроком, 2001. – 400 с.

Галикберова А.В.
anna-artdis@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

ББК: 85.113

ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКОГО ФОНДА ПО КУРСУ «КОМПОЗИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ», РЕАЛИЗУЕМОМУ В НГУАДИ (МАКЕТНАЯ ФОРМА)

Аннотация. Данная статья является заключительной в блоке статей, посвященных курсу «Композиционное моделирование». В предыдущих частях на примере НГУАДИ были рассмотрены вопросы возникновения данного курса как важнейшей пропедевтической дисциплины, его развитие и реализация в настоящее время. В этой части рассматривается наполнение курса по объемно-пространственной композиции и проводится обзор студенческих работ, выполненных в макетной форме.

Ключевые слова: объемно-пространственная композиция, теория архитектуры, формообразование, композиционный центр, композиционная ось, макет.

Введение. Макетная форма проектирования позволяет студенту наиболее полно осознать и правильно организовать или выявить пространственный объект [1]. Выполняя учебные задания по дисциплине «Композиционное моделирование», студент закрепляет навыки работы с масштабом, осваивает основные композиционные понятия, такие, например, как композиционная ось, композиционный центр и др., работает с такими понятиями, как визуальное выражение массивности или легкости объемной композиции, статичность или динамичность, плотность или разреженность. Осваивает композиционные приемы, связанные с терминами «контраст» и «нюанс». Учится создавать развитые и при этом уравновешенные композиции.

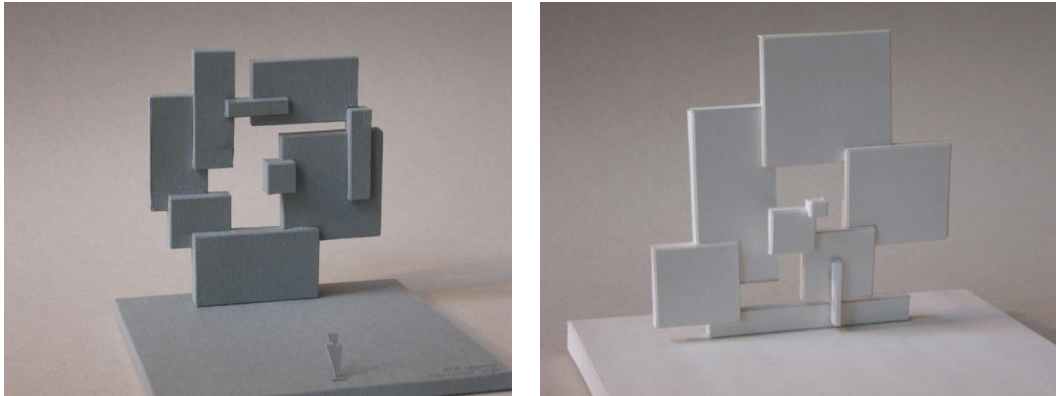
Работа с абстрактными объектами позволяет студенту наиболее полно осваивать и понимать процесс создания гармоничной композиции в трех ее формах: плоскостной объект (фронтальная композиция), объем (объемная композиция) и работа с пространством (глубинно-пространственная композиция), без привязки к функции предмета. Тем самым обучающийся получает универсальные навыки создания гармоничной и композиционно развитой формы вне зависимости от типа решаемого объекта (интерьер, арт-объект, городская среда).

Результаты. В процессе освоения дисциплины студентам предложено выполнить задания, разделенные на два блока: организация и выявление различных видов композиции.

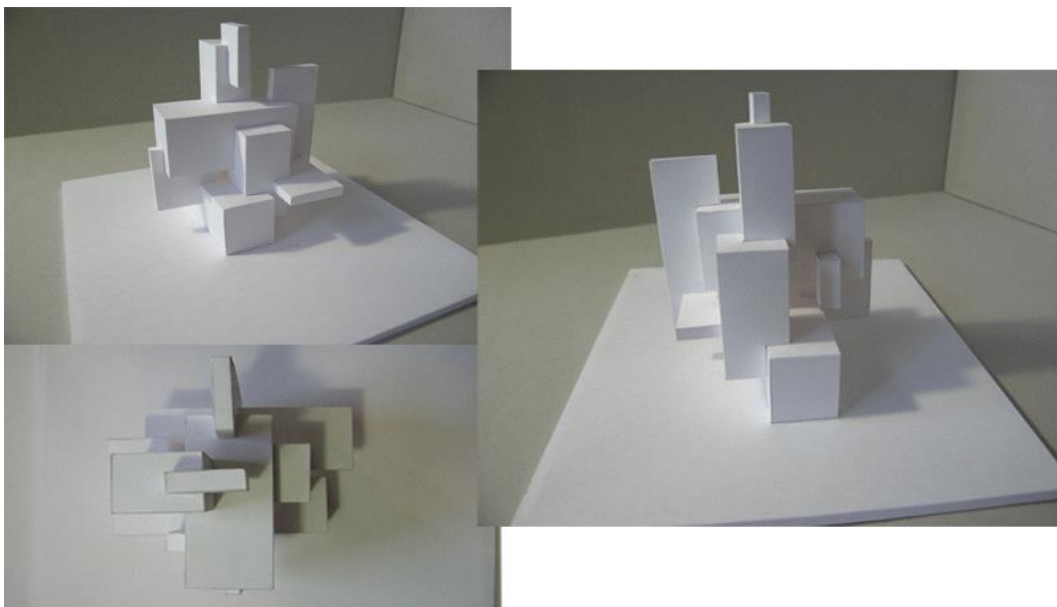
Организация фронтальной композиции как рельефной поверхности. В этом задании студенту предлагается, используя правильные параллелепипеды, различные по своим габаритным размерам (5–9 элементов), создать фронтальную композицию (рельефную поверхность) с использованием освоенных композиционных приемов. Данный объект должен иметь композиционный центр, быть зрительно единым и уравновешенным (рис. 1).

Организация объемной композиции. Это задание помимо решения поставленных композиционных задач, таких, например, как построение объемной композиции посредством организации элементов в пространстве, включает в себя ра-

боту с масштабом. Композиция состоит из 7–11 правильных прямоугольных параллелепипедов, врезанных друг в друга с соблюдением ортогональности элементов относительно друг друга и площадки. В процессе работы студент, создавая гармоничное композиционно-образное решение, применяет ряд композиционных средств (контраст-нюанс, плотность-разреженность, массивность-легкость). Учится организовывать композиционную ось, создавать целостный уравновешенный объем. Это задание подразумевает работу с любым объемным предметом, как пример – архитектурный объект (рис. 2).

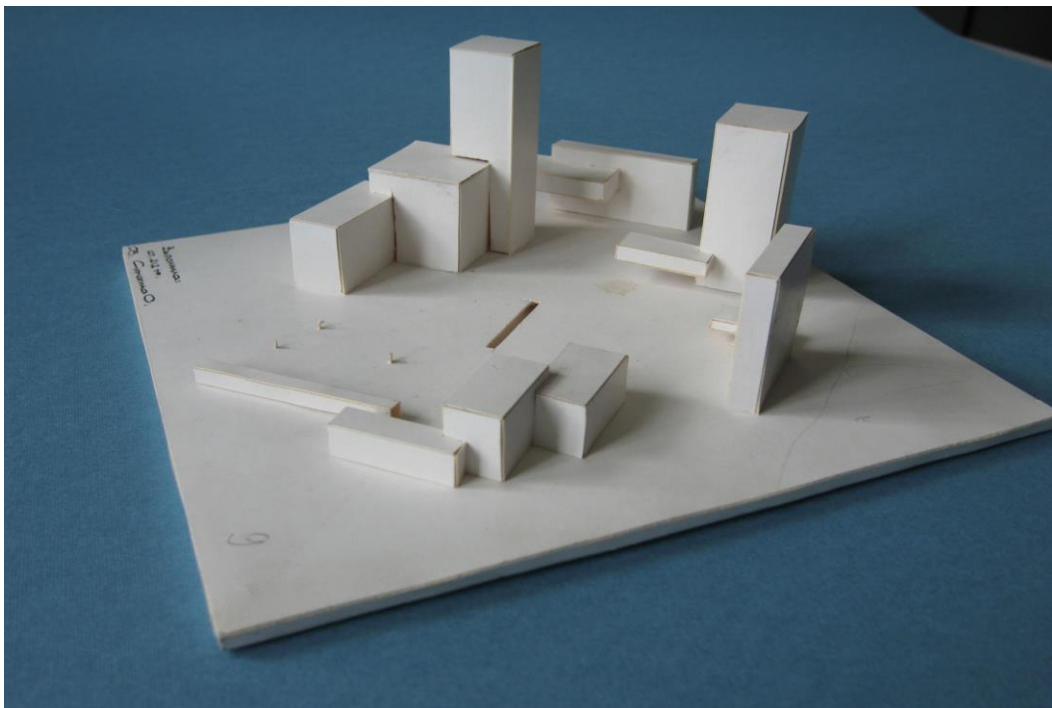
Рис. 1. Организация фронтальной композиции как рельефной поверхности. Работы студентов НГУАДИ [2]

Рис. 2. Организация объемной композиции. Работы студентов НГУАДИ [2]

Организация глубинно-пространственной композиции. Работа с этим видом абстрактной композиции позволяет создавать гармоничные пространственные образования. Успешно решать различные архитектурно-градостроительные задачи.

Например, организовать пространство городской площади или улицы. Или, используя возможности глубинно-пространственной композиции, закомпоновать интерьер здания. Глубинно-пространственная композиция представляет собой трехмерную пространственную форму, в основе которой лежит открытое пространство с преобладанием глубинных координат. Это задание включает в себя разработку площадки с размещением на ней 7–11 элементов (правильных различных по своим габаритным размерам параллелепипедов). В процессе работы студент создает определенный сценарий движения зрителя по площадке и определяет композиционный центр (рис. 3).

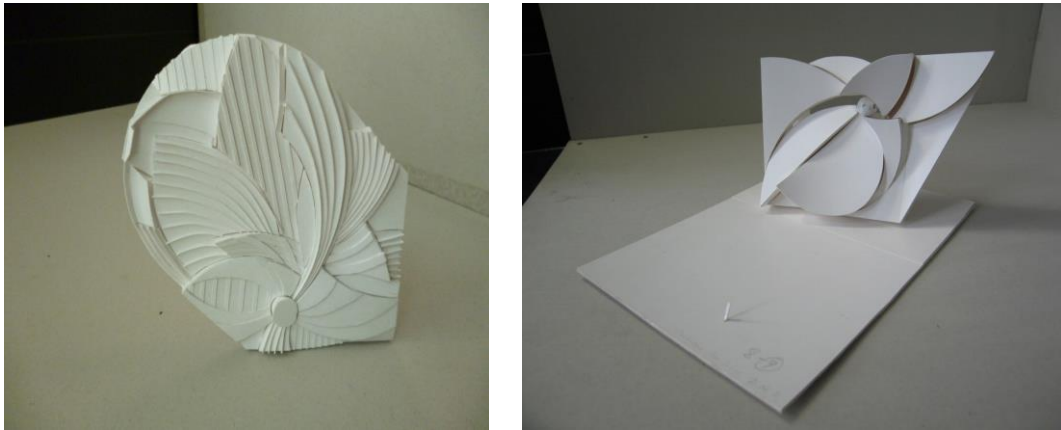
*Рис. 3. Организация глубинно-пространственной композиции.
Работа студента НГУАДИ [2]*

Выявление фронтальной композиции (ФК) средствами пластики. Это задание подразумевает анализ формы посредством выявления внутренних геометрических характеристик заданной поверхности. Студент решает задачу по выявлению фронтально-ориентированной поверхности, при этом ему необходимо выполнить ряд заданных условий и создать композицию, обладающую следующими характеристиками:

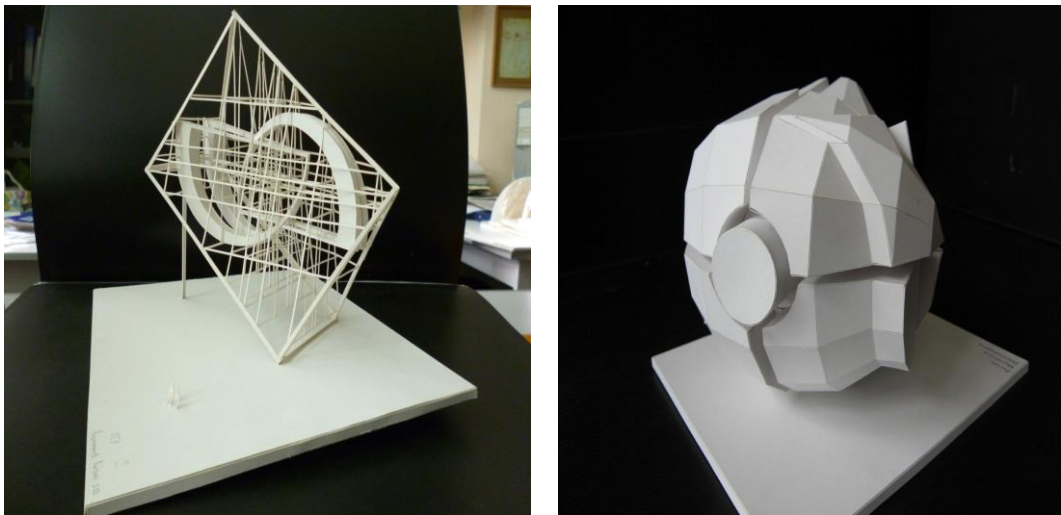
- 1) наличие группы девизов (статика-динамика, плотность-разреженность, массивность-легкость);
- 2) выявленный центр композиции;
- 3) согласованность между собой всех членений формы, образующих уравновешенное и единое композиционное решение;
- 4) выявление пространственного положения композиции (рис. 4).

Выявление объемной композиции (ОК) средствами пластики. Задание заключается в членении общей формы, имеющей простую геометрическую форму (куб, шар и т.д.) на отдельные элементы. При этом все элементы должны выявлять общий объем, сохраняя целостность формы, ее внутреннюю структуру и композиционную идею. При выполнении задания также используются девизы. Для выявления объема принимают девизы, противоположные принятым ранее (по значению), которые использовались при выявлении фронтальной композиции. Композиция должна быть уравновешена, иметь единство частей и соподчиненность композиционному центру (рис. 5).

*Рис. 4. Выявление фронтальной композиции (ФК) средствами пластики.
Работы студентов НГУАДИ [2]*

*Рис. 5. Выявление объемной композиции (ОК) средствами пластики.
Работы студентов НГУАДИ [2]*

Выявление глубинно-пространственной композиции. Этот тип композиции позволяет отрабатывать навыки работы с открытым пространством, таким, например, как ландшафтные образования (парки, скверы и т.д.). Целью задания

является выявление взаимосвязи пространства, имеющего определенный уклон, и объекта, расположенного на этой поверхности. Заданное пространство и объем, располагающийся на нем, имеют простые геометрические формы, взаимосвязанные между собой по конфигурации (рис. 6).

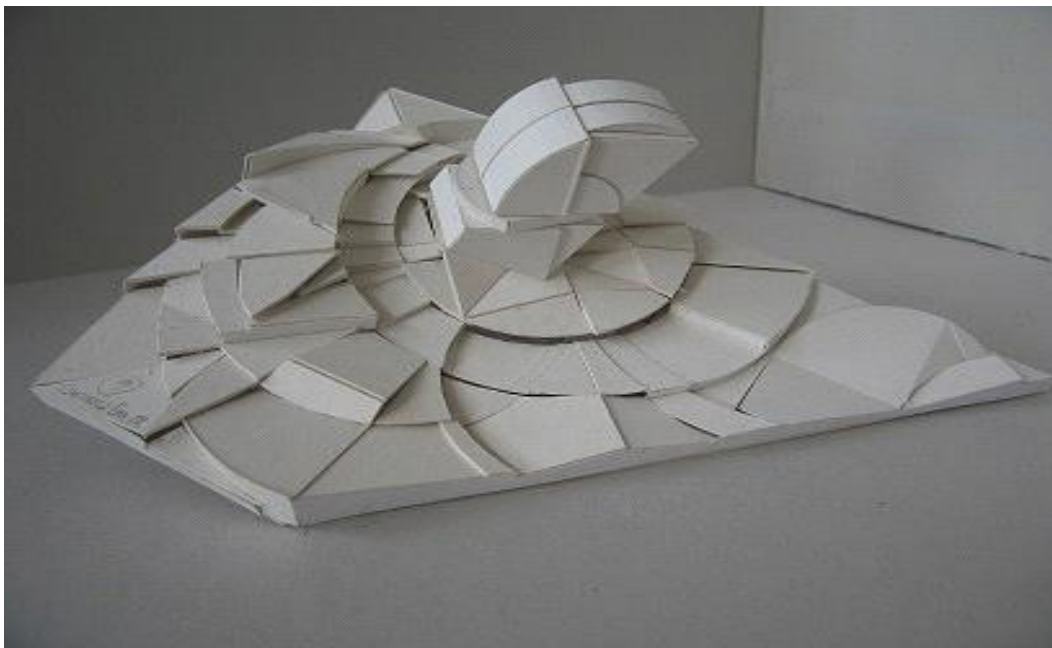

Рис. 6. Выявление глубинно-пространственной композиции. Работа студента НГУАДИ [2]

Выводы. Таким образом, в течение многих лет преподавания в НГУАДИ курса по объемно-пространственной композиции «Композиционное моделирование» сложился значительный учебно-методический фонд студенческих работ, выполненных в макетной форме. Макеты и их фотофиксации представляют важный исторический источник, позволяющий изучать развитие курса и изменения в учебном проектировании и подходах студентов.

Список литературы

1. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика: История, теория, практика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Либроком, 2011. – 400 с.

Список источников

2. Архив кафедры архитектурной теории и композиции (АТиК) НГУАДИ.
3. Кошеутова О.Л. Рабочая программа дисциплины «Композиционное моделирование». НГУАДИ, 2018/2019 уч. год.

Терехина В.С.
 veraterehina@mail.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 711.00
 ББК: 85.118

ПЕРЕХОД ОТ ОБЪЕКТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ. Часть 1: ШАБЛОН

Аннотация. Процессуальное понимание города представлено переходом от объектных представлений к деятельностным. Алгоритм перевода прошлой ситуации в будущую показан на модели шаблона, который является инструментом программирования. На схеме шаблона обозначено место целей, которые организуют логику организации прошлого, настоящего и будущего проектируемого объекта. Конструкция шаблона позволяет учащимся осмысленно конвертировать опорный план в проектное предложение.

Ключевые слова: город-процесс, Аристотель, объектный подход, деятельностный подход, форма, материал, логика, шаблон.

Введение. Недостатком традиционного градостроительства является игнорирование естественных изменений в городе, а также понимание его как статичного и законченного целого, в то время как город представляет собой живой, меняющийся объект. Проектирование города как «процесса» – задача чрезвычайно сложная, которая требует особых способов диагностики, прогнозирования и управления. Проектирование статичного и развивающегося города предполагает не только различение по определению, но и по набору операций и процедур.

Результаты. Для того чтобы хоть немного понять, что лежит в основании процессуального проектирования, необходимо погрузиться в пространство философии в плане выделения форм мыслимости города. Античная философия обсуждала разные формы бытия. Решалась при этом одна важнейшая в то время проблема: как мир существует, будучи одновременно статичным и изменяющимся? Мир изменяется, но для того чтобы жить, нужно опираться на некоторые статические схемы. Для решения этой проблемы философы строили гипотезы [1].

Аристотель попытался снять те затруднения и противоречия, которые не решались концепциями Демокрита и Платона; они разделяли и антологизировали как отдельные статические элементы, так и изменяющийся мир. Разделенный на статичные и изменяемые части мир не ухватывался как целое. Но человеку, чтобы понять, как строить свою деятельность и жить, необходимо понимание целого. И эту проблему решал Аристотель, когда вводил категории «форма – материал». Он обсуждал мир как целое, в котором можно выделить в режиме логического анализа отдельно форму, отдельно материал [1].

Известный пример Аристотеля с медью и формой шара. Форма шара задана меднику до того, как он отлил ее из материала (меди). Форма шара может появиться в сознании медника (или в его способах работы и техниках) до того, как он отлил этот шар. Аристотель задавал сложную схему, в которой мир мог быть представлен, с одной стороны, как форма, с другой – как материал, и одновременно имелись некоторые как бы целостные формы представленности мира (в деятельности медника по изготовлению шара). Ход Аристотеля был очень важным, поскольку позволил перейти от объектных представлений мира Платона и Демокрита к деятельностным и выделить, с одной стороны, онтологическую *объект-*

ную картину мира, а с другой – логику работы с этой онтологической картиной. После Аристотеля мы теперь должны, всякий раз обсуждая, как устроен мир, обязательно выделять план логики (деятельности, операций и процедур) и план видения объекта [1].

Деятельностная точка зрения, выступающая в качестве альтернативы натуралистической, может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что их определенность как «предметов» даны человеку через деятельность [1].

Одна из резких формулировок деятельностной точки зрения принадлежит К. Марксу: «Главный недостаток всего существующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно...» [1]. Сегодня мы хорошо понимаем, что единственной реальностью является деятельность, и нет ничего другого, чему мы могли бы приписать признак действительно существующего [1].

Хотя натуралистическое и деятельностное представления действительности столь сильно различаются и по существу дела противостоят друг другу, тем не менее неправильно было бы думать, что они друг друга исключают. Мы можем и должны говорить, что эти два представления, существенно различающиеся и взаимно противопоставленные, скорее дополняют друг друга [1].

Итак, мы установили, что существует два принципиально разных подхода к проектированию городов: объектный и деятельностный. Традиционное градостроительное проектирование укладывается в рамки объектных представлений, поскольку понимает город как статичный объект. Проектирование же развивающегося города, согласно Аристотелю, требует фиксации градостроительной ситуации до и после проектного вмешательства, а также деятельности по переводу ситуации из одного состояния в другое. Эта сложная работа, и связана с большим объемом аналитики.

Помыслить учащимся город как «процесс» дает возможность перехода от натуралистических к деятельностным представлениям действительности. Обучение студентов проектированию города-процесса предполагает как минимум различение деятельности на исследование и проектирование. Это обстоятельство до недавнего времени не было очевидным, поскольку исследовательский и проектный разделы представлены исключительно формально, тогда как первое должно обслуживать второе. Показателен формальный подход к этому вопросу при защите магистерских проектов, когда весь исследовательский материал мелкими картинками плотно сгруппирован в левой части экспозиции, проектное же предложение крупными схемами размещено справа, и отсутствует обоснование для их взаимосвязи. Это говорит о том, что исследование не привлекается для аргументации проектной идеи и возникает «клиповый эффект»¹, при котором разделы существуют самостоятельно и не работают на одну цель.

¹ В российских источниках для обозначения особенностей мышления пребывающего в клиповой культуре человека нередко употребляются связанные термины *клиповое мышление (сознание)*, введенные в оборот Фёдором Гиренком. Особенности клипового мышления – мозаичность и фрагментарность образа; алогичность, разрозненность, отрывочность информации, растворение ее целостных моделей. Употребление этих терминов обычно подразумевает негативную, критическую оценку подобного мышления [3].

Разрыв между исследованием и проектом является сегодня основной проблемой, которая усугубляется отсутствием плана деятельности, операций и процедур по переводу реальной градостроительной ситуации в идеальную – проектную. Для решения этой задачи наряду с исследовательским и проектным разделами в состав градостроительной документации может войти программирование. Проблему конвертирования исследования в проект есть предложение решить с помощью шаблона – инструмента программирования. Шаблон был разработан в ходе лекционно-практических занятий со студентами. Теоретической основой для него стала концепция Аристотеля «форма – материал». Для изображения процесса была использована оргтехническая система с ситуациями прошлого, настоящего и будущего, взятая из каталога Московского методологического кружка (ММК) (рис. 1). Схема отражает системодетальностный подход (СМД) [2].

Наложение на эту схему концепции Аристотеля представлено таким образом, что в прошлую ситуацию положен материал, в будущую – форма, а в настоящую – логика конвертирования (рис. 2). Следует обратить внимание, что в настоящем времени на схеме появляется человек, у которого есть цели. Ключевым здесь является слово «цели», поскольку именно они могут предопределить операции и процедуры программирования.

Работа с шаблоном предполагает различение формы и материала. В каждой конкретной ситуации они могут быть разными, и в зависимости от задания надо уметь их выделять. Также навыки работы с шаблоном предусматривают каждый раз восстановление и проработку целей в зависимости от обстоятельств, поскольку именно цели задают логику всей последующей работы с объектом. Иногда цели разветвляются в более сложную конструкцию и приобретают вид дерева.

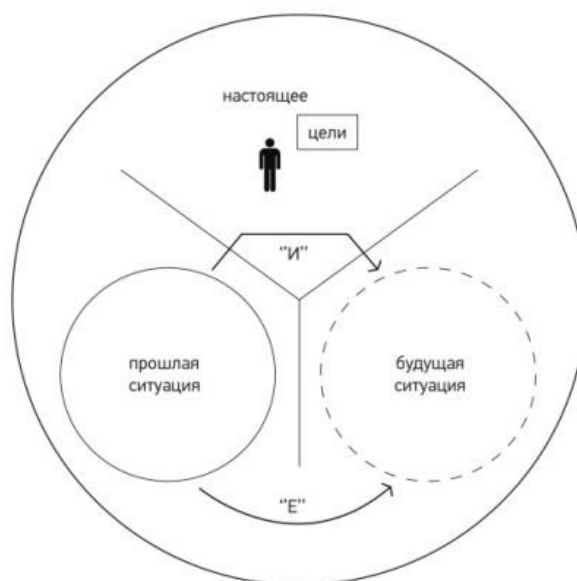
В момент преобразования материала в форму часто появляются проблемы, а иногда и целый комплекс. В этой ситуации особая роль принадлежит выбору инструментария. Возможности выбранных средств следует тщательно проверять, поскольку не каждое из них позволяет решить проблему.

Итак, мы описали ситуацию, когда на пути движения к цели возникают проблемы. Чтобы присутствовал порядок в представлениях, следует остановиться на каждой проблеме конкретно: зафиксировать, описать, составить иерархию, схематизировать и т.д. Работа с сортировкой позволяет отличить проблемы от задач, а следовательно и инструмент подобрать соответствующий². Деятельность по сортировке и подбору инструментов при достижении цели называется программированием. Конечной целью этой работы является составление программы. Программа включает проблемы, задачи, решение и т.д. В нашем случае вся эта работа должна осуществляться в секторе «настоящее», где обозначены цели.

Создание шаблона-верстака – дело творческое, и его конструкция может быть разной даже в пределах одного проекта. Однако всегда есть смысл придерживаться идеологии программирования, где представлены базовые позиции: цели, «было – стало», средства, алгоритм перехода. Как уже отмечалось, важная роль при достижении цели принадлежит выбору средств. В качестве примера можно предложить такой инструмент систематизации информации (программирования), как концептуальная таблица. Когда в таблицу закладываются элементы программно-целевого подхода (цели, проблемы, задачи, средства, решения), то сразу по-

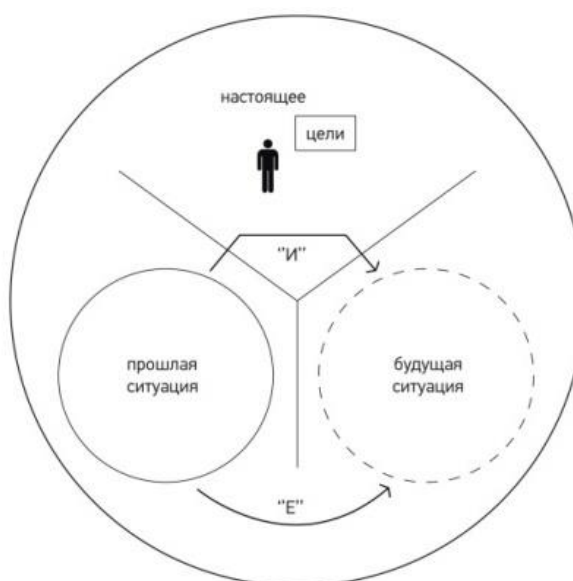
² Задачи предполагают, что решение уже существует в профессии и представлено нормативно, например, СНиП; проблемы не имеют готового решения, а потому его следует искать самостоятельно.

является наглядность и осмысленность действий. Если эти факторы нанести на план города, то «проблемы» и «задачи», приобретут графическую интерпретацию, и проявятся точки, требующие проектного решения. Они могут стать «точками роста» и в дальнейшем лечь в основание каркаса объекта проектирования.

Рис. 1. Схема ортехнической системы с ситуациями прошлого и будущего. Каталог схем Московского методологического кружка ММК [2]

Цели-программа: проблемы, задачи, решение

материал

форма

Рис. 2. Шаблон по преобразованию материала в форму в соответствии с целями

Еще без «шаблона», но с некоторыми его элементами программирования деятельностный подход уже был реализован в рамках нескольких курсовых проектов. Подобная работа осуществлена в 2018 г. при разработке концепции градостроительного развития «Общественные пространства г. Тобольска» с использованием карт С.У. Ремизова. В работе присутствовали все три блока шаблона: исследовательский, проектный и программный. Сначала учащиеся досконально изучали чертежи, разбирали значения старорусских слов и составляли глоссарий. Затем студенты проектировали – придумывали, каким образом эти знания можно употребить с современной ситуации, отработывали стройную концепцию и т.д. В дальнейшем они программировали – проверяли, как эта концепция ложится на современную градостроительную ситуацию, где могут быть проблемы при возрождении города Семена Ремизова в современном Тобольске. Эксперименты с использованием программирования можно считать удачным, поскольку учащиеся в короткий срок (6 занятий) не только выполнили проект на заданную тему, но и почти все написали статьи по результатам собственной работы. В журнале «Творчество и современность» уже опубликована статья Юлии Пашниной [3]. Из-за обилия материала результат педагогической рефлексии укладывается в несколько публикаций на данную тему.

Заключение. Переход от натуралистических к деятельностным представлениям действительности дает возможность учащимся помыслить город как «процесс». Шаблон, предложенный нами в качестве инструмента перехода от объектных представлений к деятельностным, позволяет различить пространства прошлого, настоящего и будущего. Обязательное наличие в шаблоне целей, которые задают план логики, и план видения объекта (по Аристотелю) даст возможность студентам осмысленно конвертировать реальную ситуацию (опора) в идеальную (проектную).

Список литературы

1. *Зинченко А.П.* Рекомендации по проблеме развития городов и регионов // Материалы по итогам организационно-деятельной игры «Программа развития Железнодорожного района в рамках развития города», 06-14.01.1988 г. – Ростов н/Д, 1988. – 78 с.
2. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М., 1995. – 800 с.
3. *Пашнина Ю.П., Терехина В.С.* Улицы-слободы как основа планировочного каркаса подгорной части Тобольска (по картам С.У. Ремезова) // *Творчество и современность.* – 2018. – № 2 (6). – С. 98–107.

Романова Л.С.
Lara235@yandex.ru
 ТГАСУ, г. Томск, Россия
 Чепрова О.
Cheprova.o@gmail.com
 ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК: 711.523(571.16)
 ББК: 85.118.2(2Рос-4Том)

КОНФЛИКТ НОВОГО И СТАРОГО (НА ПРИМЕРЕ ЗАСТРОЙКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. ТОМСКА)

Аннотация. В статье затрагивается актуальная проблема разрушения целостности исторических центров российских городов при строительстве новых объектов. Авторы отмечают существенную роль архитектурного образования в создании и устранении этой проблемы. Представленные результаты экспертных заключений, выполненных студентами архитектурного факультета ТГАСУ, позволяют выявить основные ошибки, допускаемые при строительстве новых объектов в исторической среде Томска. Опыт эксперта, полученный будущими архитекторами, дизайнерами и реставраторами, способствует появлению преемственности в новом строительстве, устранению конфликта между исторической и новой застройкой, формированию комфортной городской среды, сохраняющей ее архитектурно-художественное своеобразие.

Ключевые слова: исторический город, архитектурно-художественное своеобразие, современная застройка, образование, преемственность.

Введение. Рассмотрим на примере Томска актуальную проблему российских городов, где в результате внедрения новой деструктивной застройки в сложившуюся архитектурную среду исторических центров утрачивается их архитектурно-художественное своеобразие. Предпосылки и этапы формирования этого явления требуют отдельного рассмотрения. Отметим только, что после изменения общественно-политического строя в 1991 г. процесс разрушения целостности исторических центров российских городов набирает устрашающие темпы. Старинный сибирский город Томск, получивший в 1990 г. статус *исторического города*, а в 2010 г. – *исторического поселения федерального значения*, также подвержен этому явлению. Данной теме посвящен ряд исследований, выполненных на кафедре реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) [1–9].

Цель статьи – обозначить и подчеркнуть роль архитектурного образования в устранении конфликта между сложившейся архитектурно-исторической средой, формирующей индивидуальный архитектурно-художественный облик российских городов, и новой застройкой на территории их исторических центров.

Впервые в статье излагается авторская методика, которая позволяет архитекторам, обучающимся по разным направлениям подготовки, самостоятельно оценить степень корректности внедрения объекта нового строительства в историческую среду.

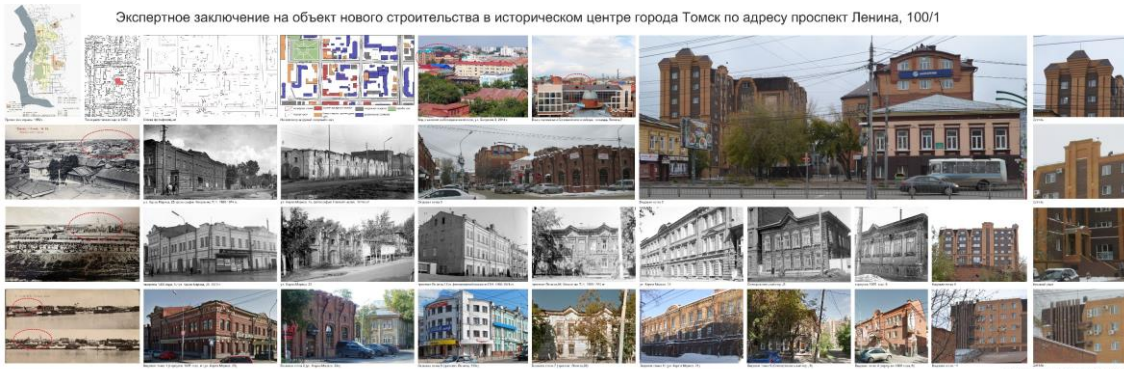
Материалы и методы. Источником исследования послужили реально существующие объекты нового строительства в историческом центре Томска и экспертные заключения на объекты нового строительства в историческом центре Томска, выполненные студентами и хранящиеся в архиве методического кабинета

кафедры РИРАН ТГАСУ [10–14]. В качестве иллюстративного материала в статье представлены следующие объекты:

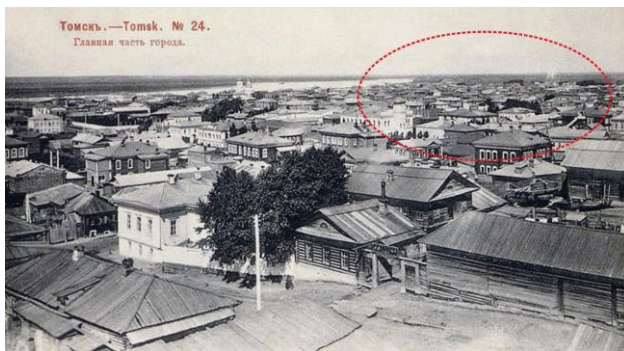
1 Здание бизнес-центра «Сибирские Афины» на пр. Ленина, 101 в г. Томске (рис.1–5).

2. Административное здание на пр. Ленина, 104 в г. Томске (рис.6–9).

Рис. 1. Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре Томска по адресу пр. Ленина, 100/1.

Демонстрационный материал выполнили студенты гр. 543 М. Аллабердиева, Е. Лукомский, А. Осипова, Т. Резниченко. 2017 г., рук. Л.С. Романова

Рис. 2. Вид на исторический Томск (из экспертного заключения студентов гр. 543 М. Аллабердиевой, Е. Лукомского, А. Осиповой, Т. Резниченко. 2017 г.)

Рис. 3. Вид на Томск 2017 г. (из экспертного заключения студентов гр. 543 М. Аллабердиевой, Е. Лукомского, А. Осиповой, Т. Резниченко. 2017 г.)

Рис. 4. Дворовые фасады бизнес-центра «Сибирские Афины» на пр. Ленина, 100/1 в Томске (из экспертного заключения студентов гр. 543 М. Аллабердиевой, Е. Лукомского, А. Осиповой, Т. Резниченко. 2017 г.)

Рис. 5. Вид на исследуемый объект с пр. Ленина в Томске (из экспертного заключения студентов гр. 543 М. Аллабердиевой, Е. Лукомского, А. Осиповой, Т. Резниченко. 2017 г.)

Результаты. Архитектурное образование оказывает непосредственное влияние на формирование комфортной городской среды, закладывая основы взаимодействия со сложившейся историко-архитектурной средой. На архитектурном факультете ТГАСУ получают образование будущие архитекторы, дизайнеры архитектурной среды, реставраторы. В начале своей преподавательской деятельности в 1994 г. Л.С. Романова разработала для студентов-архитекторов авторский курс «Основы проектирования на исторических территориях». После 16 лет практики в специализированном проектно-институте по реставрации объектов истории и культуры³, где приходилось согласовывать проекты новых объектов в исторической среде г. Томска, необходимость такой дисциплины была для нее очевидна.

На первых лекциях студенты всегда задавали один и тот же вопрос: «Почему в историческом центре Томска появляются новые объекты, мешающие восприятию старинного города и его особой атмосферы? Кто в этом виноват?».

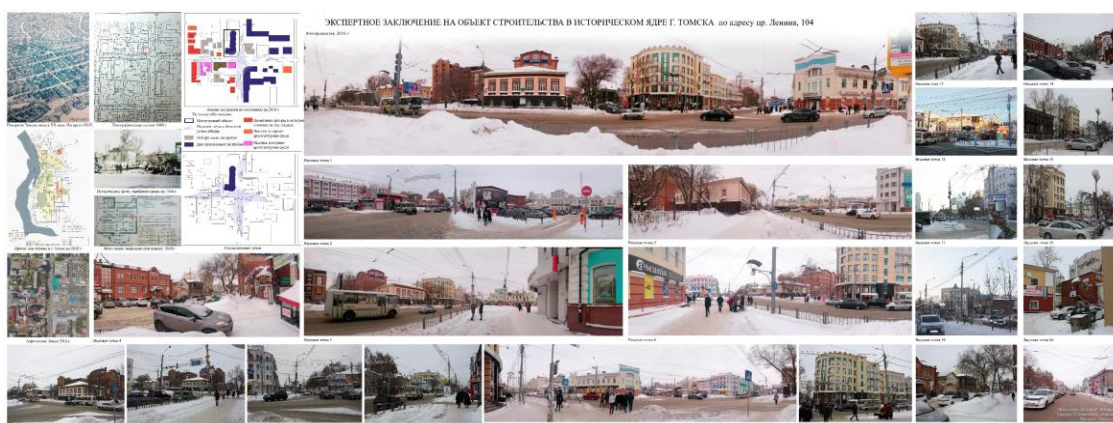
В 1999 г. в рамках вышеупомянутой дисциплины была реализована возможность для будущих архитекторов выступить в роли экспертов и самим оценить объекты нового строительства на исторических территориях. При этом необходимо было учитывать обоснованность места расположения этих объектов, а также их градостроительных, архитектурных и функциональных характеристик.

Так появилась практическая работа «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре Томска». Группе студентов из 4–5 человек предстояло оценить новый объект на территории исторического центра Томска. Демонстрационный материал, выполняемый всей группой, должен наглядно иллюстрировать результат внедрения этого объекта в исторически сложившуюся архитектурную среду [1; 6].

Каждый студент должен индивидуально составить текст экспертного заключения, отразив указанные выше характеристики нового объекта, и вынести вердикт о его влиянии на исторически сложившийся архитектурно-художественный облик фрагмента города. Если новый объект отнесен к разряду «дисгармоничный», необходимо предложить меры по снижению его дисгармоничных качеств –

³ Сибирский филиал московского института «СФИ «Спецпроектреставрация», с 1991 г. – Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация» (СИ «Сибспецпроектреставрация»).

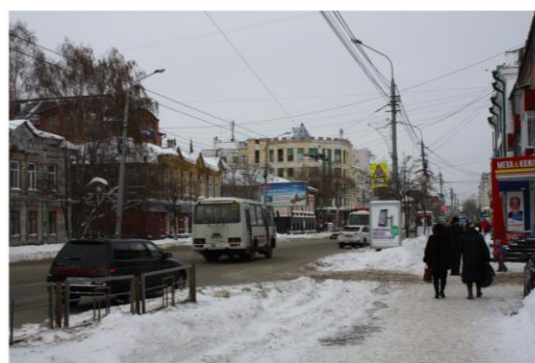
нейтрализацию, трансформацию, реконструкцию или кардинальный способ – снос [11; 13; 14].

Рис. 6. Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре города Томска по адресу проспект Ленина, 104. Выполнили студенты гр. 543 Ю. Макарова, Е. Долгова. 2017 г., рук. Л.С. Романова

Рис. 7. Историческое фото. 1980-е гг. (из экспертного заключения Ю. Макаровой, Е. Долговой. 2017 г.)

Рис. 8. Вид с пр. Ленина на исследуемый объект в Томске. 2018 г. (фото О.В. Чепровой)

Рис. 9. Вид на исследуемый объект расположенным на пр. Ленина, 104 в Томске. 2018 г. (фото О.В. Чепровой)

Завершающим этапом практической работы является ее защита с докладом и ответами на вопросы студентов и преподавателя. В зависимости от общего количества студентов создаются 3–4 локальные группы, в каждой из которых студенты выполняют экспертизу одного объекта нового строительства. К сожалению, в Томске недостатка в таких объектах на территории исторического центра нет.

К настоящему моменту на кафедре реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) составлены экспертные заключения более чем на 80 новых объектов в историческом центре Томска. И только два (!) из них признаны студентами-экспертами гармонично вписанными в исторически сложившуюся среду, которая неотделима от природного ландшафта.

Для того чтобы заключение было научно обоснованным, необходимо изучить исторически сложившуюся объемно-пространственную композицию исследуемой территории, архитектурные особенности застройки и ее функциональное назначение, историческое и современное функциональное использование территории.

Как отмечают студенты, после выполнения этой практической работы они по-другому начинают видеть город и относиться к проектированию на исторических территориях. К сожалению, в связи с сокращением аудиторных часов, в последние годы экспертное заключение делают только реставраторы.

Отметим конкретную пользу, получаемую в результате выполнения этой практической работы:

1. Студент изучает Проект зон охраны памятников истории и культуры (в Томске их два – 1982 г. и 2012 г.), регламенты, предписанные проектом, и выявляет соответствие (или несоответствие) этим регламентам нового объекта, построенного в историческом центре Томска по следующим критериям:

- *градостроительным параметрам* (роль, выполняемую объектом: доминанты, акцента, рядовой застройки; его габариты);
- *архитектурным качествам* (материалу, цветовому решению, пластике фасадов, стилистике, наличию и масштабу деталей и пр.);
- *функциональному назначению* (рассматривается его целесообразность с учетом функционального зонирования территории, ее исторических характеристик).

2. В случае несоответствия регламентам, предписанным проектом зон охраны, студент предлагает способы устранения или уменьшения дисгармоничного влияния нового объекта на историческую среду, указанные в данном проекте (*снос, реконструкция, нейтрализация*).

3. Полученный опыт позволяет *выявить* существующие ошибки при строительстве новых объектов в исторической среде города, а также *осознать* необходимость соблюдения при проектировании действующего законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия и степень профессиональной ответственности.

Экспертные заключения, выполненные студентами, позволили выявить:

- нарушения регламентов проектов зон охраны, имеющих силу закона, при отводе участков под проектирование и строительство на исторических территориях;

- низкий уровень профессиональной культуры и беспринципность проектировщиков, создающих «дисгармоничные» объекты, разрушающие архитектурно-художественное своеобразие исторического города;
- недостаточную активность и принципиальность органов охраны памятников и департаментов культуры городской и областной власти;
- отсутствие профессионалов среди юристов (за редким исключением), способных квалифицированно защищать историко-архитектурное наследие.

Выводы. Перечисленные недостатки характерны не только для Томска, но и для подавляющего большинства российских городов. Очень важно учитывать их:

- в процессе архитектурного образования высшей и средней школы;
- в работе административных и правоохранительных органов, органов охраны памятников, департаментов культуры различных уровней;
- в обучении и формировании профессионального сообщества юристов, специализирующихся на охране историко-культурного наследия.

Это будет способствовать преемственности в новом строительстве, что может устранить конфликт между исторической и новой застройкой и сохранить архитектурно-художественное своеобразие российских городов, а значит – *национальную идентичность*, необходимую составляющую успешного развития любого государства.

Список литературы

1. Романова Л.С., Литвинова О.Г. Современная застройка в исторических центрах городов. Исследования. Проблемы. Перспективы // *Вестник ТГАСУ*. – 2009. – № 2. – С. 22–39.
2. Романова Л.С. Архитектура Томска: сохранение наследия в современной городской среде // *Архитектор. Город. Время: материалы XI Ежегодной междунар. науч.-практ. конф.*, 17–19 апреля 2009 г., Великий Новгород / редкол.: Л.П. Лавров (пред.) [и др.]; Сев.-Зап. регион. отд-ние Рос. акад. архитектуры и стр.-ва. – СПб., 2009. – Ч. 1. – С. 117–120.
3. Романова Л.С., Литвинова О.Г. Принципы трансформации современной деструктивной застройки в историческом центре города (на примере города Томска) // *Вестник ТГАСУ*. – 2010. – № 1. – С. 94–101.
4. Романова Л.С. О результатах фундаментального исследования по развитию теоретических основ сохранения архитектурно-строительного наследия // *Вестник ТГАСУ*. – № 2. – 2010. – С. 55–71.
5. Романова Л.С. К проблеме сохранения архитектурно-художественного своеобразия исторических центров городов. // *Исследования и инновационные разработки РААСН: сб. ст. к общ. собр. РААСН. Т. 1. Вып. 2 / под ред. А.П. Кудрявцева [и др.]; РААСН; Иван. гос. архит.-строит. ун-т. – М.-Иваново, 2010. – С. 231–236.*
6. Романова Л.С., Литвинова О.Г. Дисгармоничная застройка в историческом центре Томска. // *Архитектурное наследие на рубеже XX–XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия / под ред. А.С. Щенкова. – М: КРАСАНД, 2010. – С. 118–125.*
7. Романова Л.С. Исчезающее своеобразие (на примере исторического поселения Томска) // *Научный диалог*. – 2012. – № 4. История. Социология. Культурология. Этнография. – С. 225–236.
8. Романова Л.С., Литвинова О.Г. Условия реализации инновационного подхода к реабилитации пространственной организации исторических центров Российских городов (на примере исторического поселения Томск) [Электронный ресурс] // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2014. – Т. 20. – С. 1156–1160. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54495.htm>
9. Романова Л.С., Малевич С.С. Градостроительный аспект сохранения деревянной застройки Томска II половины XIX – начала XX в. // *Вестник ТГАСУ*. – 2017. – № 6. – С. 15–27.

Список источников

10. Архив методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета ТГАСУ. Демонстрационный материал к практической работе «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре г. Томска на пр. Ленина, 101/1». – Томск, 2017. Студенты гр. 543 М. Аллабердиева, Е. Лукомский, А. Осипова, Т. Резниченко, руководитель – Л.С. Романова.

11. Архив методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета ТГАСУ. «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре г. Томска на пр. Ленина, 101/1». – Томск, 2017. Студентка гр. 543 Т. Резниченко, руководитель – Л.С. Романова.

12. Архив методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета ТГАСУ. Демонстрационный материал к практической работе «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре г. Томска на пр. Ленина, 104». – Томск, 2017. Студенты гр. 543 Е. Долгова, Ю. Макарова, руководитель – Л.С. Романова.

13. Архив методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета ТГАСУ. «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре г. Томска на пр. Ленина, 104». – Томск, 2017. Студентка гр. 543 Ю. Макарова, руководитель – Л.С. Романова.

14. Архив методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия (РиРАН) Томского государственного архитектурно-строительного университета ТГАСУ. «Экспертное заключение на объект нового строительства в историческом центре г. Томска на пр. Ленина, 104». – Томск, 2017. Студентка гр. 543 Е. Долгова, руководитель – Л.С. Романова.

SUMMARY

CURRENT PROBLEMS OF TOWN PLANNING

**Tumanik G.N.,
Kolpakova M.R.**

g.tumanik@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF DESIGN INSTITUTE «NOVOSIBGRAZHDANPROEKT» AND MODERN PROBLEMS OF REGIONAL TOWN PLANNING

Abstract. the authors: summarized the basic stages of formation and development of regional project institute of civil engineering which is in a deep crisis today; made the attempt to base in connection with new social and economic conditions the need to recreate regional research and design center, responsible for monitoring the development of urban systems, research and project development contributing to the smooth and consecutive development of Novosibirsk (as the regional center) and other cities in Siberian region.

Keywords: history of the project team, urban system, urban law, urban environment, regulation of urban activity.

Subbotin O.S.

subbos@yandex.ru

Kuban State Agrarian University (KSAU) named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia

ECOLOGO-PLANNING PRINCIPLES OF FORMATION OF FAVORABLE ENVIRONMENT OF LIFETIME

Abstract. The problems of ecological urban planning regulation in urban and rural settlements are considered, which must be addressed to create a comfortable environment for life. Especially noted the ecological crisis in these settlements in the second half of the XX century. The main characteristics of scientific research, which are mandatory for the disclosure of the declared topic, are indicated. The influence of anthropogenic and natural environment on the creation of favorable conditions for living environment is revealed. A special role is assigned to territorial planning, principles of sustainable development of territories. Attention is focused on the relationship between the natural landscape and the projected architectural and planning structure of the territories. The practical significance lies in the fact that the research materials can be used in the development of a program to create an enabling environment for living in settlements.

Keywords: town planning ecology, living environment, factor, settlement, territory, structure, situation, crisis, architecture, territorial planning.

Protasova Yu.A.

protasovay@mail.ru

Nitievskaya E.E.

nitiev@bntu.by

Belarusian National Technical University (BNTU),

Minsk, Belarus

PROPOSALS TO IMPROVE GREEN SPACES IN CITIES OF BELARUS

Abstract. The article analyzes the current state of landscaping of the city of Minsk and provides suggestions for improving urban green spaces at the level of the city, residential area and quarter, as well as trends to improve the comfort of residential courtyards and apartments with the use of modern methods of landscaping.

Keywords: architectural environment, urban greening system, urban gardens, green roofs, vertical greening, Belarus.

Samarina N.D.

samarinanadezhda@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

FORMATION AND DEVELOPMENT OF GREEN ZONES OF NOVOSIBIRSK DURING 1890–2010

Abstract. Novosibirsk as constantly growing and changing city, developing new territories, reconstructing already built up, solving residential, recreational, production and transport problems, building new sports and shopping malls has to solve also a problem of preservation, development and creation of new territories of gardening, boulevards, squares and parks therefore at each stage of his existence this picture will be other. In the conditions of the growing interest of administrative structures of the city in improvement and preservation of green zones of Novosibirsk it would be interesting to analyse the main tendencies of their emergence and further existence in a difficult situation of active building and expansion of urban areas.

Keywords: the history of development of city structures, green sites in the territory of the city, the priority directions of development of green zones.

Berdonosova D.V.

dberdonosova@gmail.com

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

THE TRANSFORMATION OF THE ELEMENTS OF THE PARK YEAR- ROUND USE

Abstract. The article deals with the problem of low recreational attractiveness of urban parks of culture and recreation and the issues of increasing their attractiveness by seasonal transformation of certain functional areas and elements.

Keywords: park of culture and rest, transformation of environment, elements of recreation, functional zones.

Tyzhebrova T.F.

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin),
Novosibirsk, Russia

THE FORMATION OF RIVER FACADES OF CITIES (BY EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK)

Abstract. The article deals with the urban planning and architectural-planning problems of the river facade of the city of Novosibirsk in 1980–2010. The key areas that determine the river facade of the city, the main problems of the river facade formation in Novosibirsk are identified and the author's proposals on the formation of the river facade of the city are considered on the example of educational projects.

Keywords: river facade of the city, coastal areas, Novosibirsk.

Sergeenko A.M.

a.sergeenko@me.com

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

Kalugina E.M.

ula.grado@gmail.com

EXPERIENCE OF INTRODUCTION OF STUDENT'S RESEARCHES AT THE DEVELOPMENT OF URBAN PLANNING DOCUMENTATION

Abstract. This article considers the experience of implementing a student's scientific research in the process of urban planning using the example of the center of the science city of Koltsovo.

Keywords: urban planning, master plan, architectural education, students research, Koltsovo.

ARCHITECTURE OF BUILDINGS AND CONSTRUCTIONS

Ermolenko E.V.

markhi_ermolenko@mail.ru

Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia

THE DEVELOPMENT OF THE FAN SCHEME IN THE SPACE OF THE CONTEMPORARY MUSEUM

Abstract. The spatial structure of the first museums was wearing a functional, clearly defined character. The system of movement, most often along the line of the enfilade and the gallery, did not give visitors the opportunity to choose, directing it from one room to another. In the twentieth century, despite the diversity of new schemes of construction, a kind of «commitment» route inspection still remained a hallmark of most museums. One of the few schemes of construction, in which it is possible to independently compile the route by the visitor, is the «petal» or «fan» scheme. The article analyzes the formation of this type of spatial organization scheme, as well as its development and use in modern museums.

Keywords: spatial structure, loop motion system, modern Museum.

Paley E.S.

ekpaley@gmail.com

Scientific advisor is Pavlov N.L.

Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia

SQUARE IN MODERN EUROPEAN UNIVERSITY CAMPUS

Abstract. The article is devoted to the principles of organization of squares in modern European university campuses. Major attention is paid to the university square as the main image element of university campus. There were revealed main features of major and additional squares. Different methods are analyzed on number of examples of creation the image of university square.

Keywords: university campus, public space, major square, dominant element, amphitheatre.

Kiselnikova D.Y.

kiselnikova.darya@yandex.ru

Scientific advisor is Filippov V.N.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

RECONSTRUCTION OF PROTRACTED CONSTRUCTION OF THE SOVIET PERIOD IN NOVOSIBIRSK IN THE 1990s

Abstract. The article deals with the problems of reconstruction of long-term construction of the Soviet period in Novosibirsk in the 1990s. On the example of the realized objects, the specifics of the reconstruction of such buildings are determined, as well as the significance of the redevelopment of long-term buildings in the most popular type of buildings of that time – residential houses.

Keywords: protracted construction, housing construction, architecture of Novosibirsk

THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE, TOWN PLANNING AND DESIGN. URGENT PROBLEMS OF ART CRITICISM

Panova N.G.

Pana00@mail.ru

Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia

THE COLOURS IN ARCHITECTURAL SCHOOL. COLOR-PLASTIC INTERPRETATION OF THE SPATIAL SHAPE

Abstract. The article deals with the issues of color formation in the system of education in the architectural school on the example of the discipline «Architectural coloristics» (the experience of the Moscow Institute of Architecture (State Academy) MARKHI, Department of «Design of architectural environment»). The importance of color formation using the method of models is revealed. The analysis of the exercise, which considers the formative effect of polychromia on the example of a spatial form using two types of polychromia: monochrome and contrast. Conclusions are formed on the basis of the author's practical work with students of the Moscow Institute of Architecture (State Academy).

Keywords: architectural coloristics, architectural school, polychromy, plane, volume, space, form formation.

Kosheutova O.L.

olga.leonarda@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

FROM THE HISTORY OF COLOR THEORY

Abstract. The article presents a brief analysis of the history of the origin and formation of the theory of color. The main postulates from scientific works and discoveries of researchers of different epochs, which made the main contribution to the development of the theory of color perception, are systematized. The description of color models offered by well-known scientists is given.

Keywords: color theory, color model, color perception.

Kozlov G.V.

archifutura@ya.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE METHODOLOGY AND RESULTS OF MULTIVARIATE ANALYSIS IN THE STUDY OF ARCHITECTURE WITH THE HELP OF OCULOGRAPHY

Abstract. The results of the study of architectonic synthesis and its main categories, obtained by methods of oculography, as well as methods of data analysis: visual, correlation, factor. The results of experiments related to the system-forming properties of architectonics are shown to be significant for the architectural theory. The new results of calculations of architectonic characteristics of the multivariate analysis indicating the subordination of the post-non-classical major categories of architectural synthesis, giving a visualization of architectonic Foundation.

Keywords: theory of architecture, multivariate analysis, architectonics, oculography.

Krashennnikov V.V.

vkrash48@mail.ru

Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU),
Novosibirsk, Russia

THE ROLE OF SOCIAL COMMUNICATION IN PROJECT ACTIVITIES

Abstract. The paper deals with the concept and role of social communication in project activities. The analysis of the stages of activity in which social communication is essential is given. The place and application of social communication in the design are shown. It is noted that in the project activities there is a strengthening of the processes of integration of interpersonal social relations, which causes the problems of communication at the social and professional levels. The study of social communication is a process that facilitates the understanding of modern social life and the formation of interpersonal and professional relationships.

Keywords: social communication, project activity, interpersonal relations, professional relations.

Kokarevich M.N.

kokarevich@mail.ru

Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB),
Tomsk, Russia

SOCIO-CULTURAL REALITY AS A CONTEXT OF ARCHITECTURAL-ARTISTIC DESIGN

Abstract. The article reveals the impact of the socio-cultural context on architectural intentions, on the specifics of the subject of architectural and artistic design as a unity of objective and subjective, emotional and rational. It has been consistently shown that the unity of the subjective and objective in artistic design is refined by considering the artistic design image as a unity of denotative and connotative. The socio-cultural context also defines the specifics of the procedural component of architectural and artistic activity as design or deconstruction.

Keywords: socio-cultural context, denotation, connotation, construction, deconstruction.

Belyaev A.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

ABOUT A CREATIVE METHOD OF PAINTING THE LANDSCAPE

Abstract. The article on the basis of the analysis of the works of famous artists and partly his own long-term artistic experience of the author proposes a typology of creative methods in the field of landscape painting. It is noted that only the understanding of the diversity of these methods, each of which belongs to its time, allows the young artist to self-determine.

Keywords: landscape painting, creative method, realism, avant-garde, Fauvism, expressionism.

Ushkov V.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE CITYSCAPE OF NOVOSIBIRSK IN THE WORKS OF V.I. USHKOV

Abstract. The article analyzes the theme of Novosibirsk landscape in the works of the artist V.I. Ushkov. There are two series of landscapes that differ in the author's concept.

Keywords: urban landscape, Novosibirsk, picturesque series.

Zinchenko N.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

CONTEMPORARY TAPESTRY IN A PRIVATE INTERIOR

Abstract. The article analyzes the creative experience of the tapestry for private interior. Influences common to the synthesis of art of the late XX – early XXI century orientation to the penetration of plastic arts, in this case, using textile textured relief.

Keywords: tapestry, synthesis of arts, private interior.

Shatalov A.A.

shatalov_iarhi@mail.ru

Academy of Architecture and Arts of Southern Federal University (AAA SFU),
Rostov-on-Don, Russia

THE «COEFFICIENT OF CURVATURE»: PYRAMID OF CHEOPS AND EXTERNAL COMPOSITIONAL CENTER OF THE COMPLEX AT GIZA

Abstract. The article presents the results of the study of the «curvature coefficients» of the Cheops pyramid and the hypothetical circle associated with the external compositional center of the pyramids complex in Giza, justifies their equivalence. The research methodology is based on the previously discovered by the author principle of «modulation-37» and other modulations implemented on the basis of primes.

Keywords: Giza, external composite center, the «coefficient of curvature», «modulation-37», size structures, prime numbers, the pyramids.

Chan Zhang Nam

namkts008tm@gmail.com

National University of Civil Engineering (NUCE),
Hanoi, Vietnam

CHARACTERISTICS OF THE MAIN FUNCTIONAL AND PLANNING AREAS OF HANOI IN THE MIDDLE OF XIX CENTURY

Abstract. The article considers the main functional planning zones of Hanoi in the middle of the XIX century, the characteristics and the main changes of these zones. The results of the study are important for the study of the architectural and planning structure of Hanoi in the subsequent stages of its development, especially in the colonial period.

Keywords: Hanoi, middle of XIX century, functional planning zones, fortress, market, Old quarter, Hoan Kiem lake.

Blatova O.Yu.

9059849359@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE FIRST TEMPLE COMPLEX IN BARNAUL

Abstract. The article discusses the new archival material associated with a unique temple complex in Barnaul XIX–XX centuries. Analysis of archival data confirmed participation in the creation of a complex of city architect I.F. Nosovich. On the basis of field surveys and the study of archival documents identified changes and the loss of the monument of federal significance. Analysis of the restoration work revealed deviations from the original project.

Keywords: temple complex, I.F. Nosovich, poorhouse, ensemble, hospital, Barnaul.

Rostovtseva I.L.

i.rosto@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

CHURCH IN THE NAME OF ST. NICHOLAS OF THE VILLAGE OF MASLYANINO: CLARIFICATION OF DATES

Abstract. The features of architecture and history of the Church in the name of St. Nicholas in the village of Maslyaninsky Barnaul district of Tomsk province are considered. Specify the date of occurrence of the parish and the construction of the temple. It is established that the temple was built according to the standard project № 9 from the album of projects of temples «Highly approved for construction in Siberia». For the first time introduced into scientific circulation information about the temples built on this project. The study is based on archival sources.

Keywords: history of architecture and building, Christianity, Church, religious architecture, model design, Maslyanino.

Maryasova M.K.

Mar98asova@gmail.com

Scientific advisor is Tumanik A.G.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

REGIONAL ACCENTS OF THE NON-CLASSIC INTERIOR OF THE PARLIAMENT IN STORMONT (NORTHERN IRELAND)

Abstract. The article presents the British experience of using neoclassicism in public interiors as a means to set off the merits of handicraft production, emphasizing the role and importance of agricultural culture, flax in decorative ornament. Comparison of the work of the architect Sir Arnold Thornley with similar buildings in the United States. The connection between the Belfast version of Art Deco and Neo-Classicism with the Georgian style, characteristic of Great Britain in the format of world history of architecture, is noted as a specific feature.

Keywords: neoclassicism, Arnold Thornley, public interior, flax, Northern Ireland, Stormont.

Vakhitov T.R.

timmythefirst@gmail.com

Scientific advisor is Yawein O.I.

Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia

ILYA GOLOSOV'S METHODS OF PROJECT DESIGN

Abstract. This article is an attempt to analyze Ilya Golosov's project method. New approach is based on connection between different components of project model, both functional and graphic. Ilya Golosov's project system is based on use of grid for formation of sculptural surfaces of the volumes of the building.

Keywords: project modelling, soviet architecture, constructivism, theory of architectural organisms

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

MONGOLIAN ARCHITECTURAL AVANT-GARDE 1920–1930s

Abstract. The article presents the results of the study of new sources on the architecture of Mongolia in the first half of the XX century. Their analysis showed that a number of objects belonging to the architectural avant-garde were built in the capital of the country, the city of Ulaanbaatar. This refutes the traditional view. Until now, it was believed that Mongolia 1920–1930s was isolated from the world trends of architectural thought and such innovative trends as architectural avant-garde, simply could not appear here.

Keywords: history of architecture of the XX century, architectural avant-garde, architecture of the East, Mongolia.

Blinov E.N.

1041954@rambler.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

«LEFT-BANK OF NOVOSIBIRSK» AS A MONUMENT OF URBAN DEVELOPMENT ART

Abstract. The article analyzes the factors that make it possible to evaluate the project of the «Left-Bank Novosibirsk» as an outstanding monument of the urban planning art of the twentieth century.

Keywords: history of architecture, town planning, Left-bank of Novosibirsk.

Starostenko Yu.D.

ystarostenko@yandex.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (SRITHAUP, NIITIAG),
branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE PROBLEM OF THE ENSEMBLE IN THE REPORT L.A. ILYIN ON THE FIRST ALL-UNION CONGRESS OF SOVIET ARCHITECTS IN 1937

The study was carried out at the expense of the state program of the Russian Federation «development of science and technology» for 2013–2020 in the Framework of the plan of fundamental research of the Ministry of construction of Russia and RAAS, theme 1.4.3./ 1.1.17.

Abstract. The article, based on the analysis of the materials of the Union of Soviet architects (The Russian State Archive of Literature and Arts) Foundation, for the first time considers in detail the inclusion of the ensemble problem in the agenda of the First all-Union Congress of Soviet architects. Special attention is paid to the analysis of the text of the report of L.A. Ilyin «Planning of Leningrad and issues of the city ensemble».

Keywords: Soviet town-planning, ensemble, L.A. Ilyin, the First all-Union Congress of Soviet architects.

Kuzevanov V.S.

kuzevanovvs@omsu.ru

Dostoevsky Omsk State University (OmsU),
Omsk, Russia

TOWN-PLANNING CONCEPTS OF THE DEVELOPMENT OF OMSK OF THE 1950s

Abstract. The article considers the main town-planning projects of Omsk in the 1950s. An analysis of archival sources based on printed publications is carried out to highlight the stages of designing the city center. An attempt is made to establish a list of architects involved in the development of integrated urban development schemes.

Keywords: master plan of Omsk, town planning of the 1950s, Giprogor, cities of Siberia, city planners.

Bespalova D.A.

sagaan09@yandex.ru

Scientific advisor is Chernyack E.I.
Tomsk State University (TSU),
Tomsk, Russia

MASTER PLANS OF TOMSK OF THE PERIOD OF 1932–1960s

Abstract. In the article the main characteristics of drafts of master plans of 1939, 1947, 1959 of the city Tomsk in the context of change of historical appearance are studied; by means of archival researches. A graphic method helps to understand the main town-planning structure of the city and her change is analyzed. These components are considered: percentage ratio differently store buildings and orientation of development of the residential territory.

Keywords: master plan, town-planning scheme, Soviet period, historical building.

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

Litvinova O.G.

litvinovaolga1982@gmail.com

Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB),
Tomsk, Russia

RUSSIAN ARCHITECTURAL AND TOWN PLANNING EXPERIENCE IN THE OF MONGOLIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – XX CENTURIES: THE STATE OF THE QUESTION

Abstract. The article on the material of Mongolia examines the domestic experience of international architectural and urban development cooperation. The results of the survey expeditions and the study of archival materials showed that in the second half of the XIX – XX centuries between Russia and Mongolia there were active architectural and urban relations. The peak of cooperation fell on the Soviet period. However, as the analysis of scientific literature has shown, the role of domestic approaches and specialists in the architectural and urban development of Mongolia is still poorly understood.

Keywords: history of architecture and town planning, history of Soviet architecture, Mongolia.

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (SRITHAUP, NIITIAG),
branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ARCHITECTURAL REFORM OF THE LATE 1950s – EARLY 1960s IN WESTERN SIBERIA: BASIC QUESTIONS OF IDEOLOGICAL STRUGGLE

Abstract. As evidenced by archival materials, already in the late 1950s, at the initial stage of the architectural reform, in Western Siberia, a fierce ideological struggle broke out between the supporters of universal and regional approaches. The reason for the struggle was that the Central authorities began to introduce a universal approach and standard solutions that contradicted the regional specifics of Western Siberia. Previously, it was believed that in Western Siberia the beginning of the reform was perceived by local architects extremely positively, and the negative sides were revealed and became obvious to the designers only later, in the 1970–1980s.

Keywords: history of Soviet architecture and town planning, Khrushchev's housing reform, West-Siberia, regional features.

ARCHITECTURAL AND ART EDUCATION

Zaikova T.V.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

«OUR COMMON AND ONLY TEACHER»

Abstract. The article considers the role of the teacher's personality in the process of teaching fine arts on the example of the life and work of Professor Of the Imperial Academy of arts of the artist P.P. Chistyakov. The study is based on the memories of his contemporaries and students.

Keywords: P.P. Chistyakov, artist, teacher, letters, memories, pedagogical system.

Lukin A.E.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

GENERALIZATION OF EXPERIENCE OF TEACHING DRAWING GEOMETRIC SHAPES ACCORDING TO THE IMAGINATION OF APPLICANTS NSUADA

Abstract. The article analyzes the creative experience of teaching the subject «drawing» to applicants wishing to pass entrance tests in creative universities of architectural and design orientation. The main problems facing the applicants in the process of mastering the linear-constructive drawing are revealed. The ways of their decision are offered.

Keywords: linear-constructive drawing, academic drawing, modular grid, drawing of geometric bodies, linear perspective, teaching methods, drawing on the imagination.

Samoilov V.V.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

STYLING FORMS IN THE PROCESS OF PREPARING ARCHITECTS AND DESIGNERS

Abstract. The article shows the importance of stylization of architectural forms in drawing and painting for professional training of architects and designers.

Keywords: stylization, artistic transformation, decorative composition.

Galikberova A.V.

anna-artdis@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE VOLUME AND SPATIAL COMPOSITION AS AN ESSENTIAL PROPAEDEUTIC DISCIPLINE

Abstract. In article history of emergence and development of a propaedeutic course in volume and spatial composition is considered. This course is fundamental to professional activity of the modern architect, the designer, the artist. Sources of a course originate within the walls of VKHUTEMAS and are created by one of the best experts architects and theorists of the XX century.

Keywords: volume and spatial composition, theory of architecture, architectural vanguard, shaping, model.

Galikberova A.V.

anna-artdis@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE CONTINUITY OF THE DEVELOPMENT OF THE COURSE «COMPOSITIONAL MODELING» FROM ITS ORIGINS TO THE PRESENT DAY (FOR EXAMPLE NSUADA)

Abstract. Examines the impact of the propaedeutic disciplines of architecture schools of the early twentieth century for a course «Compositional modeling» (volume and spatial composition) which is currently implemented in NSUADA. The previous article deals with the historical aspect of the emergence of disciplines affecting the issues of architectural composition. This article is devoted to the modern content of the course on spatial composition (composition modeling) and its development.

Keywords: volume and spatial composition, theory of architecture, architectural vanguard, shaping, model.

Galikberova A.V.

*anna-artdis@mail.ru*Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

AN OVERVIEW OF THE METHODOICAL FUND OF WORKS ON THE COURSE «COMPOSITIONAL MODELING» IMPLEMENTED IN NSUADA (MODEL FORM)

Abstract. This article is the final article in the block devoted to the course «Compositional modeling». In the previous parts, questions were raised about the emergence of this course as the most important propaedeutic discipline, its development and implementation at the present time (by the example of NSUADA). In this part, the course content on volume and spatial composition is reviewed and a review of student work performed in a model form is conducted.

Keywords: volume and spatial composition, architecture theory, shaping, composition center, composite axis, layout.

Terekhina V.S.

*veraterekhina@mail.ru*Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE TRANSITION FROM «OBJECT» REPRESENTATIONS TO «ACTIVE». Part 1: TEMPLATE

Abstract. The transition from «object» ideas to «activity» gives students a procedural idea of the city. In the process, a template was developed, which is a programming tool, that is, the translation of the past situation into the future. The template distinguishes between the space of the past, present and future, as well as the allocation of the plan of logic, and the plan of vision of the object, which allows students to translate the reference plan into a project proposal.

Keywords: city-process, Aristotle, «object approach» and «activity approach», form, material, logic, template.

Romanova L.S.

Lara235@yandex.ru

Cheprova O.V.

*Cheprova.o@gmail.com*Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB),
Tomsk, Russia

CONFLICT OF NEW AND OLD (ON THE EXAMPLE OF BUILDING THE HISTORIC CENTER OF TOMSK)

Abstract. The article deals with the actual problem of the destruction of the integrity of the historical centers of Russian cities during the construction of new objects. The authors note the significant role of architectural education in creating and eliminating this problem. The presented results of expert opinions made by students of Faculty of Architecture of TSUAB which allow to identify the main mistakes. They made in the construction of new objects in the historical environment of Tomsk. The experience of the expert received by future architects, designers and restorers contributes to the emergence of continuity in new construction, eliminating the conflict between historic and new buildings, creating a comfortable urban environment that preserves its architectural and artistic origin.

Keywords: historical city, architectural artistic originality, modern building, education, continuity.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	4
<i>Туманик Г.Н., Колпакова М.Р.</i> ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ИНСТИТУТА «НОВОСИБГРАЖДАНПРОЕКТ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ГРАДОРЕГУЛИРОВАНИЯ	4
<i>Субботин О.С.</i> ЭКОЛОГО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	13
<i>Протасова Ю.А., Нитиевская Е.Е.</i> ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОЗЕЛЕНЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ	18
<i>Самарина Н.Д.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕЛЕННЫХ ЗОН НОВОСИБИРСКА В 1890–2010-е гг.	23
<i>Бердоносова Д.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПАРКА В УСЛОВИЯХ КРУГЛОГОДИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	30
<i>Тыжбурова Т.Ф.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧНЫХ ФАСАДОВ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)	33
<i>Сергеенко А.М., Калугина Е.М.</i> ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	39
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ	43
<i>Ермоленко Е.В.</i> РАЗВИТИЕ «ВЕЕРНОЙ» СХЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ	43
<i>Палей Е.С.</i> ПЛОЩАДЬ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ КАМПУСЕ ЕВРОПЫ	48
<i>Кисельникова Д.Ю.</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОЛГОСТРОЕВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В НОВОСИБИРСКЕ В 1990-е гг.	52

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ	56
<i>Панова Н.Г.</i> КОЛОРИСТИКА В АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЕ. ЦВЕТО- ПЛАСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ФОРМЫ	56
<i>Кошеутова О.Л.</i> ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЦВЕТА	61
<i>Козлов Г.В.</i> МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ МНОГОФАКТОРНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ АРХИТЕКТониКИ С ПОМОЩЬЮ ОКУЛОГРАФИИ	66
<i>Крашенинников В.В.</i> РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	72
<i>Кокаревич М.Н.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК КОНТЕКСТ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ	77
<i>Беляев А.И.</i> О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ЖИВОПИСИ ПЕЙЗАЖА	81
<i>Ушков В.И.</i> ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ НОВОСИБИРСКА В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. УШКОВА	85
<i>Зинченко Н.И.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ГОБЕЛЕН В ЧАСТНОМ ИНТЕРЬЕРЕ ..	88
<i>Шаталов А.А.</i> «КОЭФФИЦИЕНТ КРИВИЗНЫ»: ПИРАМИДА ХЕОПСА И ВНЕШНИЙ КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЦЕНТР КОМПЛЕКСА В ГИЗЕ	90
<i>Чан Жанг Нам.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ ЗОН ХАНОЯ СЕРЕДИНЫ XIX в.	95
<i>Блатова О.Ю.</i> ПЕРВЫЙ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС В БАРНАУЛЕ	102
<i>Ростовцева И.Л.</i> НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ СЕЛА МАСЛЯНИНО: УТОЧНЕНИЕ ДАТ	108
<i>Марьясова М.К.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКЦЕНТЫ НЕОКЛАССИЦИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЬЕРА ПАРЛАМЕНТА В СТОРМОНТЕ (СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ)	114
<i>Вахитов Т.Р.</i> ПРИЕМЫ ПРОЕКТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И.А. ГОЛОСОВА	121
<i>Духанов С.С.</i> МОНГОЛЬСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ АВАНГАРД 1920– 1930-х гг.	124

<i>Блинов Е.Н.</i> ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ НОВОСИБИРСК КАК ПАМЯТНИК ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА	130
<i>Старостенко Ю.Д.</i> ПРОБЛЕМА АНСАМБЛЯ В ДОКЛАДЕ Л.А. ИЛЬИНА НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ В 1937 г.	133
<i>Кузеванов В.С.</i> ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ОМСКА 1950-х гг.	138
<i>Беспалова Д.А.</i> ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ТОМСКА 1930–1960-х гг.	145
<i>Духанов С.С., Литвинова О.Г.</i> ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО- ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ В МОНГОЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – XX ВВ.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА	150
<i>Духанов С.С.</i> АРХИТЕКТУРНАЯ РЕФОРМА КОНЦА 1950-х – НАЧАЛА 1960-х гг. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ	157
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	162
<i>Зайкова Т.В.</i> «НАШ ОБЩИЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ»	162
<i>Лукин А.Е.</i> ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РИСУНКА ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕЛ ПО ВООБРАЖЕНИЮ АБИТУРИЕНТАМ НГУАДИ	168
<i>Самойлов В.В.</i> СТИЛИЗАЦИЯ ФОРМ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ АРХИТЕКТОРОВ И ДИЗАЙНЕРОВ	171
<i>Галикберова А.В.</i> ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОБЪЕМНО- ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ КАК ВАЖНЕЙШЕЙ ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	174
<i>Галикберова А.В.</i> ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ КУРСА «КОМПОЗИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ» ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ (НА ПРИМЕРЕ НГУАДИ)	177
<i>Галикберова А.В.</i> ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКОГО ФОНДА ПО КУРСУ «КОМПОЗИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ», РЕАЛИЗУЕМОМУ В НГУАДИ (МАКЕТНАЯ ФОРМА)	180
<i>Терехина В.С.</i> ПЕРЕХОД ОТ ОБЪЕКТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ. Часть 1: ШАБЛОН	185

<i>Романова Л.С., Чепрова О.</i> КОНФЛИКТ НОВОГО И СТАРОГО (НА ПРИМЕРЕ ЗАСТРОЙКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. ТОМСКА)	190
SUMMARY	197
СОДЕРЖАНИЕ	210

РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ

2018

№ 1

Ответственный редактор *С.С. Духанов*
Составитель *С.С. Духанов*
Редактор *О.В. Федоркова*
Компьютерная верстка *С.С. Духанов*
Дизайн обложки: *А.В. Радзюкевич, С.С. Духанов*

Подписано в печать 02.11.2018. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 22,5. Тираж 500 экз. (1 завод 1-50)
Заказ № 271.

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39

